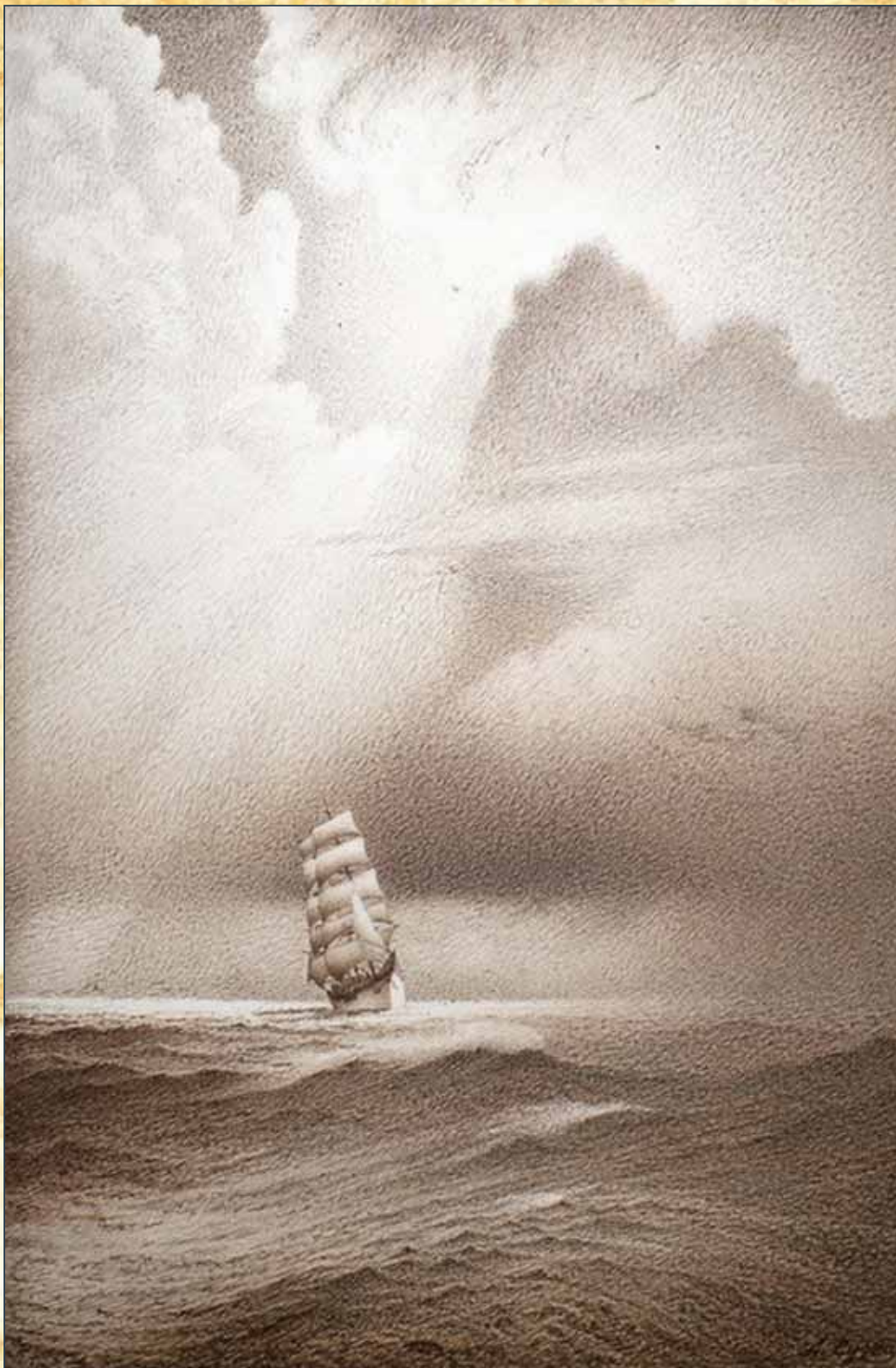

**АФАНАСИЙ ФЕТ —
«ПЕВЕЦ АБСОЛЮТНОЙ КРАСОТЫ»**

**КАКУЮ ВОДУ ПИЛИ МОСКВИЧИ
200 ЛЕТ НАЗАД...**

**СЛИЛИСЬ ТРИ ЧУДА ВОЕДИНО —
КОРАБЛЬ, МОРЕ, ЧЕЛОВЕК!**

О творчестве художника Александра Судца читайте на странице 65.

Минувшее

<i>Юрий Осипов</i>	А.А. Фет. «Зажги свой факел вдохновенный» 4
--------------------	--

Замечательные современники

<i>Борис Пастухов</i>	О самом близком и дорогом 21
<i>Виктор Ом</i>	Гимн парусу 65
<i>Андрей Колобаев</i>	Евгений Князев: «У каждого свой путь...» 76
<i>Татьяна Харламова</i>	Скульпторы голосов 107

Это интересно

<i>Алла Зубкова</i>	М.И. Глинка. «Отец Руслана и Людмилы» 36
<i>Владимир Братченко</i>	Кудесник вина 52
<i>Дмитрий Зелов</i>	Ростокинский акведук 96

Поэзия

<i>Иван Переверзин</i>	Стихи 88
------------------------	-----------------------

Житейские истории

<i>Валерия Колесникова</i>	Очки 104
----------------------------	-----------------------

Детектив

<i>Андрей Дышев</i>	Одноклассники 116
---------------------	--------------------------------

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Аполлинарий Васнецов.
«У водоразборного фонтана
на Б. Сухаревской площади
в 70-х годах 19 века»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. № 9352

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.08.2018

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Мимо этой старинной усадьбы, притулившейся на самой окраине Москвы, проезжают каждый день тысячи людей — и в упор не видят! Даже не подозревают, сколько удивительных загадок связано с ней и окружающей ее местностью. И тем более, мало кто знает, что именно здесь, в Братцево, можно прикоснуться к древнейшей истории: ведь эту усадьбу выкупил у Троице-Сергиева монастыря еще постельничий Дмитрий Иванович Годунов, родной дядя будущего царя Бориса...

Дмитрий **Зелов** «Тайны и загадки усадьбы-призрака»

« Две яркие и очень талантливые личности. Писатель и художник. Их связывала многолетняя дружба — это и долгие, затягивающиеся порой за полночь, задушевные беседы, и свалившиеся на обоих жизненные страдания, и общность интересов, и многое, многое другое, что делало эту дружбу такой удивительной и крепкой. Поэтому после ухода из жизни Ильи Глазунова появилось желание написать документальную повесть-воспоминание об этом прекрасном человеке с открытым и добрым сердцем, который был для писателя Переверзина не только другом, но во многом и наставником...

Иван **Переверзин** «Мой Глазунов»

« Григорий Артемович Пенжоян — легендарный врач Краснодарского края. Доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии, «заслуженный врач РФ», лауреат проекта «Профессиональная команда страны» и... просто очень хороший и добрый человек, живущий по принципу: любить людей надо...

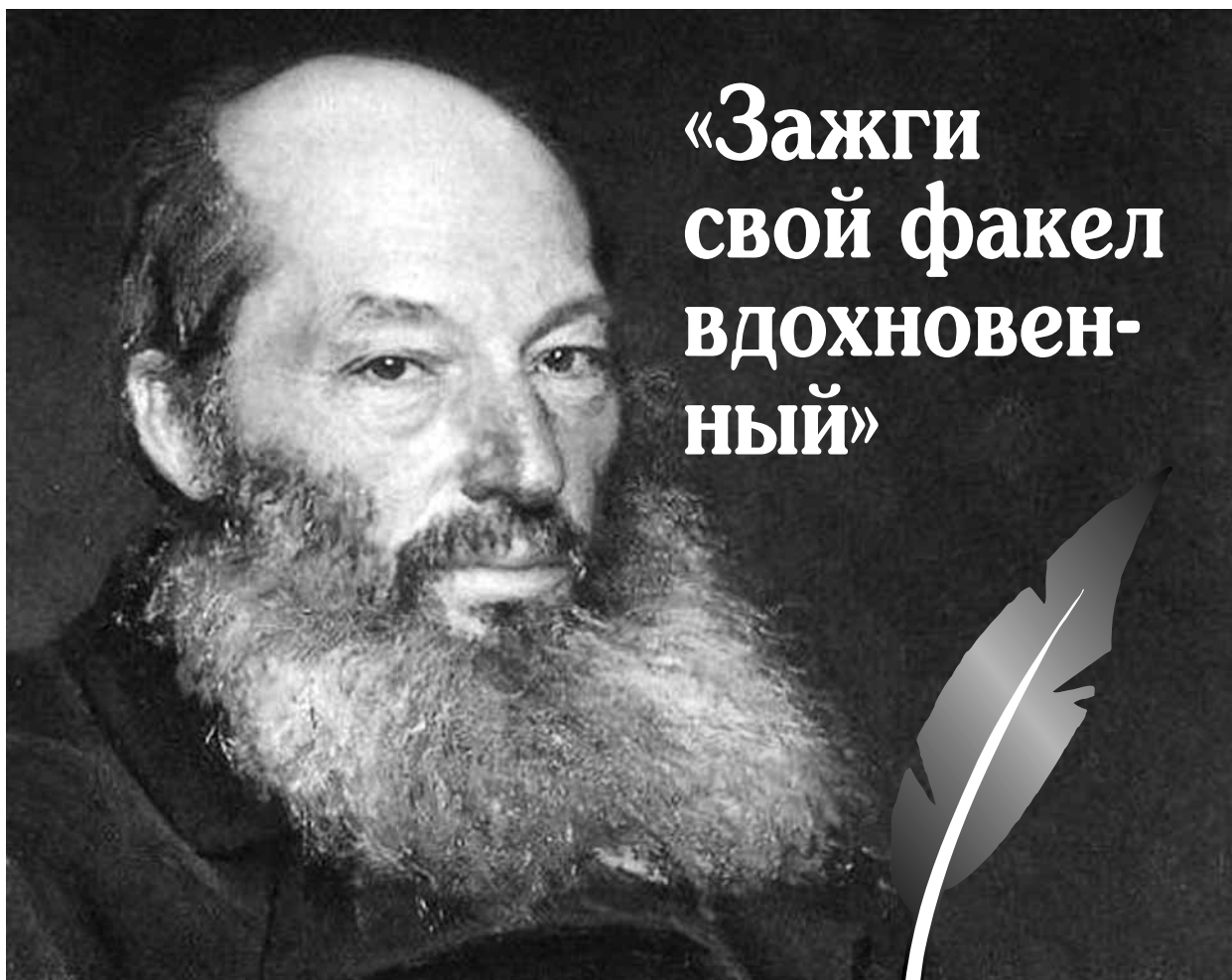
Елена **Логунова** «Любить людей»

« Андрея Белого считают одним из создателей «символизма» в России. Он пережил Первую мировую, к которой, кстати, относился весьма негативно, считая себя пацифистом, Октябрьскую революцию, сложные для него годы при советской власти — и скончался в 1934 году от инсульта. «Отвержение» Белого советской культурой, длившееся при его жизни, продолжалось и впоследствии, поэтому его творчество долгое время было недооценено. Зато сегодня ни одна из многочисленных антологий русской современной литературы не обходится без упоминания Андрея Белого (настоящая фамилия Борис Бугаев) как основателя авангарда XX века, великого прозаика и поэта.

Юрий **Осипов** «И жизни подвиг подневольный...»

« Продолжение детектива Андрея **Дышева** «Одноклассники»

А.А.ФЕТ

«Зажги
свой факел
вдохновен-
ный»

Тончайший певец русской природы, любви, красоты и искусства, а, вместе с тем, на редкость рачительный, прижимистый помещик, Афанасий Афанасьевич Фет родился от еврейской фрау Шарлотты Фёт и ее законного супруга, дармштадского чиновника Иоганна Петера Фёта. Приемным отцом ребенка стал отставной ротмистр, участник войн с Наполеоном, Афанасий Шеншин, без памяти влюбившийся в Шарлотту, когда во время лечения на водах снимал комнату в доме ее отца.

Молодая супруга почтенного немецкого чиновника ответила пылкому русскому гостю взаимностью, и Шеншин, похитив беременную возлюбленную у мужа, тайно привез ее в свое орловское имение Новоселки, где и родился будущий великий русский поэт, в жилах которого не было ни капли русской крови. Его крестили и, вероятно, за взятку священнику, дали имя и фамилию приемного отца. После того как Шарлотта Карловна приняла православие и нареклась Елизаветой Петровной Фет, она обвенчалась с Шеншиным, родив ему в браке еще несколько детей.

Подложный церковный брак их позднее был аннулирован духовной консисторией, а «незаконнорожденный» мальчик утратил по закону дворянское происхождение и права наследования в качестве старшего сына Афанасия Афанасьевича. Причем его лишили не только дворянства, но и российского подданства, определив «гессендармштадским поданным Афанасием Фётом».

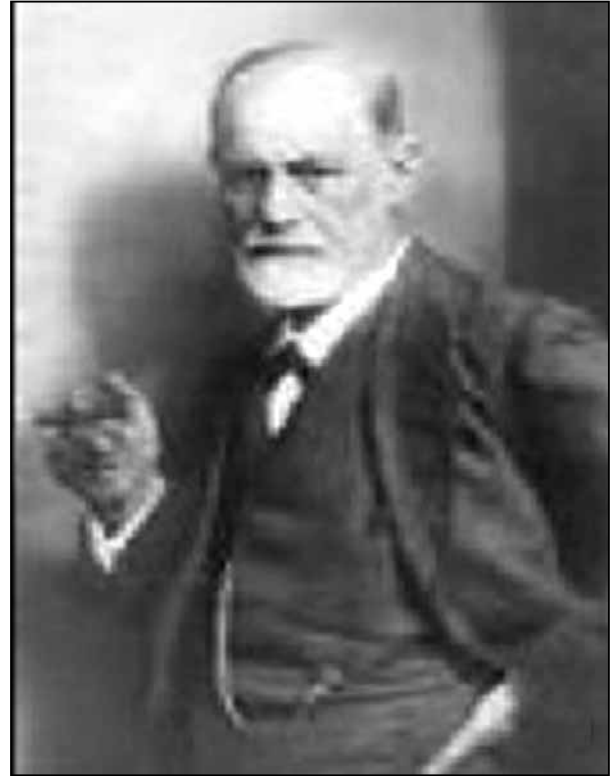
Это произошло, когда будущему поэту едва исполнилось 14 лет, и явилось для него «жесточайшими нравственными пытками», повлиявшими на всю дальнейшую жизнь. Почти 40 лет он будет добиваться восстановления чести матери, возвращения себе родового имени и дворянского звания вместе с прилагающимися к нему привилегиями, ради чего даже поступит на длительную военную службу.

В конечном итоге, будучи уже известным поэтом и состоятельным помещиком, Фет добьется высочайшего указа о возвращении ему всех наследственных прав по отцу, Афанасию Шеншину. Однако в истории русской литературы навечно прославится под именем Афанасия Фета.

В биографии Фета немало загадок, до сих пор будоражащих умы исследователей. Например, обстоятельства рождения автора хрестоматийных, переложенных на музыку стихов, который первые 14 и последние 19 лет носил фамилию Шеншин. Доподлинно неизвестна и дата его

рождения. Называют 10 или 11 декабря 1820 года, однако сам поэт отмечал день рождения 5 декабря.

За что его сумасбродная 22-летняя замужняя мать полюбила 45-летнего, к тому же весьма неказистого отставного ротмистра из далекой холодной России, история умалчивает.

Этих двоих, помимо всего прочего, разделяли и язык, обычаи, верования. Тем не менее, их с такой силой притянуло друг к другу, что добропорядочная немецкая фрау решилась на сносях бежать с любовником в чужую, и тогда еще считавшуюся на Западе варварской, страну. Воистину пути любви неисповедимы! Но не случись этого, отечественная литература лишилась бы одного из оригинальнейших своих украшений.

По слухам, правда, еще до знакомства с Шеншиным отношения Шарлотты с супругом зашли в тупик. Иоганн влез в многочисленные долги, отравив тем самым существование молодой жены. Объяснить столь взбалмошный и невиданный для тех времен поступок Шарлотты, бросившей на произвол

судьбы мужа и горячо любимую малолетнюю дочь, немецкий дедушка Афанасия по матери пытался намеками на некие «средства прельщения» (очевидно, спиртное), якобы, лишившие ее рассудка. На самом же деле у Шарлотты впоследствии было выявлено психическое расстройство.

Приемного сына, родившегося спустя два месяца после приезда новоявленной четы в Россию, Шеншин окружил любовью и заботой, наравне с собственными тремя детьми, двое из которых, увы, умерли в раннем возрасте. В «Автобиографии» поэт вспоминал, какое глубокое впечатление произвели на него, когда он приблизился к постели заболевшей сестры Анюты, румяное лицо и неподвижно смотревшие в потолок голубые глаза девочки.

Слева:

*Мать —
Шарлотта
Фёт*

*Отец —
Афанасий
Неофитович
Шеншин*

*Афанасий Фет
в детстве*

А когда она умерла, Афанасий лишился чувств.

Удалось ли Шарлотте предварительно добиться развода с первым мужем, или же она решилась на уголовно наказуемое двоемужество? Не исключено, что прагматичный Фёт шантажировал сбежавшую жену, требуя денег за развод, и, возможно, получил их, поскольку вторично женился.

На пятнадцатом году жизни Афанасия отдали в лифляндский пансион Крюммера, находившийся в маленьком городке Верро (ныне эстонский Выру). Учили и учились там одни немцы. Русский язык, разумеется, входил в число обязательных предметов, однако говорить по-русски не умел даже директор школы. Кормили питомцев весьма скудно, зато учили серьезно, с утра до

ночи, особо налегая на латынь и математику. На каникулы Фета — единственного в пансионе — домой не брали, по «отдаленности», как он объяснял позднее. Причина же, скорее, крылась, по мнению его школьных товарищей, в том, что «отец почему-то выпихнул его за дверь». Да еще и отдал в дальний немецкий пансион, в то время как в Москве хватало хороших пансионатов. По-видимому, Шеншин готовил приемного сына к резкой перемене судьбы в связи с начатым расследованием Орловского губернского правления. Местные доброхоты, конечно, довели до него сведения о надвигающейся грозе. По большому счету, ему, при наличии трех законнорожденных детей, едва ли был нужен приемный, да еще с примесью еврейской крови по матери. Лишний раз

рисковать положением в обществе родных детей он уж точно не хотел. Но судьба впоследствии жестоко отомстила за это всему роду Шеншиных.

Между тем по решению духовной консистории мальчик оказался «бесфамильным», так как в сословной империи, согласно петровской «Табели о рангах», каждый человек был приписан к определенному сословию и занимал в нем четко отведенное место, в зависимости от чина и звания. Пришлось Шарlotte кла-

няться дармштадским родственникам (ее бывший муж к тому времени уже умер). Она писала брату: *«...Чтобы отомстить мне и Шеншину, Иоганн забыл собственное дитя, лишил его наследства... Попробуй... упросить нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребенку его права и честь; должен же он получить фамилию...»*

Фет в своих мемуарах упоминает, каких усилий стоило Шеншину склонить опекунов его сестры Лины признать за ним отцовскую фа-

милию, ставшую для великого поэта источником бесчестья и несчастья. Ведь превращение из столбового дворянина в немца-разночинца лишило Фета не только дворянских привилегий, права быть помещиком и наследовать родовое шеншинское имение, но и права называть себя русским. Под официальными бумагами он должен был ставить следующую подпись: «*К сему иностранец Афанасий Фёт руку приложил*». Но самым мучительным была невоз-

наборщик в типографии однажды перепутал литеры, и с тех пор Афанасий Афанасьевич так и подписывался, Фет.

В начале 1838 года подростка привезли в Москву для подготовки к поступлению в университет. За советом, «где и как поместить сына», Шеншин через посредника обратился к маститому профессору, историку и литератору М. Погодину, другу Гоголя, содержавшему в своем про-

Во время учебы в Московском университете Фет, Аполлон Григорьев, Яков Полонский и Иринарх Введенский (три стихотворца и один философ) составили тесный дружеский кружок. Причем поэтический талант Фета признавался его друзьями безоговорочно, более того, являлся предметом их поклонения юному поэту. Григорьев видел в нем натуру таинственную и романтическую и говорил: «Он был художник в полном смысле этого слова»

можность без позора объяснять свое происхождение: почему он — иностранец Фёт, если он сын Шеншина, рожден в Новоселках и крещен в православие. Недоуменно-издевательские вопросы посыпались на подростка еще в пансионе. Особенно тяжело было ему осознавать, что тень позора брошена, по понятиям той эпохи, также на его горячо любимую мать...

А буква «ё» много позже превратилась в фамилии великого русского лирика в «е» чисто случайно —

сторном доме на Девичьем Поле частный пансион. Погодин поселил Фета во флигеле, предоставив ему свободу посещать занятия в пансионе по собственному усмотрению. Летом следующего года Афанасий успешно выдержал вступительные экзамены и стал студентом Московского университета.

Учился он сначала на юридическом, потом на словесном отделении. Жил под одной крышей с будущим известным поэтом и критиком Аполлоном Григорьевым в доме его

Мария Лазич — первая любовь Фета

родителей, тоже на Девичьем Поле. В семействе царил, по тогдашнему выражению, «замоскворецкий», строго православный уклад жизни. Погруженного в первые творческие мечты юношу это отнюдь не смущало. На склоне лет он вспоминал о той счастливой поре в поэме «Студент» (1884):

*...Нас старики любили и во всем
Предоставляли жить по нашей
воле —
Лишь наверху; когда ж сходили
вниз,
Быть скромными — таков был
наш девиз.*

*...Но, Боже мой, как много чепухи
Болтали мы; как нам казались
сладки
Поэты, нас затронувшие, все
И Лермонтов, и Байрон,
и Мюссе.*

Аполлон Григорьев, Фет, Яков Полонский и Иринарх Введенский (трое стихотворцев и один философ) составили тесный дружеский кружок. Причем поэтический талант Фета, начавшего «кропать стихи» еще в пансионе, признавался его друзьями безоговорочно, более того, являлся предметом поклонения, о чем свидетельствуют ранние повести А. Григорьева, где Фет выведен прототипом нескольких персонажей. Григорьев, столь удачно выразившийся позднее, что «Пушкин — наше все», видел в Фете натуру таинственную и романтическую. «Он был художник в полном смысле этого слова. ...Со способностью творения в нем росло равнодушие. Равнодушие — ко всему, кроме способности творить... к самому себе, как скоро он переставал быть художником».

В студенческие годы поэтическое дарование Фета развивалось стремительно. В начале 1839 года сам Гоголь, которому Погодин передал на суд тетрадку фетовских стихов, сказал, что «это несомненный талант», и советовал молодому автору продолжать. Со дня хвалебного отзыва Гоголя Афанасий Афанасьевич и вел отсчет своей творческой деятельности, отпраздновав ее 50-летний юбилей в январе 1889 года.

А первый, еще во многом ученический, но благожелательно встреченный литературной публикой сборник стихов Фета «Лирический пантеон» вышел в 1840 году. Даже суровый Белинский обронил мимоходом: «Из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет».

При посредничестве профессора С. Шевырева, в то время одного из самых глубоких ценителей и знатоков поэзии, стихи Фета за подписью: «А.Ф.» начали регулярно появляться на страницах издававшегося Погодиным православно-монархического журнала «Московитянин». Среди них были подлинные жемчужины фетовской лирики, такие, как ставшие популярнейшими романсами «На заре ты ее не буди...», «Вакхическая песня», «Безумная» и, разумеется, хрестоматийное «Я пришел к тебе с приветом...»

Стихотворения Фета начала 40-х годов уже вполне самобытны, они написаны в типичной «фетовской» манере. Это внешне непритязательные лирические миниатюры, фиксирующие сиюминутное переживание, мимолетное настроение, душевное движение, незначительное, казалось бы, событие, которые предстают перед нами во всей их, по выражению критика В. Боткина, «неподозреваемой красоте». «Дрожанье фарфоровых чашек \ И речи замедленный ход». Или: «Я жду... Соловьиное эхо \ Несется с блестящей реки, \ Трава при луне в бриллиантах, \ На тмине горят светляки».

В 1844 году молодой поэт окончил университет. Перед ним были открыты двери ведущих литературных журналов и издательств, но неотступная мечта возратить себе имя приемного отца и дворянское звание заставила его покинуть хлебосольную, столь ласковую к нему Москву и нижним чином поступить в кирасирский полк, расквартированный по селам и уездным городкам Херсонской губернии на южной окраине России.

Нелегко выносил он армейскую лямку и писал, что «никогда еще не был... убит морально до такой степени». Вдали от столиц, в малообразованной среде кавалеристов и уездных помещиков Афанасий Афанасьевич провел не менее десяти лет, завоевав уважение товарищей по полку и доверие начальства, которое считало его отличным служакой и не обходило чинами.

И вновь судьба сыграла с ним злую шутку. За несколько месяцев до производства кирасира в первый офицерский чин, позволявший вернуть наследственные дворянские права, закон неожиданно изменился и повысил воинский «ценз» на выслугу дворянства до чина майора. И опять Фет проявил твердость характера, не отказавшись от заветной мечты. «Ехать домой, бросивши службу, я и думать забыл», — напишет он приятелю.

Служба-службой, а жизнь и молодость брали свое. Осенью 1848 года поэт познакомился с Марией Лазич (сербкой по национальности),

дочерью небогатого хозяина поместья Крылово, близ которого квартировал его полк. Тонкая и умная 22-летняя девушка, прекрасно игравшая на рояле, зачитывавшаяся стихами и романами Жорж Санд, пленила сердце бедного офицера. Вспыхнула взаимная любовь. Однако Фет, будучи безродным человеком, лишенным состояния, с армейским жалованием, которого едва хватало на обмундирование, считал для себя брак невозможным и, набравшись духу, однажды сказал об

ма!» Через несколько дней она скончалась. Фет мучился и винил себя в произошедшем. Отвергнутое когда-то «возможное счастье» стало еще одним несчастьем его жизни, не дававшим поэту покоя до конца дней. Неподдельным трагизмом полны поздние стихи, обращенные к памяти погибшей возлюбленной. «Ты отстрадала, я еще страдаю...» (1878), «Долго снились мне вопли рыданий твоих...» (1886), «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» (1887) и ряд других.

В 1844 году молодой Фет окончил университет. Перед ним были открыты двери ведущих литературных журналов и издательств, но неотступная мечта возвратиться себе имя приемного отца и дворянское звание заставила его покинуть толь ласковую к нему Москву и нижним чином поступить в кирасирский полк, расквартированный в Херсонской губернии

этом Марии. А вскоре полк перевели в другое место, влюбленные расстались, но продолжали обмениваться письмами.

И вот — новый удар судьбы: летом 1850 года Мария погибла ужасной смертью. От непотушенной спички загорелось платье, несчастная девушка выбежала на балкон, но там огонь только усилился... Подроспевшие на помощь застали Марию в страшных ожогах, повторявшую по-французски: «Сожгите пись-

В 1853 году Афанасию Афанасьевичу удалось добиться перевода в гвардию, в уланский полк, стоявший неподалеку от Петербурга. Теперь поэт получил возможность часто бывать в столице, где возобновил старые литературные знакомства и завел новые. Вышедший в 1850 году сборник уже вполне зрелых, отточенных до совершенства стихотворений Фета совпал с очередным всплеском общественного интереса к поэзии. Фет оказал-

ся на гребне этого интереса. Читающая публика упивалась непосредственными лирическими ощущениями природы в фетовских стихах, интуитивно чувствуя, что они опережают свое время.

*Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.*

*Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица...*

(1850)

Три строфы — и ни одного глагола, только существительные! Далеко не сразу осознало культурное общество, не исключая Тургенева, ошеломляющее новаторство этого стихотворения. Полагали, автор сам не знает, что пишет, и нуждается в толковом редакторе...

И все же вторая половина пятидесятых годов — пора расцвета славы Фета. Ведущие столичные литераторы радушно приняли его в свой узкий круг. То был круг Некрасовского журнала «Современник», объединявшего лучших писателей и поэтов страны во главе с Тургеневым, чье фамильное имение Спасское-Лутовиново находилось по соседству с отцовской усадьбой Фета Новоселки. Заботами Тургенева и Некрасова в 1856 году увидел свет восторженно встреченный новый сборник фетовских стихов. Критики эстетического направления В. Боткин и А. Дружинин тут же водрузили

имя Фета на знамя «чистого искусства».

В 1856 году последовал новый высочайший указ, по которому возвращение дворянства давал лишь чин полковника. Изнурительная военная служба потеряла для Фета всякий смысл, он выхлопотал себе в полку годичный отпуск и совершил путешествие по Европе, побывав в Германии, Италии, Франции.

При этом дразнил либеральных, прозападно настроенных сотрудников «Современника» резкими антизападными высказываниями, да и вообще смущал их своим явно непоэтическим обликом. Его находили то солдафонски грубым, мелочным и педантичным, то до глупости беспечным. Даже столь проницательный Толстой, с которым Фета на всю жизнь связала близкая дружба, недоумевал поначалу, «откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» Лев Николаевич имел в виду, прежде всего, знаменитое стихотворение «Майская ночь» (1857). «*И в воздухе за песней соловьиной \ Разносится тревога и любовь*».

За это умение чувствовать красоту, схватывать неуловимое и передавать читателю энергию душевного подъема Фету прощали равнодушие к актуальной общественной тематике. Однако на дворе наступила эпоха реформ Александра II, и от писателей ждали постановки злободневных «вопросов», идей, лозун-

гов, обличений, а не «райских видений». Этой эпохе больше соответствовал своей гражданской лирой Некрасов, нежели «тихий» Фет, который неожиданно обвенчался в Париже с сестрой Боткина, Марией Петровной. Она была не слишком

молода и не слишком привлекательна, но супруги нашли общий язык, и их брак оказался вполне благополучным. Афанасий Афанасьевич получил право распоряжаться крупным жениным приданым, а Мария Петровна — возможность ухажи-

вать за мужем, быть его нянькой. О том, что поэт женился на Марии Боткиной по расчету, свидетельствует рассказ брата Л.Н. Толстого, Сергея Николаевича. Однажды они дружески разговорились, и Толстой спросил Фета: «Афанасий Афанасьевич, зачем вы женились на Марии Петровне?» Фет покраснел, низко поклонился и молча ушел.

В январе 1858 года, так и не осуществив свою мечту вернуть себе воинской службой дворянство, Фет вышел в отставку.

В том же году он переезжает в Москву и разрывает отношения с «Современником» (как, впрочем, Толстой, Тургенев и другие дворян-

Фет же пошел еще дальше. Все приданое жены он вложил в покупку хутора среди голой степи в родном Мценском уезде. Друзья-литераторы (за немногим исключением) только качали головой, жалея бедного «чудака».

Приобретенный Фетом хутор назывался Степановка. Поэт переселился туда с женой в 1861 году, как раз после отмены крепостного права. Перед новообращенным помещиком расстились 200 десятин пахотной земли, зиял провалами окон полуразрушенный барский дом, а вокруг — ни одного деревца, ни ручья, ни озера. Бесплатных рабочих

Вторая половина пятидесятых годов — пора расцвета славы Фета. Ведущие столичные литераторы радушно приняли его в свой узкий круг. Это был круг некрасовского журнала «Современник», объединявшего лучших писателей и поэтов страны во главе с Тургеневым. Заботами Тургенева и Некрасова увидел свет восторженно встреченный сборник фетовских стихов, и критики эстетического направления тут же водрузили имя Фета на знамя «чистого искусства»

ские авторы журнала, выступившие против вульгаризаторского, сугубо утилитарного подхода к искусству и литературе революционных демократов-разночинцев Чернышевского, Добролюбова, Писарева, захвативших руководство редакцией).

рук после Манифеста 19 октября тоже не было. Однако решимости, трудолюбия, предприимчивости у Афанасия Афанасьевича хватало с избытком, и он взялся за дело.

Тургенев, всю жизнь беззаботно получавший по почте от управляю-

щего доходы со своего обширного соседнего имения, как-то посетил Фета в его Степановке и написал затем не без удивления: *«Он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, отпустил бороду до чресел... о литературе слышать не хочет»*. Другой бородатый «агроном» — Лев Толстой — выразил Фету горячее сочувствие: *«Вашей хозяйственной деятельности я не нарадуюсь, когда слышу и думаю про нее»*.

За 17 лет, прожитых в Степановке, Афанасий Афанасьевич превратил это голое имение в процветающее, доходное хозяйство с красивой усадьбой и липовыми аллеями. Вдобавок прикупил мельницу, конный завод и еще два имения. С гордостью писал он одному из бывших однополчан: *«Я был бедняком, офицером, а теперь, слава богу, воронежский, курский и орловский помещик... Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством»*.

В течение десяти с лишним лет Фета избирали мировым судьей. Соседи-помещики относились к нему с уважением, хотя некоторые осуждали цепкого русского «агрия» (как он сам себя называл) за жесткость, даже жестокость в ведении хозяйства, поскольку в общении с крестьянами он не чурался рукоприкладства, наказывая работников за малейшую провинность.

Но все же Фет оставался человеком литературы и с самого начала вел колоритные записки о помещичьем быте, нравах окрестных жителей и повседневных трудностях зем-

левладельца пореформенной России. В итоге сложился цикл очерков под названием «Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство», которые с 1862 по 1871 год печатались в журналах «Русский вестник», «Литературная библиотека», «Заря». В них автор резко осуждал пережитки крепостного права и общинного строя, требовал ясных и исполнимых законов, а также — быстрого и справедливого разрешения хозяйственных конфликтов в судах.

Высокое положение в обществе открыло поэту путь к достижению заветной цели всей жизни — вернуть утраченную дворянскую фамилию приемного отца и свои наследственные права. Все эти годы он уже твердо знал, что не только формально перестал считаться сыном Шеншина, но и вообще им не является. Тем не менее, в 1873 году Афанасий Афанасьевич обратился с прошением на высочайшее имя о восстановлении в сыновних и всех прочих правах. И вот, наконец, после сорока лет душевных мучений и тщетных усилий, Фет достиг заветной цели. В конце декабря вышел царский указ *«о присоединении отставного штабс-ротмистра А.А. Фета к роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими»*. Появлению указа немало способствовал великий князь Константин, сам известный литератор и давний поклонник лирики Фета. Он выхлопотал своему кумиру придворное звание камергера, по поводу чего Александр III

обронил: «Зачем ему это камергерство? Камергеров у нас целые тысячи, и никто их даже не знает, а поэт Фет единственный в России».

Охватившие его тогда чувства Афанасий Афанасьевич выразил в письме жене: «Теперь, когда все, слава богу, кончено, ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет». Со дня выхода указа он стал подписывать вновь приобретенной фамилией Шеншин все послания друзьям и близким, официальные бумаги. Но литературные произведения вынужден был выпускать под принесшей ему бессмертную славу фамилией.

А слава эта буквально следовала за ним по пятам, хотя стихи сочинял он теперь все реже. Жизнь поэта неотвратимо катилась к концу. Суровые испытания судьбы отверженного, тяжкий труд пусть и успешного земледельца, житейские невзгоды и самоотверженный уход за заболевшей душевным расстройством матерью, которая окончила дни в психиатрической лечебнице, ожесточили характер Фета, заставили его со временем эгоистически замкнуться в себе и, как он сам признавался, «принести на трезвый алтарь жизни самые задушевные стремления и чувства».

«Я никогда не замечала в нем проявления участия к другому и желания узнать, что думает и чувствует чужая душа», — писала о поэте Т. Кузминская, сестра супруги Толстого — женщина, которой Фет посвятил одно из самых проникновен-

Мария Боткина — жена Фета

ных своих лирических стихотворений: «Сияла ночь. Луной был полон сад». Это столь резкое различие между жестким, корыстолюбивым, тщеславным и пессимистичным Фетом-Шеншиным, каким он представал в глазах окружающих, и его поразительными возвышенно-просветленными стихами изумляло всякого. Как для современников поэта, так и для нас сегодня подобное сочетание двух, казалось бы, взаимоисключающих внутренних миров Фета остается непостижимой загадкой.

В январе 1889 года в московском ресторане «Эрмитаж» состоялся большой «подписной обед» в честь 70-летнего юбилея Фета. Афанасий Афанасьевич лаврам был рад, но

чувствовал, что его, по сути, «отпевают». Двумя годами ранее он продал благоустроенную им Степановку, купил дом в Москве и живописное имение Воробьевку на склоне у реки в Курской губернии, где теперь проводил лето, уезжая на зиму в Первопрестольную. Все хозяйственные дела и заботы передал управляющему. И муза вновь незамедлительно вернулась к освободившемуся от хозяйственных дел помещику.

«Ты вся в огнях. Твоих зарниц \ И я сверканьями украшен». «Вечерние огни» — под таким названием вышли четыре последних прижизненных сборника фетовской лири-

любви, отблеск милых воспоминаний, свет далекой звезды...

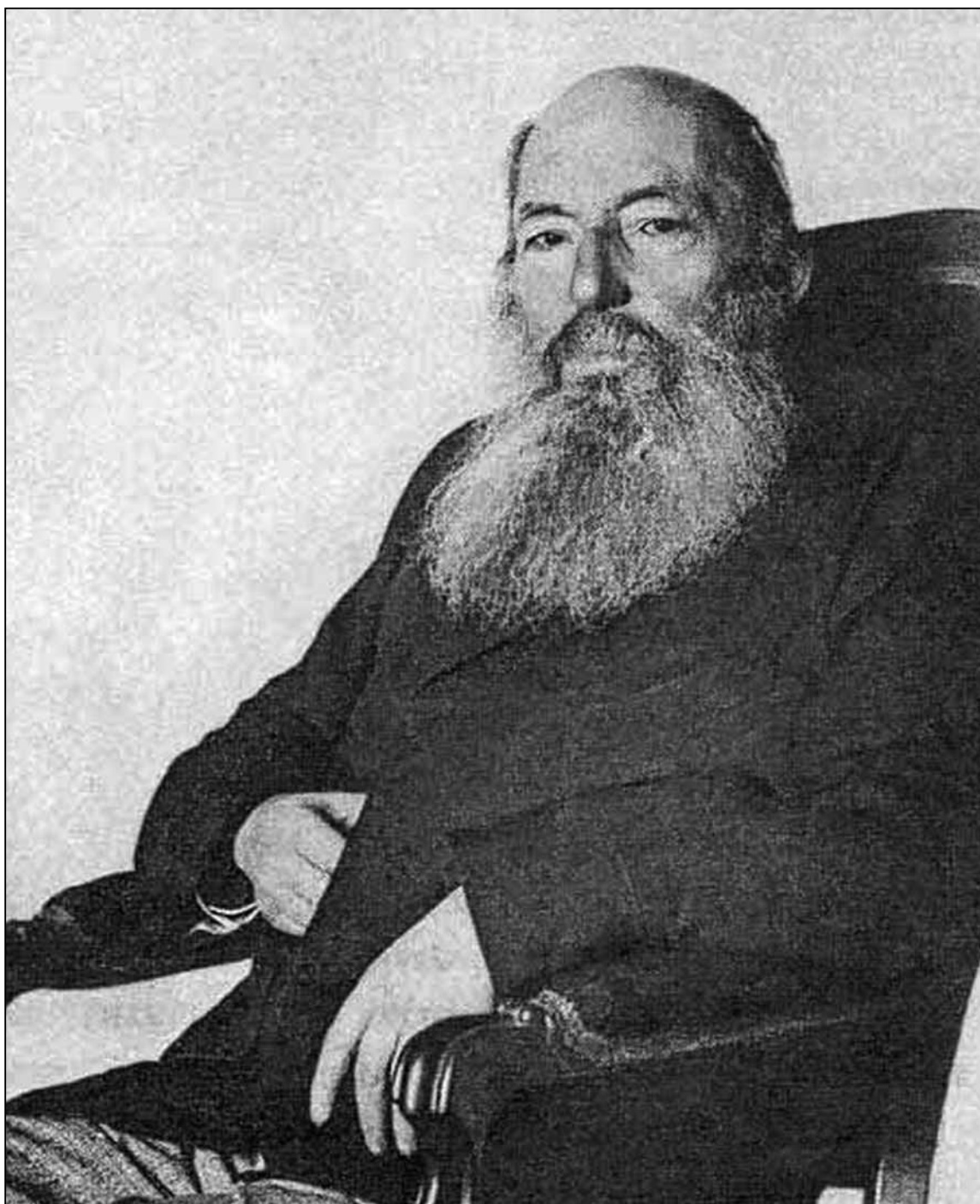
Поздние стихи Фета под влиянием высоко чтимого им Тютчева приобретают некоторую философичность, однако сохраняют при этом свою волшебную музыкальность. Фету словно тесно в пределах слов. Недаром Чайковский пронизательно заметил: «Это не просто поэт, а, скорее, поэт-музыкант, как бы избегающий даже таких тем, которые легко поддаются выражению словом». Вот почему он станет затем особенно близок символистам во главе с Александром Блоком, пытавшимся расширить смысловые границы Слова,

Слава буквально следовала за ним по пятам, хотя стихи он стал писать гораздо реже. Жизнь поэта катилась к концу. Суровые испытания судьбы отверженного, тяжкий, пусть и успешный, труд земледельца, житейские невзгоды и самоотверженный уход за заболевшей душевным расстройством матерью, ожесточили характер Фета, заставили его замкнуться в себе и, как он сам признавался, **«принести на трезвый алтарь жизни самые задушевные стремления и чувства»**

ки (пятый увидел свет уже после его смерти). Эти томики, изданные «для друзей», считаются лучшим из всего написанного поэтом. В них огни (а огонь — сквозной образ поэзии Фета), которые зажег уединенный человек, «не занавесивший вечером своих окон», превращаются в пламя

придать ему значение Символа. Поэзия Фета вдохновляла их.

Фет, как никто, владел тайной слова, умел находить «крылатый слова звук». Когда поэта спрашивали, каким образом он, по его собственным словам, «полуразрушенный, полужилец могилы», мог с та-

кой свежестью и силой чувства писать о любви, Афанасий Афанасьевич отвечал: «По памяти».

Трудоспособности находившегося в преклонных годах Фета можно удивляться не меньше, чем любовному пылу старческих стихов поэта. В 80-е один за другим выходят его

высокохудожественные переводы античных классиков: весь Гораций, все стихотворения Катулла, все элегии Тибулла и Проперция, «Энеида» Вергилия, «Метаморфозы» и «Скорбные элегии» Овидия и ряд других. Он полностью перевел гетевского «Фауста», почти профес-

сионально увлекался немецкой философией, отдавая особое предпочтение Шопенгауэру, чье главное сочинение — «Мир как воля и представление» тоже блестяще перевел. За все эти многолетние работы поэт был избран членом-корреспондентом Императорской академии наук и удостоен ее почетной Пушкинской премии.

Последние дни Афанасия Афанасьевича были отягощены жесточайшими приступами астмы, от которой он страдал всю жизнь. Кончина его тоже оказалась загадочной. Утром 21 ноября 1892 года, за несколько дней до своего 72-летия, Фет внезапно пожелал шампанского, отправил жену к доктору за разрешением, потом вызвал секретаршу и продиктовал ей записку: *«Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному»*.

Подписавшись под этими словами, схватил со стола нож для разрезания бумаг. Секретарша нож отняла и стала звать на помощь. Тогда Фет побежал по комнатам к шифоньеру, где хранились столовые ножи, не смог открыть дверцу и рухнул на стул с возгласом: *«Черт!»* Глаза его широко раскрылись, будто поэт увидел перед собой что-то страшное, рука поднялась, было, для крестного знамения, и тут он умер. Умер от инфаркта, хотя, по сути, произошло сознательное самоубийство, к которому этот удивительный человек, презиравший смерть и до-

роживший лишь творческим огнем, себя заранее готовил.

Похоронили Фета в селе Клейменове Орловской области, родовом имении Шеншиных. В гробу он, согласно его воле, лежал в шитом золотом камергерском мундире, с застывшей скорбной гримасой. Над гробом читали фетовские стихи. После похорон его вдова провела в Клейменове еще сорок дней и ежедневно ходила на могилу под низким сводом фамильного склепа. Два года спустя она упокоилась рядом с ним.

Просторный особняк Фета на Басманной улице в Москве давно снесен. Нет больше и дома Григорьевых, где поэт жил в студенческие годы. А дом Боткиных уцелел, и на его антресолях сохранились комнаты, в которых молодой Афанасий Афанасьевич делал предложение Марии Петровне, ни разу в жизни не пожалев о своем выборе...

Крупному русскому философу, публицисту и литературному критику Николаю Страхову принадлежит, пожалуй, лучшее надгробное слово о нашем великом национальном поэте: «Он был сильный человек, всю жизнь боролся и достиг всего, чего хотел: завоевал себе имя, богатство, литературную знаменитость и место в высшем свете, даже при дворе. Все это он ценил и всем этим наслаждался, но я уверен, что всего дороже на свете ему были его стихи, и он знал: их прелесть несравненна, самые вершины поэзии. Чем дальше, тем больше будут это понимать и другие». Мы — понимаем. □

Борис Пастухов

Первый секретарь
ЦК ВЛКСМ

О самом близком и дорогом

Детство и война. Москва, первые бомбежки. Эвакуация. Папина «похоронка». Большой московский двор в Замоскворечье. Трудное и радостное взросление, метростроевский пионерлагерь, школа, спорт, друзья.

А потом МВТУ — Московское высшее техническое училище имени Н.Э. Баумана. Суровая, но веселая студенческая жизнь в этом замечательном коллективе.

Потом большая и лучшая часть моей жизни — Ленинский комсомол, которому я обязан всем — друзьями и товарищами, многих из которых уже нет на этом свете. Это было прекрасное время, в котором жили талантливые и целеустремленные люди, это было время великих свершений многомиллионного Коммунистического союза молодежи.

Сколько людей, так же, как и я, могут взволнованно повторить: «Един-

ственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положиться!»

Часто вспоминаю слова Юрия Алексеевича Гагарина, сказанные перед его стартом в космос: «Вся жизнь моя кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением». Вот и моя жизнь в комсомоле тоже кажется мне одним прекрасным мгновением.

... Беседа в генсековском кабинете Юрия Владимировича Андропова. Долгая, отеческая... «Знаешь что, Борис Николаевич, не надо тебе сейчас переходить на партийную работу. Займись какими-то интересными делами, связанными с народным хозяйством. Вот, например, мы могли бы рекомендовать тебя председателем Госкомиздата нашей страны. Там все — идеология, книжное производство, газеты, торговля полиграфической продукцией, совершенно новый мир, как будто специально для тебя. А вот повторять путь своих предшественников, коллег по комсомолу, не советую».

Потом... дипломатическая работа. Дания. Афганистан. Тревожные дни, когда Советская армия уже покинула Афганистан, и судьба республики висела на волоске. Небольшой, сокращенный сверх меры коллектив посольства, который старался изо всех сил. Незабываемые встречи с президентом Афганистана Наджибуллой, жизнью которого так подло и так бесчеловечно распорядились пакистанская разведка и талибы.

Возвращение в СССР... Министерство иностранных дел, Госу-

дарственная дума и, наконец, Торгово-промышленная палата...

Что такое судьба человека?

В течение жизни я много раз задавал себе этот вопрос.

И в каждом возрасте отвечал на него по-разному. В детстве я думал, что смысл жизни состоит в том, что я расту, становлюсь сильнее, умнее и грамотнее, и, как только стану взрослым, смогу сделать что-то большое и важное, чтобы все люди узнали обо мне.

Ну вот я стал почти взрослым (мне исполнилось 18 лет), и я был убежден, что наступило время великих дел.

Я поспешил. Так часто бывает в молодости.

Когда нам выдали аттестаты зрелости, группа наших ребят поехала на Бауманскую, и я с ними. Сначала зашли в Строительный институт. Но там нам как-то не понравилось. До Энергетического надо было ехать на трамвае, а до Бауманского училища пешком по переулочкам — совсем недалеко. Пришли в МВТУ. Там душевная обстановка, сплошное внимание, любезность. У кого что ни спросишь, все объяснят, расскажут и покажут. Я решил дальше никуда не ходить. А что касается специальности, то записался на первый факультет и на первую специальность. Чего выбирать, раз первая — значит, самая лучшая. Так как у меня была серебряная медаль, то мне предстояло пройти только собеседование.

Хотя и про собеседование тоже ходило множество легенд.

Вызвали меня. Зашел в кабинет. Спросили:

— Борис Николаевич Пастухов — это вы?

— Да, я.

— Хотите учиться в МВТУ?

— Хочу.

— Вы зачислены. Желаем успеха! До свидания!

Это был механико-технологический факультет.

МВТУ подарило мне множество интересных людей, которых я встретил потом, когда был физоргом курса, членом бюро, заместителем секретаря комитета комсомола. Между прочим, я никогда не был первым секретарем комитета комсомола МВТУ. Считаю, что это справедливо, потому что там были люди более достойные и более сильные, чем ваш покорный слуга.

После окончания МВТУ имени Н.Э. Баумана я начал работу в Бауманском райкоме комсомола.

Очень не хотелось мне идти на эту работу. Помнится, на бюро Бауманского райкома партии я отказывался, сколько мог, когда рассматривалось назначение меня вторым секретарем райкома комсомола. В самом начале держался я весьма независимо и, может быть, даже чуточку нахально. Но вот за длинным столом бюро райкома поднялся Александр Васильевич Афанасьев, председатель нашего Бауманского райиспол-

кома. Огромный детина, он вышел из московских ломовых извозчиков. Ударив по столу своим могучим кулачищем, да так, что подпрыгнул не только чернильный прибор председательствующего, но и сам наш ведущий, рявкнул: «Исключить из партии этого нахального молокососа!!!» Я, естественно, дал задний ход, и утверждение состоялось.

Началась моя райкомовская жизнь. В ней было всякое: и радости, и огорчения. Не было только равнодушия, уныния. И еще на работе в райкоме никогда не было выпивок, сплетен за спиной. А тот памятный агитационный прием А.В. Афанасьева я и сам использовал не однажды, когда надо было «кадрить» в райком Ольгу Грекову, Валерия Жарова и некоторых других. Мы жили одной дружной семьей. Замечательные ребята Саша Набюлин — слесарь-сборщик авиационного опытного завода, Наташа Бондарчик — из работающих пионервожатых, Стас Гавриленко — инженер, Алик Алхимович — воспитатель строительного общежития, и другие, чьи имена и образы бережно хранит моя память.

Или вот такой эпизод. 1958 год. Последнее воскресенье июня было объявлено Днем советской молодежи — крупнейший молодежный праздник в истории страны и, конечно же, каждого московского района. Мы решили удивить всех массовым шествием молодежи от райкома

на Новой Басманной до стадиона «Строитель»: колонны с оркестрами, представители комсомольских организаций района с флагами, да и все желающие. Впереди колонны для участия в матче с рабочей командой района должны были идти — в спортивной форме, с медалями и значками мастеров и заслуженных мастеров спорта, — футболисты «Спартака», многие из которых совсем недавно стали олимпийскими чемпионами (в «Спартаке» их было около десятка).

В райком комсомола были приглашены старший тренер «Спартака» Николай Петрович Старостин, капитан команды Никита Симонян и комсорг Игорь Нетто, великие имена которых до сих пор на слуху у настоящих болельщиков.

Беседуем в райкоме, а разговор не клеится. Выходной день, лето, а тут надо идти в трусах и майках на стадион, а там еще два тайма по 45 минут после митинга гонять мячик с работягами. Нет, это не для великих мастеров «Спартака»! Чувствую такое настроение и спрашиваю:

— Друзья, ну, вы как?

— Нет, мы не можем, — говорит Старостин, — у нас запланирован выезд в Красногорск — коммерческий матч, немножко заработаем и отдохнем. Где же вы были раньше?

— Адресуйте этот вопрос к советской власти, к ЦК КПСС (это они учредили День молодежи), — отвечаю я и обращаюсь к Нетто: — Но, имей в виду, никакой помощи от райкома, никаких характеристик вам не

будет, если вы сорвете нам праздник. Думайте, размышляйте, дорогие друзья!

После этого короткого и бурного разговора Николай Петрович, как старейшина, самый уважаемый спартаковский деятель, говорит:

— Ладно, мы согласны.

И в воскресенье Новую Басманную заполнили частные автомобили «спартаковских» мастеров, в которых они переодевались из гражданских костюмов в спортивную форму. При каждом мастере был мальчик-адъютант с чемоданчиком, из которого извлекались медали, в том числе золотые чемпионские Советского Союза и Олимпийских игр. Народу на Басманной и на стадионе, понятное дело, видимо-невидимо. Первый тайм «Спартак» без труда выигрывает 3:0.

В перерыве в раздевалке я обращаюсь к Старостину:

— Николай Петрович, вы что, решили испортить праздник? Это же не сборная Югославии, а наша районная рабочая команда, ориентируйтесь (виноват, конечно, понимаю, что заслуживаю глубочайшего осуждения, как организатор «договорняка» — договорного матча, но ведь это было не первенство страны, а массовый молодежный праздник).

— Ладно, сделаем все, как надо, товарищ секретарь, — пообещал Старостин.

Матч закончился со счетом 3:3. Все были по-настоящему счастливы...

Мы влюбились тогда в этих замечательных мастеров и хороших лю-

*Члены Бюро
ЦК ВЛКСМ
на Северном флоте.
Слева —
Валентина Матвиенко,
справа —
Людмила Швецова*

дей. Дружили, и сейчас дружим с теми, кто еще на этом свете, а весь райком стал коллективным болельщиком московского «Спартака».

Жизнь продолжается. Новая Басманная жива и никогда не будет забыта.

Колпачный переулок, дом 5 — здесь располагался Московский гор-

ком комсомола. И это еще один узловым моментом моей жизни.

Уникальный особняк, да и само это место очень заметное — в центре Москвы, рядом Покровские ворота.

Из этого здания вышло много известных людей, судьбами которых жизнь распорядилась весьма причудливым образом.

Так что, когда я произношу: «Колпачный, дом пять», — столько всего поднимается в моей душе... и среди первых вспоминаю Олега Кутафина — секретаря комитета комсомола МГУ, а позже ректора юридической академии.

Мы с ним многие годы вместе работали и дружили.

Его умение проникнуть в суть обсуждаемого, почувствовать остроту в обычных, казалось бы, делах, организовать и повести за собой товарищи ценили очень высоко. Олега отличали и чувство юмора, и внимание к людям, особенно когда рассматривались непростые персональные дела комсомольцев.

За комсомольским секретарем Московского университета стояли большие и интересные дела. А спустя годы, когда Олег был уже маститым ученым и ректором престижного вуза Олегом Емельяновичем, он оставался таким же простым, открытым и доброжелательным, всегда откликнувшимся на беду, товарищеские просьбы, кого бы это ни касалось, внимательным к памяти друзей. Примеров тому не счесть. Но при этом всегда был строгим и принципиальным, особенно когда кто-то хлопотал не по делу за свое чадом.

Олега отличала удивительная работоспособность. Из-под пера академика Кутафина одна за другой появлялись серьезные научные статьи, умные книги. Он постоянно был окружен своими учениками, аспирантами и докторантами.

Я как-то спросил его: «Как ты все это успеваешь?» Ответ был простым и спокойным: «А ты попробуй в день написать хотя бы одну страницу, если сможешь, к концу года книга получится». Эти страницы стали его постоянными спутниками. Его мысль не знала выходных.

Не могу не вспомнить и великого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Когда я думаю о нем, то сразу вижу ликующую апрельскую Москву 1961 года. В столицу после своего исторического полета — первого полета человека в космос — возвращается Юрий Гагарин.

Мы с моим самым близким другом, секретарем Московского горкома комсомола Виктором Евлановым, — в толпе встречающих на Внуковском аэродроме.

Полдень. В небе появляется четырехмоторный «Ил-18» в сопровождении эскорта истребителей «МиГ».

Самолет совершает посадку, подруливает к месту торжественной встречи. Подается трап, раскатывается красная ковровая дорожка к трибуне, где собрались руководители партии, государства, родные и близкие Юрия Алексеевича.

Первый космонавт спускается по трапу. Уверенная быстрая походка. Бодрая музыка марша: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Короткий рапорт Гагарина Никите Сергеевичу Хрущеву: «...задание партии и правительства выполнено!» Объятия, поздравления, цветы.

Выбегаем с Евлановым на стоянку к своему автомобилю и мчимся в Москву к Красной площади, где должна была проходить торжественная встреча первого космонавта Земли.

Когда на трибуне мавзолея появляются Юрий Гагарин и руководители партии, вся площадь, переполненная людьми, взрывается бурей восторженных оваций. Даже потом, когда митинг уже завершился и почетные гости перешли в Кремлевский дворец, народ на Красную площадь все прибывал и прибывал.

Московскому горкому комсомола было поручено участвовать в охране общественного порядка. Все комсомольские оперативные отряды мобилизованы, наши ребята на площади, и мы пытаемся как-то организовать и направить этот поток — но что тут можно сделать?! Например, с этими «сумасшедшими» студентами Московского авиационного института, в руках у которых самодельные плакаты — «Наш в космосе!», и которые восторженно скандируют: «Гагарину — слава! Гагарину — ура!»

Мы стоим у Спасской башни, прижатые к ней, как к высокому берегу бурным потоком нескончаемой людской реки. Однако эта человеческая река не выходит из берегов порядка и придерживается какой-то внутренней дисциплины, хотя плотность толпы превосходит все, что можно себе вообразить. Пожалуй, никогда больше мне не приходилось так остро и так ярко переживать волну-

ющее участие в великом, без всякого преувеличения, народном торжестве. Никогда потом меня не переполняло такое чувство гордости за страну, свой народ, за этого чудесного старшего лейтенанта Юрия Гагарина.

Вот он — простой русский парень, поднявшийся в космос на крыльях своей страны, своего народа! И как же он сразу приподнял всех нас над обыденностью жизни, над привычными человеческими заботами. Все мы, собравшиеся тогда на Красной площади, да что там на площади, все люди нашей огромной страны чувствовали себя немного космонавтами. Это был наш общий народный праздник.

А потом было наше общее горе...

Ранняя весна 1968 года. Поздний вечер. Захожу в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ Павлова (замечу, одного из самых близких друзей Юрия Гагарина), Сергей Павлович взволнованно ходит по кабинету. Спрашиваю, в чем причина его тревожного настроения. Он показывает на ярко освещенные окна Центрального комитета партии, большинство из которых в такое время обычно уже темны. «Что-то произошло. Никто ничего не говорит. Произошло что-то очень плохое, неужели с Юрой... чует мое сердце!» — говорит Павлов.

А утром радио и телевидение передали скорбную весть о гибели Ю.А. Гагарина и летчика-инструктора полковника В.С. Серегина

С Ю.А. Гагариным

в авиационной катастрофе во время тренировочного полета.

...Зима 1964 года. Уникальная подводная лодка «Комсомолец» возвращалась из трудного похода. В Баренцевом море, совсем недалеко от родной базы, произошла беда — на лодке случился серьезный пожар. Семь молодых добровольцев шагнули в зону смертельной радиации, чтобы устранить возгорание. Ребята делали все возможное для спасения лодки, товарищей... ценой собственной жизни.

Центральный комитет партии принял решение послать для встречи экипажа и прощания с погибшими героями члена ЦК ВЛКСМ космо-

навта Юрия Гагарина и секретаря ЦК Бориса Пастухова.

Встречаемся в аэропорту «Внуково». Сильнейший снегопад. Взлетную полосу не успевают расчищать. «Летим все равно», — решительно произносит Юрий Алексеевич.

Небо над Мурманском также затянуто плотными облаками. Пурга. Гагарин в кабине пилотов. Спокойный, уверенный. Подбадривает экипаж, который в сложнейших условиях профессионально выполняет свое дело.

Садимся почти вслепую. И когда снежная пелена чуть-чуть уменьшается, видим, что самолет наш — рейсовый, пассажирский «Илюшин»,

всего несколько метров не докатился до построек в конце взлетно-посадочной полосы. Пилоты, промокая платками вспотевшие лбы, поздравляют друг друга (и нас) с удачной посадкой.

Для Юрия Алексеевича готова расписанная по часам программа, но он просит начать с небольшого военного гарнизона неподалеку от Мурманска, где он когда-то начинал службу в морской авиации. После встречи с друзьями-однополчанами Юрий Алексеевич отправился на гарнизонное кладбище и постоял у могил своих сослуживцев, не доживших до этой встречи.

Утром следующего дня выезжаем на базу атомных подводных лодок.

В бухту медленно, «самым малым», как говорят моряки, входит атомная подводная лодка «Комсомолец». Флаг приспущен, что означает — на борту потери. Лодка швартуется.

После рапортов и короткого знакомства с экипажем мы начинаем обход квартир моряков, которые погибли в этом походе. Семь встреч. Слезы, великое горе, где найти слова утешения?! Но каждый раз, заходя к очередной семье, которую постигло горе, Юрий Алексеевич находит слова, какие-то свои особые, неповторяющиеся, идущие из глубины души. Нет сомнения, что сказанное им останется в памяти и сердцах этих людей навсегда.

Потом начинается встреча с личным составом атомного подводного

корабля, вручение переходящего Красного знамени ЦК ВЛКСМ экипажу, который завоевал его, проявив мужество и героизм. После этого — выход в море на лодке такого же проекта, что и «Комсомолец». Погружение, плавание в подводном положении, встречи в отсеках с моряками, всплытие и возвращение на базу.

Возвращались в Москву на самолете командующего Северным флотом, вместе с членом военного совета, которого вызвали на совещание Генштаба. Приземляемся на знаменитом Чкаловском аэродроме, и тут Юрий Алексеевич приглашает нас с адмиралом к себе домой.

Жил он в большом кирпичном доме гарнизона авиационной дивизии на Чкаловской. Простая удобная квартира. Теплая сердечная семейная обстановка. Валентина Ивановна Гагарина, супруга Юрия Алексеевича, радостно встречает любимого мужа и нежданно нагрянувших гостей. У отца на руках маленькая дочурка, она буквально не отходит от папы. Ей, вместе с матерью, предстоит пережить трагедию гибели отца, и она запомнится всем по фотографиям с воспалившимися бороздками от слез на щеках. (Эта удивительно похожая на своих родителей девочка получила университетское образование, превратилась в красивую молодую женщину и стала руководителем уникальных музеев Кремля.)

Уже потом будет построен Звездный городок, и сколько бы раз мне ни приходилось ехать в Щелково или в Звездный, никогда не изменяю одной традиции — всегда остаиваюсь, чтобы посмотреть на окна того самого дома, в котором когда-то были гостями семьи Гагариных.

Мы дома часто вспоминаем, как в комсомольскую бытность сражались по выходным дням на волейбольных или хоккейных площадках. Каким азартным, неудержимым в игре был Юрий Алексеевич, и очень не любил проигрывать. Но если его команда выигрывала, следующую партию он играл уже за другую команду — проигравшую. Он не любил проигрывать ни в жизни, ни на работе, но и легких побед не признавал.

Юрия Алексеевича связывала крепкая дружба с Сергеем Павловым. Такой дружбе можно было радостно удивляться или завидовать.

Два настоящих мужика, оба «русаки» — один смоленский, другой тверской. Оба открытые, увлекающиеся люди, жадные до жизни во всех ее проявлениях.

Оба сравнительно рано ушли из жизни, как будто одному без другого было тоскливо на этом свете.

Я рассматривал Сергея Павловича Павлова как бы снизу вверх, как первый секретарь Московско-

го горкома — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и «немного сбоку», когда сам был избран секретарем ЦК комсомола.

Это была крупная, яркая фигура, самородок, настоящая глыба.

Родом Сергей Павлович из Ржева, из простой трудовой семьи.

Сергей не имел высшего образования — его, студента института физкультуры, избрали секретарем Красногвардейского РК ВЛКСМ, — но обладал широкими знаниями. Меня всегда поражали в нем природный ум, редкостная интуиция и работоспособность. Он был человеком твердого характера, не терпящим лжи, всякого рода «заспанных» разговоров, и при этом чрезвычайно азартным, заводным и любил верховодить. Совершенно не мог (как и его друг Юрий Гагарин) уступать кому-либо на волейбольной площадке, в бильярдной, да и в жизни вообще. Чувство высокого достоинства никогда не оставляло его. В поведении, в разговорах перед начальством держался спокойно, уверенно. В этом мне приходилось убеждаться не однажды.

СП, так звали между собой Павлова работники ЦК, не мог не нравиться. Светловолосый, с голубыми глазами, открытым улыбчивым лицом. На него засматривались. Его любили вожди. По общему мнению, Павлова ожидала большая карьера.

Но судьба бывает иногда злодейкой.

В 1964 году Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. А вскоре после этого Павлов был выдвинут руководителем Спорткомитета СССР, вроде бы логично, бывший спортсмен, но все понимали, что это тоже соего рода отставка.

И сразу — Олимпийские игры в Мексике, где слабо подготовленная сборная СССР потерпела поражение. А потом были годы напряженной работы, когда в полной мере раскрылся организационный и человеческий талант Сергея Павловича. Наступило великое время триумфа советского спорта.

Павлов продолжал упорно работать над собой. Он считал, что на своей работе (в Спорткомитете) должен обязательно иметь высшее физкультурное образование, поэтому честно окончил институт физкультуры и, сдав все экзамены и зачеты, получил диплом.

С Сергеем Павловичем у нас никогда не было особо близких отношений. Однако я должен сказать об этом человеке, что он не боялся принимать удары на себя и никогда своих не сдавал. Для тех времен это было редкое качество, требующее большого мужества.

В 1968 году на место Павлова пришел Евгений Михайлович Тяжелников, и только в 1977 году первым секретарем ЦК ВЛКСМ избрали меня.

Навсегда останется в моей памяти самый улыбчивый, веселый,

умный и тонкий среди нас — Володя Житенев.

Секретарь ЦК, отвечающий за студенческий комсомол, за работу среди научной молодежи. Его как будто специально для этого сформировало время, вылепила жизнь.

За плечами Уральский политехнический институт, пожалуй, там он открылся по-настоящему как вожак молодежи: ему верили, за ним шли. Учился легко, трудиться умел — уральская косточка, рабочая закалка проявлялась во всем.

Что бы ни «плели» сегодня некоторые политологи и журналисты о периоде 1960–1980-х годов, мы-то знаем, что время нашей молодости было искренним временем, мы жили и работали много и честно. Должности в комсомоле не раздавались по знакомству или «за красивые глаза». Авторитет среди молодежи надо было заслужить, и не столько речами, сколько делами.

Высокий, красивый, с бьющей через край энергией, Володя быстро вошел в круг своих непосредственных обязанностей. Между вузовскими коллективами, столичными и периферийными, между руководством Министерства высшего образования и ЦК комсомола установились по-настоящему деловые, уважительные отношения.

Много замечательных дел началось тогда, и вузовцами они подхватывались горячо, самозабвенно. Участие в ударном комсомольском

строительстве, студенческие строительные отряды. Да, ехали и зарабатывать, и приодеться, но главным было — патриотический порыв, стремление оставить свой след на земле, пусть это будет детский сад, сельский клуб или одноэтажный коровник, жилье и промзона в городе Гагарине. Ощущение, что это

построил именно ты, — замечательное чувство! Молодежь поднимала ударные стройки, а они формировали, воспитывали ее. Сколько замечательных людей нашей Родины поднялось, выросло на тех дрожжах.

Владимир Андреевич Житенев многое сделал, чтобы набрала вы-

соту работа среди научной молодежи. Евгений Павлович Велихов, Геннадий Андреевич Месяц — сколько еще можно назвать имен выдающихся ученых, которые прошли через Совет по научной работе среди молодежи. А как не вспомнить жесткие, профессиональные конкурсы отбора кандидатов на звание лауреата премии Ленинского комсомола. И в высокой науке Житенева воспринимали серьезно.

Володя был принципиальным, храбрым человеком. Он всегда имел собственное мнение, свою точку зрения, не боялся высказывать ее. А это непросто, такое зачастую не прощается.

Жизнь не всегда была справедлива к нему, ломала его, но сломить до конца не смогла.

Он умел дружить и ценил дружбу. Еще и поэтому мы будем помнить его всегда.

Жизнерадостным, красивым, рослым, молодым он и сегодня предстает перед нами. Навсегда молодой, навсегда комсомолец!

Невозможно не рассказать еще об одном удивительном человеке, личности, масштаб которой время умалить не может, — это Валерий Васильевич Сухорадо.

Только такой человек мог написать прекрасный текст песни о комсомоле, который был положен на музыку и стал своеобразным гимном ВЛКСМ.

Валерий был настоящим комсомольцем — убежденным, бесконечно влюбленным в жизнь, в дело, которым приходилось заниматься в разные периоды его недлинной, но яркой жизни. Теперь уже и не скажешь, что же было его настоящим призванием — авиационно-ракетная инженерия или художественное творчество? Нет, пожалуй, все-таки комсомольская работа, работа с людьми.

Яркий и самобытный след оставил Валерий Сухорадо как руководитель московской областной комсомольской организации, заведующий отделом культуры ЦК комсомола. ЦК ВЛКСМ, комсомолу повезло в том, что возглавил этот чрезвычайно важный участок человек, внутренне подготовленный и влюбленный в работу по культурному строительству среди молодежи.

Велико было обаяние личности Валерия. Он, словно магнит, притягивал к себе. Всех располагали его сердечность, обворожительная веселая улыбка, чувство юмора, самоирония.

Помнится, получив предложение от Министерства культуры возглавить фирму «Мелодия», Валерий пришел советоваться. Было ясно, что для себя он уже все решил. Но в ответ на наше «комсомольское благословение»: «это важно, это нужно молодежи, иди», — радостно улыбнулся.

Это было его дело. И работал он там много и увлеченно.

«Лежащая на боку» фирма буквально воскресла. Никогда не забудется, как Валерий, когда все рушилось в нашей стране, спас от расхищения бесценный музыкальный фонд «Мелодии».

Все располагало в Валерии Сухорадо к дружбе. К нему тянулись и люди творческие, и наш брат комсомольский активист. Помню, как в непростые для меня дни сборов на дипслужбу в Данию позвонил Валерий. Мы встретились в «Мелодии», и он передал мне несколько кассет с любимой музыкой и песнями. Потом эти мелодии согревали нам душу за границей.

Валерий Васильевич заболел. Он мужественно боролся с тяжелым недугом. Но болезнь победила...

Когда вспоминаю о нем, всегда внутренне повторяю слова одной из замечательных пахмутовских песен о Юрии Гагарине: «Знаете, каким он парнем был...» Да, я знаю. И никогда не забуду.

Ушел от нас молодым и Сережа Купреев. Большая, светлая, яркая, талантливая личность, настоящий человек-вещице. Он славно жил, много и честно работал, любил людей, детвору, любил жизнь. И трагически погиб...

Порывистый, энергичный. Я совершенно убежден, что он навсегда остался бы молодым, как бы много лет не было ему отпущено судьбой.

Никогда не забудутся его светлая улыбка, глаза, широко распахнутые

миру, его юношеская, детская открытость и чрезвычайный интерес, с которым он воспринимал людей и мир вокруг себя.

Вспоминаю свой первый прилет в командировку в МИД из Афганистана. Военно-транспортный самолет приземляется, вырубивает на специальную стоянку в Шереметьево. Медленно опускается задняя аппарель «Ил-76», и на кромке ее стоит громадный мужчина в генеральской шинели, папахе и сапогах, с пятью зимними гвоздичками в руке. Вот таким заботливым и нежным он был всегда.

Сережу, Сергея, Сергея Александровича любили. Никогда не забуду огромную очередь в клуб МВД на прощание с ним. Так на моей памяти — ни до, ни после — не провожали никого. Люди шли и шли, не мобилизованные какими-то разрядками райкома или райисполкома, шли, потому что в Москве его знали и любили многие.

Прошло много лет после кончины Сергея, но в каждый его очередной день рождения и в день гибели могила на Кунцевском кладбище покрывается цветочным ковром, десятки людей приходят снова и снова, чтобы поклониться памяти этого светлого человека.

Как-то однажды я был в его райкомовском кабинете в новом здании на Разгуляе. Меня впечатлил тогда не солидный кабинет, не большой письменный стол первого се-

кретаря, а ряд бумажных квадратиков на столе с фамилиями, именами, какими-то памятными заметками — это все те, кому надо было что-то сделать, похлопотать. Эту «мозаику» он всегда держал перед собой, вернее сказать, в поле своего зрения. За каждым бумажным квадратиком был человек, которому Сережа должен был помочь и помогал. Квадратиков становилось то больше, то меньше, но они никогда не исчезали совсем с рабочего места первого секретаря.

Человек гордый, азартный, он не любил проигрывать ни в спорте, ни в жизни. Фанатично любил теннис, неплохо играл, хотя травмированное колено постоянно вызывало боль и мешало двигаться так, как ему хотелось бы. Все компенсировал азарт. Азарт во всем. Это передать трудно и забыть невозможно.

Все мы — бауманцы, кто по учебе в МВТУ имени Баумана, кто по месту работы в Бауманском районе, кто по какой-то другой комсомольской привязанности. Бауманцы бесконечно уважали и гордились своим первым секретарем. Он был лучшим среди нас. Бауманцем с большой буквы.

Сегодня многое не просто в нашей жизни, но Россия поднимается с колен. Постепенно налаживаются дела в экономике, в народном хозяйстве, но бюрократии, аморальщины, коррупции — всего того, против чего решительно бился Сергей

Купреев, увы, не становится заметно меньше.

Ничего не вычеркнешь из своей жизни, из жизни своего государства. Греет это душу или нет, но это наша история. Мы, сегодняшние, все вышли оттуда.

Для многих миллионов людей, которые прошли через комсомол, он был стартовой площадкой в большую жизнь.

Но чувство неудовлетворенности не оставляет. О многих и многих я все-таки не успел написать...

Валерий Белянинов, Леня Каравев — друзья мои с детства и на всю жизнь.

Иосиф Кобзон, Виктор и Галина Беседины — без которых не будет полон мой театральный роман.

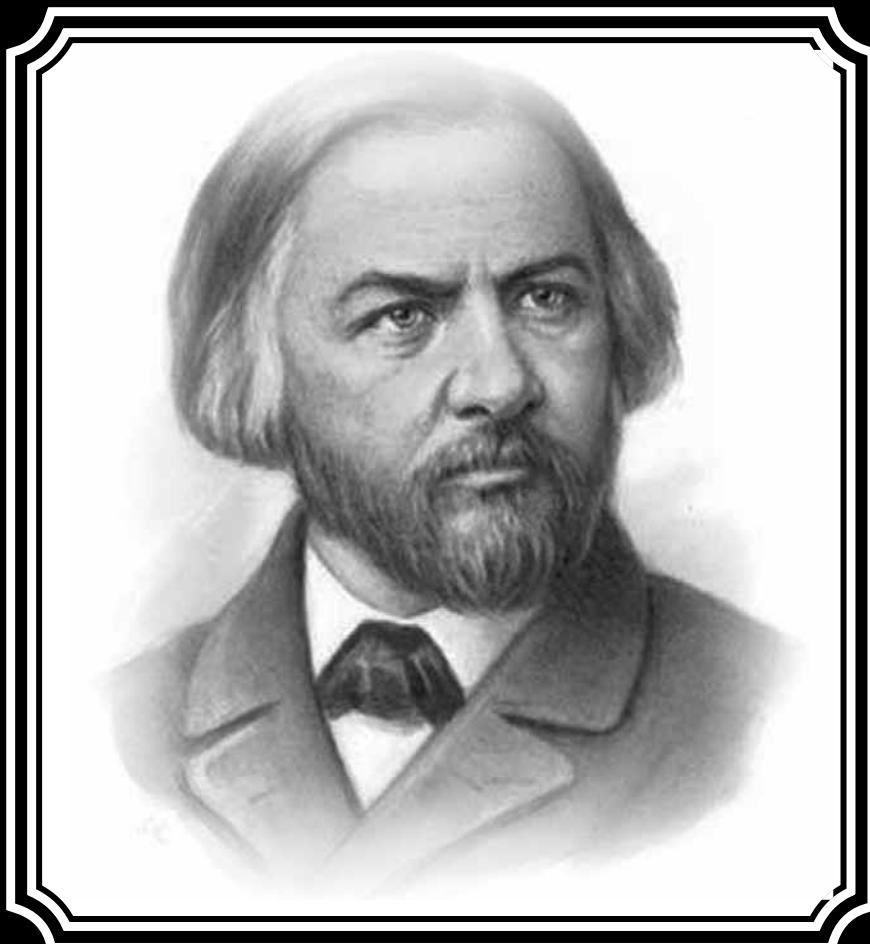
Комсомольские друзья и товарищи теперь уже до конца моих дней: Аркадий Сосин, Людмила Швецова, Рахман Везиров, Тамара Куценко, Жиули Шартава, Игорь Ильинский, Володя Ситцов, Альберт Лиханов, Виталий Игнатенко, Гриша Зайцев — да всех и не назвать.

Мидовцы: Б.Н. Чаплин, С.А. Рябков, И.С. Савольский, А.А. Куприянов, Ю.А. Прошин, А.Е. Сафонов, В.Г. Комплектов.

Афганцы: Саша Катенев — он был первым президентом Союза воинов-афганцев, Геннадий Елисеев, Левон Саакян, Виталий Малахов и многие другие, кому я обязан всем добрым, что было в моей жизни. □

Алла Зубкова

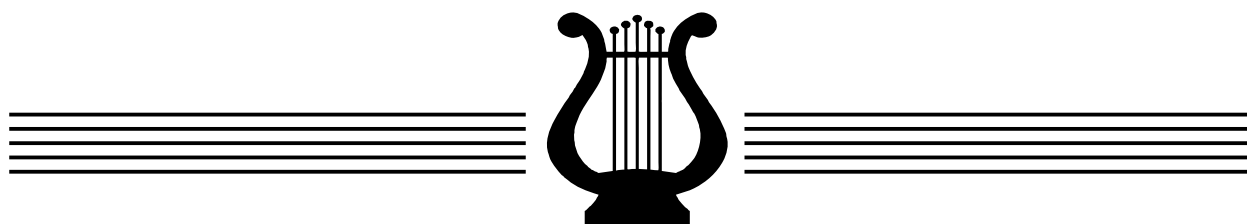
М.И. ГЛИНКА

«ОТЕЦ РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЫ»

Михаила Ивановича Глинку называли русским Моцартом и утверждали, что для русской музыки он сделал не меньше, чем Пушкин для отечественной словесности. Его «Сусаниным» восторгались Пушкин и Гоголь. Его искренними почитателями были Лист и Берлиоз, Бородин и Римский-Корсаков. Своим учителем считали его Чайковский, Рахманинов, Танеев, Глазунов.

В то же время некоторые называли композитора дилетантом, ссылаясь на очень небольшое количество созданных им произведений. И в самом деле — всего две оперы, музыка к одной драме, три оркестровые фантазии, несколько десятков романсов — вот практически и все, завещанное им музыкальному потомству. Пусть так, но разве все это может отменить тот факт, что «дилетант» Глинка проявил истинную гениальность, надолго определив путь русской музыки?

Михаил Иванович Глинка появился на свет 20 мая 1804 года в селе Новоспасское, в 20 верстах от города Ельни Смоленской губернии. Происходил он из старинного дворянского рода, который подарил России немало известных деятелей культуры. Отец и мать будущего композитора находились в троюродном родстве, и брак их в семейных преданиях был овеян романтической легендой. Влюбленные не могли получить согласия опекуна и старшего брата невесты, который противился этому союзу из-за достаточно близкого родства. Пришлось прибегнуть к крайней мере, впрочем, не столь уж необычной в те времена — похитить невесту. Похищение не потребовало от жениха особых усилий. Оно было хорошо подготовлено его матерью, властной и своевольной женщиной. Она же сумела позже восстановить отношения с обиженными родственниками.

Несмотря ни на что, брак этот оказался счастливым. Глава семьи, Иван Николаевич Глинка, был энергичным и предприимчивым хозяином. Он завел ремесленные мастерские и конские заводы, занялся казенными хлебными подрядами. Все это давало семье возможность жить на широкую ногу. Его супруга, Евгения Андреевна, была хорошо образована, прекрасно воспитана и обладала ровным приятным характером. Тем не менее, властная свекровь не доверяла ей воспитание первенца — Мишеля (кроме него, в семье вскоре появилось еще шестеро детей). До шести лет он оставался на полном попечении бабушки. Оберегая здоровье любимца, Фекла Александровна не выпускала внука из жарко натопленных комнат. С него почти никогда не снимали шубку, всячески охраняя от малейшего дуновения свежего воздуха. Последствия подобного воспитания

пагубно отразились на здоровье Глинки. До конца жизни он не выносил холода, был склонен к простудным заболеваниям и в зимнее время старался не выходить из дома. Проблемы со здоровьем усугублялись и повышенной нервной впечатлительностью, которой он также отличался с детства.

Пятилетний мальчик почти самостоятельно выучился читать, умиляя бабушку выразительной декламацией стихов и отрывков из священных книг. Очень рано стал привлекать его мир звуков. Неотразимое впечатление производило на ребенка церковное пение и звон колоколов.

давала Мишелю и его сестре уроки музыки и иностранных языков. Именно она привила Глинке первые навыки фортепианной игры. Но, наверное, еще большее влияние на него оказали выступления крепостных оркестров его отца и особенно дяди, славившиеся во всей округе. Разумеется, крепостным музыкантам не хватало подлинного мастерства, но мальчик с восторгом вслушивался в исполняемые ими камерные и симфонические мелодии — музыка производила на него поистине гипнотическое действие.

В начале 1818 года юного Глинку отправили в недавно открытый в

После смерти бабушки,

которая воспитывала любимого внука до шести лет, мальчика отправили в Благородный пансион при педагогическом институте. На редкость прилежный ученик в первые годы учебы, к выпускным экзаменам он стал пренебрегать занятиями. Страсть к музыке полностью завладела душой юноши, и тратить время на другие предметы казалось ему чуть ли не святотатством

Часто он собирал медные тазы и мелодично бил в них, подражая этим звукам.

После смерти бабушки в 1810 году воспитанием Мишеля занимались его родители, особенно мать. Они пригласили для занятий с сыном выпускницу Смольного института Варвару Федоровну Кламмер, которая

столице Благородный пансион при главном педагогическом институте. Подобно Царскосельскому лицу, пансион был предназначен в первую очередь для подготовки воспитанников к государственной службе. Количество изучаемых предметов было впечатляющим, режим, особенно в начале обучения, мягкостью

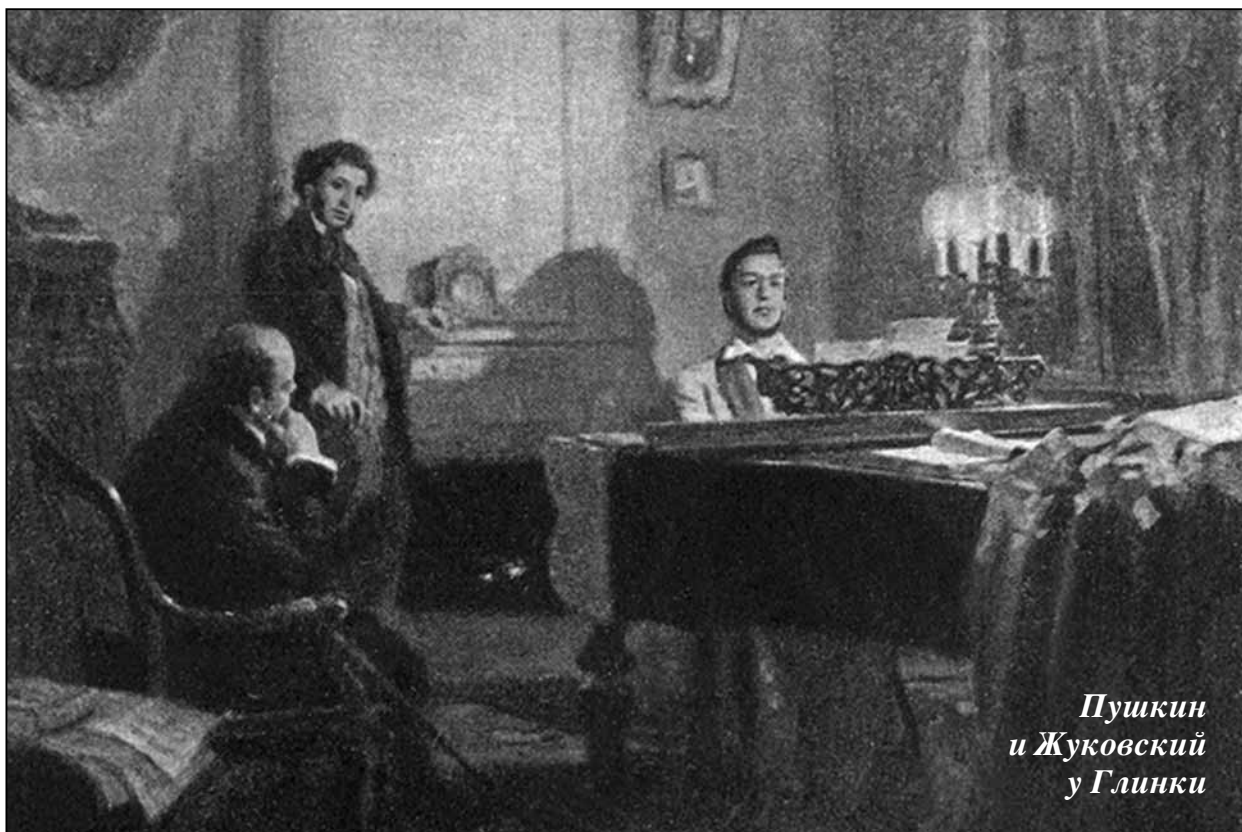
не отличался. Воспитанники подчинялись строгой дисциплине, вставали в холодном помещении при свечах в 6 часов утра, нередко голодали, подвергались придиркам со стороны невежественных гувернеров. Тем не менее, в первые годы пребывания в пансионе Глинка успевал очень хорошо. Особенно удава-

лись ему языки: он с удовольствием занимался латынью и греческим, которые изучал с детства, совершенствовался во французском, немецком и итальянском языках. С профессором университета, учителем Грибоедова, Мирзой Джафаром Топчибаевым занимался персидским.

Занятия музыкой в пансионе поощрялись, правда, организовывались они в частном порядке. Почти сразу же Глинка начал брать уроки у лучших педагогов того времени — прославленного ирландского пианиста Джона Филда, В. Омана, К. Цейнера, а вскоре стал изучать теорию музыки и гармонию. Весной 1822 года

посещал концерты и оперу — русскую и итальянскую.

Летом 1822 года Глинка должен был сдать выпускные экзамены. На редкость прилежный ученик в первые годы, к концу курса он стал пренебрегать занятиями. Страсть к музыке полностью завладела душой молодого человека, и тратить

*Пушкин
и Жуковский
у Глинки*

на одном из экзаменов он играл в присутствии самого министра просвещения Голицына. Его репутация отличного пианиста к этому времени окончательно утвердилась, и юноша не упускал случая помузицировать в аристократических салонах Петербурга. Там он мог слушать и изучать классическую музыку Моцарта, Бетховена, Гайдна. Кроме того, часто

время на другие предметы казалось ему едва ли не святотатством.

К тому же он впервые серьезно влюбился в юную девушку, обладавшую помимо очаровательной внешности прелестным серебряным сопрано. Именно тогда, стремясь угодить предмету своего увлечения, Глинка создал свои первые, разумеется, еще далекие от совершенства,

композиции. До статистики ли, до юриспруденции ему тогда было! Он сильно запустил учебу. Однако ему повезло: экзаменаторы за прежние заслуги снисходительно отнеслись к юноше, и в результате Глинка был выпущен из пансиона вторым учеником «с правом на чин 10-го класса» — иначе говоря, в звании коллежского секретаря.

Годы учения закончились. Истинное призвание юноши, казалось бы, определилось. Однако в начале XIX века профессия музыканта считалась немыслимой для представителя дворянского сословия. Недаром отец будущего композитора, безо всякого удовольствия наблюдавший за музыкальными успехами сына, ворчал: «Ну, вот и получился скоморох!» Впрочем, он, как и все родственники и знакомые Михаила, не сомневался, что сына ждет карьера дипломата или государственного служащего. Пока же Глинка, поселившись в Новоспасском, совершенствовался в управлении оркестром, изучая произведения великих европейских мастеров.

Весной 1823 года молодой человек по совету врачей и настоянию отца предпринял поездку на Кавказ. Тамашние минеральные источники уже в то время начали приобретать известность в России. Считалось, что они обладают едва ли не чудодейственной целебной силой. Яркие впечатления кавказской природы и быта навсегда запомнились Глинке. Впервые вошла в его жизнь тема

Востока, и ей суждено было расцвести позже в волшебных сценах «Руслана» и пленительных романах. Ну а что касается назначенных Глинке серных ванн и сернокислых вод для питья, то они, увы, желаемого эффекта на его здоровье не произвели, и до конца дней при одном их упоминании композитор испытывал самые неприятные чувства.

Вернувшись в Петербург, Глинка, уступая желанию отца, должен был поступить на службу. Он получил должность помощника секретаря в канцелярии Совета путей сообщения. Нужно сказать, что работа эта не была обременительной, и Глинка вполне мог продолжать свои музыкальные занятия с опытными педагогами, совершенствуясь в искусстве гармонии и композиции. Он довольно много писал в этот период, хотя значительную часть этих его юношеских произведений составляли романсы. Наибольшую известность среди них получил романс на слова Баратынского «Не искушай меня без нужды». Сочинил он также несколько квартетов и серенад.

Тем временем дела на службе шли как нельзя лучше. Начальник канцелярии генерал Герголи весьма благоволил Глинке. Молодой человек часто посещал дом генерала и музицировал с одной из его дочерей, которую звали Полиной. Однако довольно скоро настойчивость девушки так напугала Михаила, что он стал гораздо реже посещать дом генерала. Обиженный начальник

начал придирается к работе молодого секретаря. Тогда Глинка совсем прекратил посещения генеральского дома, и отношения сделались настолько натянутыми, что вскоре он почел за благо подать прошение об отставке. Это случилось в 1828 году. Впрочем, судя по всему, неудача по службе не очень огорчила молодого музыканта. Он продолжал жить в Петербурге, вращался в высшем столичном обществе, часто ездил к князьям Голицыным. Об этих веселых музыкальных встречах говорил весь Петербург. Президент Государственного совета князь Кочубей всегда с удовольствием приглашал его к себе в Царское Село, а графиня Строганова — в свое имение под Новгородом.

Литературное окружение молодого музыканта в это время блистало именами Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Дельвига. В июне 1828 года Глинка провел целый день с Грибоедовым, который незадолго до своей трагической гибели в последний раз посетил Петербург. Именно тогда Грибоедов познакомил его с грузинской народной мелодией. Услышав восхитительную импровизацию Глинки на эту тему, Пушкин сочинил к ней свой стихотворный текст, и появился знаменитый романс «Не пой, красавица, при мне!»

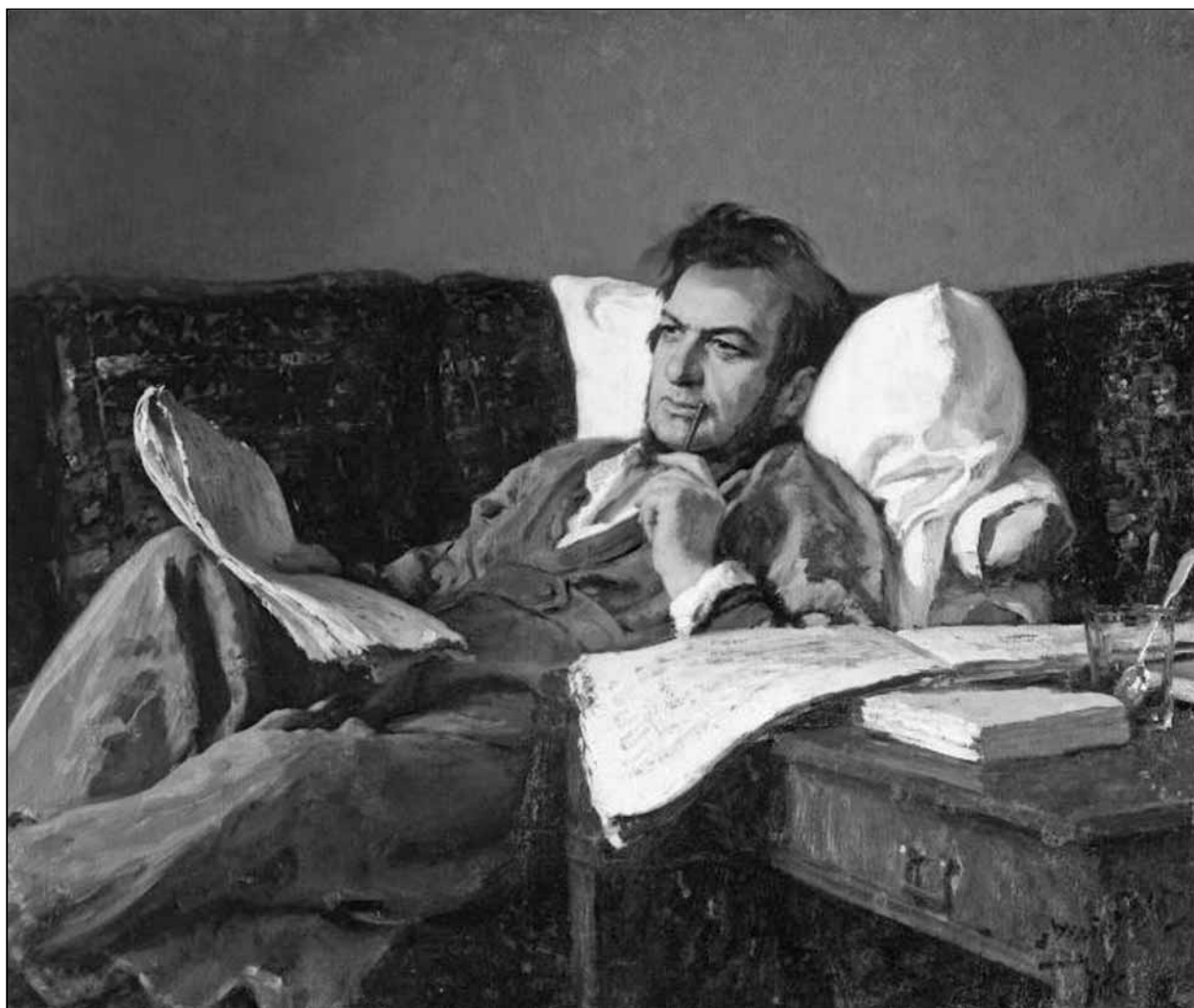
Успехи Глинки в литературно-музыкальном мире Петербурга по-прежнему сопровождались непрерывным самосовершенствованием в композиторской и исполнитель-

ной практике. В то же время от своих петербургских учителей он уже взял все возможное, и его все более настойчиво охватывала жажда новых впечатлений, мечта о поездке за границу.

В начале 1830 года Глинка подал на имя губернатора прошение о выдаче ему паспорта на поездку в Германию и Италию «сроком на три года для лечения». Он и в самом деле в течение всей зимы испытывал серьезное недомогание. Усилилась крайняя чувствительность к простудным заболеваниям. Это болезненное состояние нередко вызывало, по его словам, «жар и бред». Диагноз никто из эскулапов поставить так и не смог. А какими только лекарствами его не пичкали! Пробовали и серу, и опиум, и хину, и даже ртуть.

Разрешение на выезд было, наконец, получено, и в апреле того же года Глинка двинулся в путь. Конечной целью путешествия была Италия, но путь туда лежал через Германию. Там Глинка не только проходил курс лечения у местных врачей, но и расширял свои познания в классической немецкой музыке. Он познакомился с операми Вебера, услышал «Фиделио» Бетховена.

Осенью молодой путешественник, перебравшись через Альпы, прибыл в Милан, где с помощью опытных педагогов стремился ликвидировать свои пробелы в теории и композиции музыки. Он часто посещал два знаменитых оперных театра Милана,

восхищаясь творениями Россини, Доницетти, Беллини, даже сочинил несколько крупных пьес на тему из произведений этих композиторов. В течение двух последующих лет Глинка объехал всю Италию, побывав в Генуе, Риме, Венеции. В Неаполе он познакомился и подружился со знаменитым русским художником Карлом Брюлловым.

Увы, надежды на то, что пребывание в Италии поможет ему избавиться от мучивших его недугов, не оправдались. К середине 1833 года неумелые, а порой и просто варварские способы лечения вконец рас-

строили здоровье музыканта. Он без особого сожаления покинул Италию и отправился в Вену. Там он с удовольствием слушал музыку Ланнера и Штрауса-отца — кумиров венской публики. Под влиянием этого изящного стиля Глинка набросал грациозную танцевальную сцену, понадобившуюся позже для знаменитого «краковяка» в польских танцах в «Иване Сусанине».

В конце марта 1834 года неожиданно пришло известие о смерти отца, и он немедленно отправился на родину, в Новоспасское. Прожив там некоторое время, вновь собирался

за границу с целью продолжить там свои занятия, однако жизнь решила иначе. Глинке суждено было вернуться в Россию надолго, на десять лет. И все более властно овладевала им идея создания первой крупной национальной оперы, которая, судя по всему, зародилась у него еще в Италии. Сюжета произведения у него пока еще не было, но отдельные музыкальные фрагменты он уже ис-

либретто оперы, однако затем отказался от этой идеи. Глинке пришлось обратиться к барону Г.Ф. Розену. Розен отнюдь не был выдающимся стихотворцем, зато обладал весьма ценным качеством — умел писать стихи любых размеров, в каком угодно количестве и всегда успевать к назначенному сроку. Это было очень важно, поскольку процесс работы над оперой проходил стре-

*С женой
Марией
Петровной*

полнял перед друзьями на фортепиано. Наибольшую поддержку своим планам он находил в литературном кружке Жуковского, где каждую неделю собирались Пушкин, Гоголь, Вяземский, Одоевский и другие. Именно Жуковский и предложил Глинке сюжет о подвиге Ивана Сусанина. Он даже намеревался написать

мительно и бурно: на создание грандиозной по своим масштабам оперной партитуры, не имевшей прецедентов в русской музыке, потребовалось не более одного года.

Осень 1834-го и зима 1835 года вообще стали для Глинки одним из самых счастливых периодов его жизни. В доме своего родственника

А.С. Ступеева он познакомился с юной девицей Марией Петровной Ивановой. Милость и грация 17-летней Маши сразу же привлекли внимание пылкого, увлекающегося Глинки. Прошло всего несколько месяцев, и Маша Иванова стала его невестой, а в апреле они уже были мужем и женой. Глинка посвятил Марии чудный романс «Только узнал я тебя».

Увы, прошло не так уж много времени, и стало ясно, что «бесценный ангел» Мария вовсе не та, за кого

Постепенно образ «бесценного ангела» стал меркнуть в обстановке домашнего быта: перед Глинкой оказалась мелочная капризная женщина, бесконечно далекая от интересов мужа, способная бешено ревновать его «к этой ненавистной опере». Позднее в своих автобиографических «Записках» композитор писал: *«Жена моя принадлежала к числу тех женщин, для которых наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и прочее было все, музыку понимала она плохо, или, лучше ска-*

Михаилом все более властно

овладевала идея создания первой крупной национальной оперы. Наибольшую поддержку своим планам он находил в литературном кружке Жуковского, где каждую неделю собирались Пушкин, Гоголь, Вяземский, Одоевский и другие писатели и поэты. Именно Жуковский предложил Глинке сюжет о подвиге Ивана Сусанина, и уже к весне 1836 года опера была закончена

принял ее страстно влюбленный музыкант. Прежде всего, она отличалась поразительным невежеством. Однажды Глинка приехал домой, потрясенный исполненной на концерте симфонией Бетховена. «Что случилось, Мишель?» — поинтересовалась супруга. «Бетховен ...» — только и мог произнести взволнованный музыкант. «Что же он тебе сделал?» — любопытствовала Мария Петровна.

зать, за исключением мелких романсов, вовсе не разумела — все высокое и поэтическое также ей было недоступно».

Между тем к весне 1836 года опера была закончена. Однако путь ее на сцену был не так уж прост. Директор императорских театров А.М. Геденов вовсе не горел желанием поставить оперу еще довольно молодого композитора в Большом Санкт-Петербургском театре.

Но тут помогла протекция влиятельных друзей Глинки и блестящий успех репетиции первого акта оперы. Она проходила в салоне графа М.Ю. Вильегорского, который больше других сделал для того, чтобы опера увидела свет. Правда, композитор вынужден был дать формальную подписку, что не будет требовать за свое произведение никакого вознаграждения. Глинка никогда бедняком не был, но деньги эти, разумеется, не были бы лишними. Тем не менее, такую подписку ему все-таки пришлось дать.

На одну из последних репетиций в театр неожиданно приехал сам император. Очевидно, музыка произвела на Николая I впечатление, так как он подошел к композитору и ласково заговорил с ним. По совету Гедеонова Глинка попросил разрешения государя посвятить ему оперу. Разрешение было милостиво дано, и опера получила название «Жизнь за Царя».

Премьера состоялась в конце ноября 1836 года. Успех был потрясающий. После окончания спектакля композитора вызвали в императорскую ложу. Николай I и члены его семьи поблагодарили и поздравили с успехом. Вскоре после этого ему передали от императора ценный перстень. Впрочем, не всем опера пришлась по душе. Некоторые аристократические ценители нашли ее вульгарной. «C'est la musique de cochet» — «это музыка извозчиков», — говорили они. Однако таких было меньшинство.

Счастье, которое испытывал Глинка в связи со своим творческим триумфом, было отравлено серьезными неурядицами в семейной жизни. От него требовали денег, его упрекали в том, что он не умеет зарабатывать, и, несмотря на то, что он в то время получал как капельмейстер придворной Певческой капеллы до десяти тысяч рублей при казенной квартире и почти все деньги отдавал жене, упреки не прекращались. Мягкий по природе музыкант, и прежде спасавшийся от домашних неурядиц в обществе друзей, все более отдалялся от жены.

Первую мысль о «Руслане и Людмиле» подал Глинке его знакомый, известный драматург, князь А.А. Шаховской. Естественно, заинтересовавшись этим сюжетом, композитор не мог не мечтать о содействии, которое Пушкин мог бы оказать ему в создании оперы, но, увы, смерть великого поэта помешала этому замыслу. Однако эта трагедия лишь укрепила Глинку в его решении написать оперу на пушкинский текст. Правда, он все же нуждался в либреттисте, который помог бы ему «включиться» в пушкинский текст и одновременно осуществить собственные композиционные намерения, и нашел такого человека в лице талантливого поэта-любителя Валериана Федоровича Ширкова.

Первоначальный план оперы вынашивался композитором в течение всего 1837 года. Процесс же сочинения оперы протекал неравномерно.

Увлеченный своим замыслом, Глинка сначала полностью отдался своей работе: к 1838 году относится создание «Персидского хора», марша Черномора, баллады Финна. Неудачным в истории «Руслана» оказался 1839 год, когда, под бременем жизненных невзгод, Глинка, казалось, забыл о своей главной цели. Зато с новым приливом энергии он продолжил работу над оперой в 1840 и 1841 годах. Этот последний этап, вплоть до сценической постановки «Руслана», был самым напряженным в творческой жизни композитора.

Но что же это были за жизненные невзгоды, вынудившие композитора писать оперу в течение такого продолжительного времени? Дело в том, что отношения с женой становились все хуже и хуже, и настал момент, когда терпению даже такого мягкого человека, как Михаил Иванович, пришел конец. Он решил оставить жену и в ноябре 1839 года послал ей письмо, где сообщал, что причины, о которых он считает нужным умолчать, вынуждают его расстаться с нею, что сделать это нужно без ссор и взаимных упреков, и что он предоставляет ей половину всех своих доходов. Супруга оставила это послание без всякого ответа. Общественное мнение было целиком на ее стороне, и в этой ситуации Мария Петровна явно чувствовала, что у нее развязаны руки.

Вскоре после семейного разрыва она нашла, как ей представлялось, достойного спутника жизни.

Это был молодой корнет конногвардейского полка Н.Н. Васильчиков, происходивший из богатой аристократической семьи с большими связями при дворе. В 1841 году Мария Петровна тайно обвенчалась с Васильчиковым, но толки об этом событии распространились по всему Петербургу. Начался долгий, мучительный для Глинки бракоразвод-

*Екатерина
Ермолаевна
Керн*

ный процесс. Лишь в 1846 году, находясь за границей, он получил известие о расторжении брака.

И все-таки нельзя сказать, что в это тяжелое время Глинка был бесконечно несчастен. В эту пору горьких разочарований и сомнений судьба подарила ему надежду на лучшее будущее. Весной 1839 года в Петербурге он познакомился с Екатериной Ермолаевной Керн, дочерью из-

вестной светской красавицы Анны Петровны Керн, некогда покорившей сердце Пушкина. Милая, обаятельная и образованная девушка произвела впечатление на Глинку не красотой, а душевной чуткостью и тонким пронзительным умом. Их сближали и музыкальные интересы. В первые же месяцы их знакомства Глинка преподнес Екатерине посвященный ей восхитительный «Вальс-

фантазию» и едва ли не лучший свой романс «Я помню чудное мгновение» на слова Пушкина, который посвятил это стихотворение матери его возлюбленной.

Кстати, сама Анна Керн была вовсе не в восторге от романа дочери с неразведенным композитором. И тогда летом 1840 года Глинка ре-

шился на трудный шаг — уехать с Екатериной за границу без оформления брака. Задуманный план не осуществился. Перед отъездом между влюбленными произошла серьезная размолвка. Причины ее до сих пор остаются невыясненными. Возможно, девушка поддалась увещаниям матери. Не исключено также, что, по здравом размышлении, Глинка сам по какой-то причине разочаровался в своей избраннице. Как бы то ни было, разрыв был полный и окончательный.

Утешение от разочарований и ударов судьбы Михаил Иванович находил в работе над оперой. Весной 1842 года в Россию впервые приехал Ференц Лист. Познакомившись с рукописной партитурой «Руслана», прославленный композитор, как впоследствии и Гектор Берлиоз, стал восторженным почитателем своего русского собрата. Глинке это было тем более приятно, что большинство знакомых и даже друзей холодно отнеслись к опере, и его все больше тревожила перспектива провала любимого детища. Увы, предчувствие не обмануло. Премьера состоялась в конце ноября 1842 года и стала тяжелым испытанием для маэстро. Император и его двор демонстративно покинули зал до окончания представления. Когда же опустился занавес, то послышавшиеся, было, поощрительные аплодисменты заглушило энергичное и дружное шиканье большинства публики. Глинка обратился к сидевшему

в директорской ложе начальнику штаба корпуса жандармов генералу Дубельту: «Кажется, шикают, идти ли мне на вызов?» «Иди, — ответил генерал, — Христос страдал более тебя».

Отдельные положительные отзывы в прессе терялись в хоре недоброжелателей. В светских кругах насмешливо повторяли фразу великого князя Михаила Павловича, уверявшего, что он посылает офицеров за провинности вместо гауптвахты на спектакли «Руслана и Людмилы».

после смерти своего создателя она была признана одним из главных украшений отечественного оперного репертуара.

Весной 1844 года Глинка отправился в новое путешествие за границу и начал его с Франции. В Париже он познакомился и сблизился со знаменитым Гектором Берлиозом, который организовал несколько его концертов, имевших немалый успех. Впрочем, в Париже Глинка пробыл не так уж долго — всего год. Его влекла Испания, страна, о которой

Счастье, которое Глинка испытывал в связи со своим творческим триумфом, отравлялось серьезными семейными проблемами. От него требовали денег, упрекали в том, что он не умеет их зарабатывать, хотя он получал вполне приличную зарплату как капельмейстер придворной Певческой капеллы и почти все деньги отдавал жене. Мягкий по природе, Глинка спасался от домашних неурядиц в обществе друзей и все больше отдалялся от некогда пылко любимой супруги Марии Петровны

Глинка переживал неудачу своего творения, как тяжелую катастрофу, и не мог найти объяснения случившемуся провалу. Ведь его вторая опера — гораздо более совершенное произведение по сравнению с «Сусаниным». «Из «Руслана» я мог бы сделать десять таких опер, как «Жизнь за Царя», — с горечью говорил он.

Что ж, судьба этой оперы, в самом деле, оказалась нелегкой, и лишь

он мечтал едва ли не с детства. В Испании он провел более двух лет, побывав во многих городах и изучая национальную музыку. За время пребывания в Испании Глинка создал всего два крупных произведения, но то были блестящие увертюры «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде».

В начале лета 1847 года композитор оставил Испанию и через Париж, Вену и Варшаву возвратился

в Россию. А уже в следующем году он почти за два месяца написал свою знаменитую «Камаринскую», о которой П.И. Чайковский позднее скажет: «Русская симфоническая школа вся в "Камаринской", подобно тому, как весь дуб в желуде!»

В период создания этой увертюры, последнего крупного симфонического сочинения Глинки, ему исполнилось всего 44 года. Однако состояние его здоровья постоянно ухудшалось. Большие замыслы — эскизы задуманных оперы и симфо-

Весной 1852 года в нем вновь пробудилась мечта о путешествии во Францию, Италию, и, главное, Испанию. Увы, сил хватило лишь на то, чтобы добраться до Франции. Пробыв в Париже около двух лет, Глинка вернулся на родину. Однако он нуждался в уходе опытных врачей, да и серьезной классической музыки, изучением которой он хотел заниматься, все-таки не хватало в Петербурге, поэтому он вновь отправился в Европу, на этот раз в Германию, в Берлин. Огромную

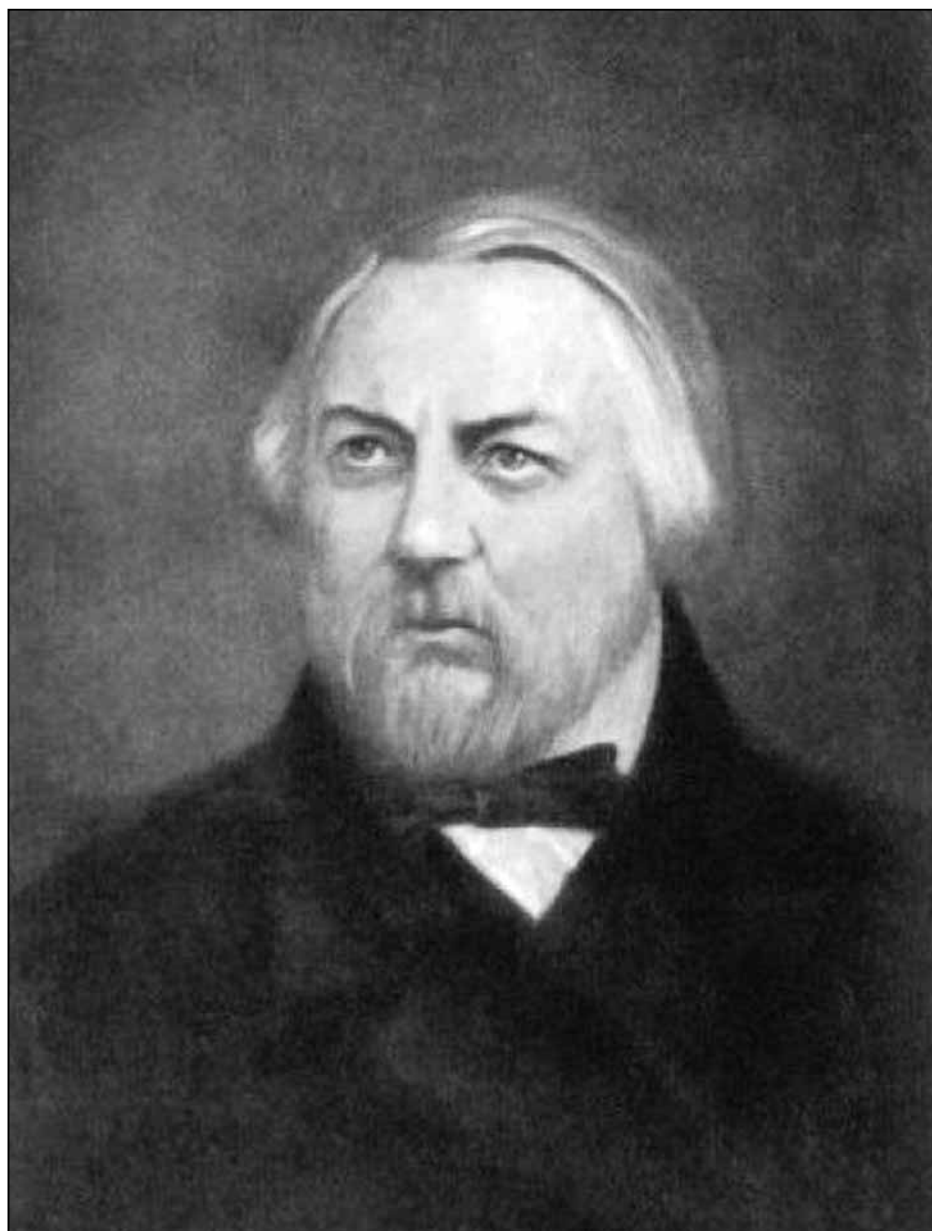
Замыслов у музыканта было полно.

Почти за два месяца Глинка написал свою знаменитую «Камаринскую», о которой позже П.И. Чайковский скажет: «Русская симфоническая школа вся в "Камаринской", подобно тому, как весь дуб в желуде!» Тем не менее, многие замыслы так и остались незавершенными — здоровье сильно ухудшилось, и всю радость творчества отравляло сознание уходящей жизни...

нии — оставались незавершенными, сознание уходящей жизни отравляло всю радость творчества. Он жил то в Новоспасском, то в Смоленске, то в Петербурге, где его окружали молодые почитатели его творчества. Среди них была необычайно талантливая певица Дарья Михайловна Леонова. Возможно, как считали некоторые близкие к композитору люди, она стала последним сердечным увлечением Глинки.

радость принес ему триумф, с которым 15 января 1857 года прошел концерт из его произведений в роскошном зале королевского дворца. Однако, выходя из жарко натопленных помещений дворца, Глинка простудился и слег. Он очень ослаб, почти не принимал пищу и жаловался на сильные боли в печени. В конце января наступило резкое ухудшение. 3 февраля ночью Михаил Иванович потребовал подаренный ему

матерью образок, молча поцеловал его и горячо помолился. В последние свои часы он был необычайно кроток и спокоен. Утром в 5 часов сердце великого композитора остановилось.

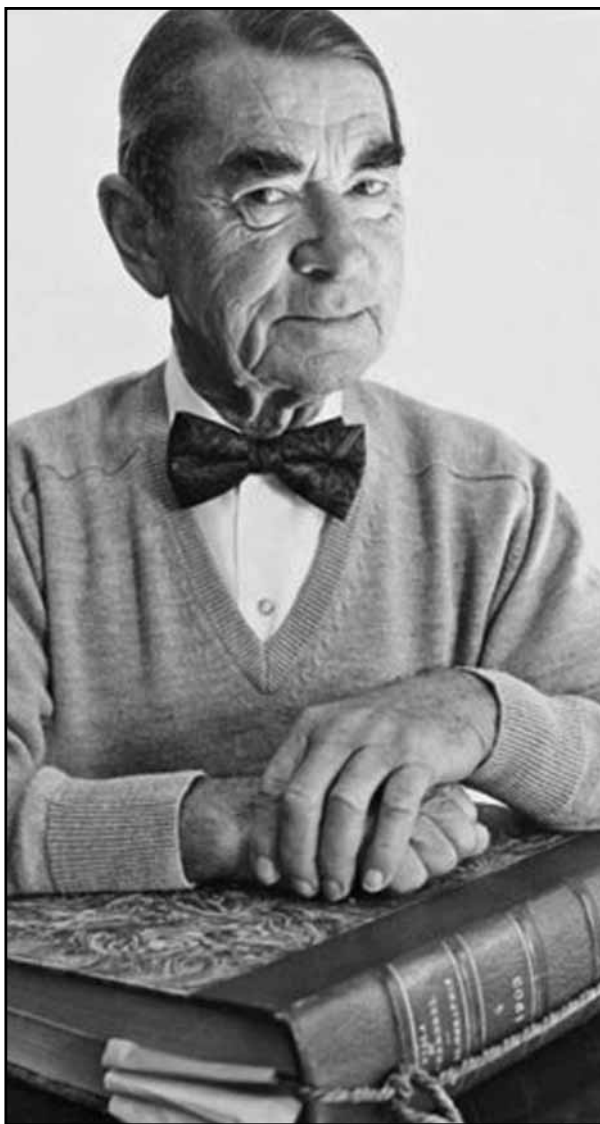
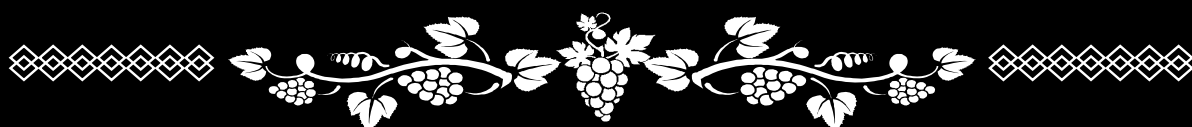
Глинку похоронили на окраине берлинского кладбища. Среди немногих провожавших его в последний путь был знаменитый композитор Дж. Мейербер, глубоко уважавший своего русского собрата.

Любимая сестра композитора Людмила Ивановна Шестакова положила много сил на хлопоты о перевозке гроба с телом Глинки на родину. С немногими близкими друзьями она встретила в Кронштадте пароход, привезший ящик с гробом.

24 мая 1857 года прах Михаила Ивановича Глинки обрел, наконец, вечное упокоение на кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. □

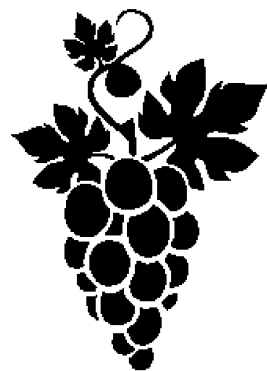
Владимир Братченко

Кудесник-

На вопрос, где и когда появилось вино, ученые и историки до сих пор не могут дать однозначный ответ. Не менее дюжины стран считают, что именно они являются родиной этого благородного напитка. По этому поводу существует множество мифов и легенд. Одни полагают, что виноделие появилось на острове Крит или на островах Эгейского моря, другие приписывают первенство древним египтянам, поскольку засохшие остатки вина были обнаружены в амфорах в гробницах фараонов. Но бог вина присутствовал во всех древних цивилизациях. В Греции — Дионис, в древнем Риме — Бахус, в Египте — Шесему, в Индии — Индра, у ацтеков — Патекатль. Да, воистину вино — это напиток богов!

ВИНОДЕЛ

В VII–VI веках до нашей эры греки завезли вино на территорию древнего Рима. Римляне освоили его изготовление, и оно вошло в их повседневную жизнь. Даже рабы пили вино. Позднее его производством стали заниматься французы, испанцы и германцы. В Россию же виноделие пришло лишь при Петре I, и наша страна дала миру, по крайней мере, двух великих мастеров виноделия. Имя одного из них широко известно — это князь Лев Сергеевич Голицын. Он первым в России наладил промышленное производство высококачественных виноградных вин, знаменитого шампанского «Новый Свет», создал винодельческие хозяйства Абрау-Дюрсо и Массандра с трехкилометровыми подвалами-туннелями, собрал уникальную коллекцию вин, насчитывавшую свыше 50 тысяч бутылок. Его называли «Королем экспертов». Он по листьям различал сорта винограда, по вкусу вина определял год его изготовления. На выставках в Москве, Ялте, Харькове, Симферополе, Луизвилле и Нью-Орлеане (США), Париже за свои вина Голицын получал золотые медали.

Однако о другом кудеснике виноделия с мировым именем, нашем соотечественнике Андрее Викторовиче Челищеве, нам мало что известно, хотя он не меньше, чем князь Голицын, заслуживает, чтобы мы о нем узнали и помнили об этом человеке, прожившем непростую жизнь.

Челищевы — старинный русский дворянский род, ведущий свое происхождение от потомка германского курфюрста Вильгельма Люнебургского, поселившегося в Великом Новгороде в 1237 году. Сын его был прозван Челище, откуда и пошла фамилия Челищевых. Челищевы сражались и умирали за Русь, были приближены к российским князьям, царям и императорам, начиная с Дмитрия Донского и Александра Невского. В храме Христа Спасителя имя одного из Челищевых — Михаила, значится в перечне героев, погибших в Бородинском сражении.

Андрей Викторович родился 7 декабря 1901 года в Москве. Его отец, Виктор Николаевич Челищев, профессор права, писатель и мемуарист, был московским мировым судьей. До десятилетнего возраста Андрей рос в фамильном доме в районе Арбата и в имении родителей под Калугой, а потом его отправили на учебу в юнкерское училище в Киев. После Октябрьской революции семья Челищева, опасаясь репрессий со стороны новой власти, переехала в Екатеринодар. Их родовое имение было разрушено и разграблено. Окончив офицерскую школу, 18-летний подпоручик Андрей Челищев попал в Белую армию Врангеля и принимал участие в гражданской войне против «красных». В 1920-м году при штурме Перекопа, он был тяжело ранен. Бесчувственного юношу, умирающего

в снегу на поле боя, нашли отступавшие казаки.

Андрей выжил, долго лечился в госпитале, а потом покинул Россию и оказался сначала в Турции, затем перебрался в Чехословакию, поступил на медицинский факультет университета города Брно, однако вскоре перешел на сельскохозяйственный факультет. К этому времени он уже определился с выбором профессии, решив посвятить себя древнейшей и интереснейшей науке — виноделию. Для дальнейшей специализации Челищев в 1930 году отправился в Париж, где в университете Луи Пастера и в Национальном университете агрономии изучал микробиологию и процессы, происходящие в винах, у именитого профессора Поля Марсэ. Получив звание энолога (эксперт в области виноделия), он поехал в Бургундию, где начал осваивать передовые технологии производства вин мирового класса, перенимая опыт бургундских корифеев виноделия. Затем его пригласили в Шампань, поработать в компании Moët&Chandon, знаменитой на весь мир своими игристыми винами. Во Франции Андрей, где его звали Андрэ, пробыл до 1938 года. Он полностью оправдал надежды своего учителя профессора Марсэ, и, когда к тому обратился владелец калифорнийской винодельни «Болле» Жорж Латур с просьбой порекомендовать толкового винодела для работы в Калифорнии, профес-

сор без колебаний рекомендовал Андрея Челищева. В США как раз отменили «сухой закон», в результате которого виноделие в США пришло в полный упадок. Однако винный дом «Болье» сумел выжить, поставляя вино, необходимое для проведения священниками католической церкви обряда причастия. Это был в то время, пожалуй, единственный в Америке легальный способ производства вина. Перед Челищевым открывались широкие возможности, и хотя предложение таило в себе много неизведанного, загадочного, было не особенно заманчивым с материальной точки зрения, Андрей Викторович принял его. Он говорил, что главное для него — идти своим путем, ибо это дороже любых денег.

Прибыв на винодельню «Болье», Челищев увидел безрадостную картину запустения виноградников и

разорившихся окрестных винных хозяйств. В компании, да и, пожалуй, во всей Калифорнии, не было ни одного профессионала в области виноделия. Но это Андрея Викторовича не сильно смутило. Он был полон энергии, любил жизнь и свою профессию. Ему предстояло заново возродить калифорнийское виноделие, и он с жаром принялся за дело. Прежде всего, приступил к работе над облагораживанием местной виноградной лозы. Имея колоссальный опыт, накопленный во Франции, он был с ней на «ты», что позволяло ему творить с ней чудеса. Однако на это ушло около 10 лет.

Стоит упомянуть, что природа одарила Андрея Викторовича уникальным нюхом на вина, за что его называли «лучшим носом Калифорнии». *«Его вкус был настолько утонченным, что он мог запросто опре-*

делить, где родилось вино», — писали о нем в газетах.

Он был признан лучшим дегустатором вин, сначала долины Напа, а затем и всего Тихоокеанского побережья. В середине сороковых годов прошлого столетия Челищев, наконец, достиг поставленной перед собой цели, превратив ничем не примечательное местное вино

в прекрасное калифорнийское каберне *Georgesde Latour Private Reserve*. Вино получило большое количество наград и призов на самых престижных конкурсах в разных странах. Его стали в обязательном порядке подавать на банкетах в Белом доме, а президенты США лично выражали благодарность его создателю.

Челищев передал виноделам Напы весь свой опыт и знания. Он обучил их технологии холодного брожения и ферментации вина, основам микробиологии и гигиены труда. Вино стали выдерживать в бочках малого объема из французского дуба. А когда во время Второй ми-

мены, есть вина, которые нуждаются в дружеской поддержке». Виноделы Калифорнии звали его Доктором. Они верили, что он способен, как врач, лечить вина, устранять их недостатки.

«Делать вино — все равно, что растить прелестных детей, — делил-

*Дороти
и Андрей
Челищевы*

ровой войны возникли проблемы с его поставками, начали использовать американский дуб.

Андрей Викторович был человеком строгим, объективным, но чрезвычайно корректным, и требовал этого от других. Когда случалось, что его ученикам не удавалось достичь хороших результатов, он находил слова ободрения: «Джентль-

ся с ними своими удивительными секретами Челищев. — *Надо каждый день карабкаться на бочку, рассматривать, нюхать, трогать, чтобы понять, как оно себя ведет. Глотком из бокала тут не обойтись. Наконец, надо обязательно разговаривать с вином, задавать ему вопросы и уметь расслышать его ответы».* Однако залезть на бочку, чтобы поговорить

Андрэ Челищев и Роберт Мондави

с вином, Андрею Викторовичу было не так-то просто. Он был весьма небольшого роста и далеко не богатырского телосложения. Коллеги не на шутку опасались, как бы Андрей Викторович, беседуя с вином, не свалился в бочку. Тем более, если она вдруг окажется такого размера, как самая большая бочка в мире из немецкого города Гельдейберг. (Этой бочке более двухсот лет, она вмещает 221 726 литров вина, ее диаметр 7 м, ширина 8 м, длина 9 м. На ее изготовление ушло 130 дубовых стволов.)

Челищев воспитал три поколения калифорнийских энологов. Известные во всем мире виноделы Луис

Мартини, Роберт Мондави, Джо Хэйтц, Август Себастьяни, Джон Дэниел, Майкл Гргич, Микки Смит, Уоррен Виньярски, Рик Сэйр считали его своим учителем и величали не иначе, как «Маэстро». Все они были и остаются непререкаемыми авторитетами в производстве вин. От их имени Рик Сэйр однажды заявил: *«Мы создаем вина от чистого сердца, опираясь на традиции Андрея Челищева. Он хотел создавать такие вина, лучшим комплиментом для которых были бы слова: «А можно еще один бокал?» Правда, относительно «еще одного бокала» Челищев отвечал им русской пословицей: «Чарка вина не*

прибавит ума». Андрей Викторович любил пошутить по поводу неумеренной выпивки. В его доме частенько собирались друзья, как русские, так и американцы. Они, конечно, выпивали по паре бокалов, после чего все с нетерпением ждали, когда Андрэ достанет свою записную книжку и с невозмутимым видом начнет читать собираемые им шутки и прибаутки на тему «Кто и как выпивает»: «плотник — в доску», «пожарник — в дымину», «сапожник — в стельку», «извозчик — в дугу», «портной — в лоскуты», «железнодорожник — в дрезину», «поп — до положения риз», «певец — промочил горло», «интеллигент — заложил за галстук», «аграрий — налимонился», «композитор — уконтрапунктился». Гость из Вашингтона поинтересовался: «А как выпивают дипломаты?» — «Стоя и на халяву!», — под общий смех последовал экспромт. «А сомелье?» — не унимались любопытные. «Нализался!», — с презрением отвечал Челищев. Те, кто понимал русский язык, хохотали от души. Остальные же с завистью смотрели на них, так как коллективные попытки перевести эти «шедевры русского фольклора» на английский или французский язык наткнулись на непреодолимые препятствия. Вдоволь поиздевавшись над незадачливыми выпивохами, Андрей Викторович становился серьезным и говорил: «Вино — напиток интеллекту-

альный. В умеренном количестве оно раскрепощает ум, и я не раз наблюдал, как замкнутый человек после двух бокалов вина распускался, словно цветок из бутона».

О личной жизни Челищева известно совсем мало. Долгие годы он был холостяком. Со своей женой, актрисой Дороти, он встретился, когда ему было уже за 50. Дороти стала его второй любовью, такой же трепетной, как и его любимое дело. Когда у их сына Дмитрия родились два мальчика, они потом продолжили дело отца и деда.

Челищев собрал вокруг себя многочисленных родственников из Франции, Германии, Чехии, обеспечил их работой. Дома говорили только по-русски и отмечали все русские православные праздники. Однако он признавался: «Когда я думаю о вине, я непроизвольно перехожу на французский».

Андрей Викторович не старался сколотить капитал или основать собственную коммерческую винодельню, хотя вполне мог это сделать. У него на этот счет было такое мнение: «Деньги — это пыль. У меня нет погреба, у меня нет виноградника, у меня ничего нет. У меня есть только моя голова». А потом, шутя, добавлял: «Ну, разве что найдется дюжина бутылок под кроватью». Единственно, что он позволил себе, — это создать свою научную лабораторию *Napa Valley Enological Research Laboratory*, в которой обу-

чал молодых коллег и работал над созданием новых технологий и сортов вин. Его, как настоящего ученого, привлекал творческий процесс, а достигнув определенного результата, он принимался за новое дело.

В компании «Болье» Челищев проработал 35 лет, пока хозяева, без согласования с ним, не продали все хозяйство. К тому времени Андрею Викторовичу исполнилось уже 72 года, и он вполне мог бы отправиться на заслуженный отдых. Но виноделие и выращивание виноградников было для него скорее отдыхом, а не работой, самой жизнью. Он продолжал работать в своей лаборатории, преподавал в университете в Дэвисе и консультировал виноделов из разных штатов Америки. *«Его стремление к совершенству, его харизма сказались на каждом виноделе. Много раз мои друзья и коллеги, которые никогда не были знакомы с Челищевым, пробовали какое-либо вино, и говорили: "Да, это бы Андрею не понравилось", или наоборот»*, — рассказывал Джеймс Аллен, глава виноделен *Sequoia*. Между прочим, среди его друзей был племянник великого Льва Голицына — Алекс Голицын, производитель одного из лучших в США каберне. Известный всему миру великий американский винодел и успешный бизнесмен Роберт Мондави, разругавшись с братом, который больше заботился о коммерческой стороне дела, а не о качестве вина,

задался амбициозной целью — сделать Калифорнию «американской Бургундией». В 1965 году, когда ему было 52 года, он открыл свой винный дом *Mondavi Winery*. Однако сообразил, что добиться успеха возможно только с помощью Андрэ Челищева. И не ошибся. Вскоре им удалось создать знаменитый Совиньон Бланк (*Sauvignon Blanc, Fumé Blanc*). Это вино, одно из лучших в мире, и по сей день пользуется спросом. Содружество этих двух великих людей и виноделов обеспечило славу и процветание некогда захолустной Долине Напа. 7 июня 1976 года журнал *Time* оповестил мир о сенсационном результате знаменитой международной «слепой дегустации» вин, проходившей в Париже. Андрей Викторович и его ученики, Майкл Гргич и Уоррен Виньярски, привезли на нее созданные под его руководством вина — шардонэ *Chateau Montelena* и каберне *Stag's Leap Winiarski*, которые впервые в истории обошли вина лучших французских виноделен Бургундии и Бордо. Новость о победе быстро достигла берегов Америки. В Долине Напа произошел настоящий винодельческий бум, а Челищев окончательно и бесповоротно был признан непревзойденным мировым лидером виноделов.

Когда Андрею Викторовичу было 80 лет, к нему обратился итальянский маркиз Лодовико Антинори, предки которого в течение двадца-

ти шести поколений занимались виноделием. Маркиз задумал создать тосканское вино, способное конкурировать со знаменитым местным вином *Sassicaia*. Челищев дал согласие и в 1981 году прибыл в Италию, в захудалую тосканскую провинцию Болгери. За три года он добился прекрасных результатов: вина *Ornellaia* виноделен маркиза были доведены им до совершенства и стали пользоваться огромной популярностью в мире. Болгери превратился в процветающий винодельческий район Тосканы, а Челищев стал в Италии такой же известной личностью, как и в родной Калифорнии.

Еще один заядлый винодел с более чем 30-летним стажем, имевший в Долине Напа свое винное хозяй-

ство в 150 га, звезда Голливуда Френсис Коппола, также не лишенный дерзких амбиций, задумал создать свое «великое вино». В 1975 году он пригласил Челищева и с его помощью осуществил свою мечту. Созданное ими каберне, получившее названное *Rubicon*, вошло в число лучших вин Калифорнии, а на Международном конкурсе вин в Сан-Франциско заняло первое место и получило премию имени Андре Челищева «Винодел года».

Один из близких друзей Челищева вспоминал: «*Андрей был горой энергии и вдохновения*». Эти качества, в очередной раз, Андрей Викторович доказал, когда отмечал свой 85-тилетний юбилей. Его сосед

по Долине Напа, Ален Шуп, президент крупной винодельни *ConnCreek*, попросил его возглавить свое хозяйство. Челищев поначалу отказался, трогательно и честно объяснив Шупу причину отказа: *«Видите ли, господин президент, это работа для молодого человека. Еще десять лет тому назад я бы ухватился за такое предложение. Но теперь у меня нет сил делать вино, <...> мои ноги уже дрожат. Я не могу дотянуться до него, чтобы поговорить. А такую работу нельзя перепоручить. Я могу только учить»*. Но азарт и неистребимая любовь к поискам нового взяли верх, и он, в конце концов, согласился. Вот тут-то с ним, к сожалению, и случилась та неприятная

история, по поводу которой волновались его друзья. Он действительно упал с бочки, получил довольно серьезные ушибы, попал в больницу, но, к счастью, быстро поправился, после чего продолжил работать на фирме Шупа, следя за его виноградниками.

Подсчитано, что на протяжении своей жизни Андрей Викторович работал с 17 винными домами. Он много путешествовал по миру. На старости лет у него иногда возникало желание побывать на своей далекой Родине, продегустировать грузинские полусладкие вина Аджалеша, Ахашени, Киндзмараули, Хванчкара, Чхавери, знаменитые вина Массан-

дры и Абрау-Дюрсо, посмотреть на свой московский дом (который давно был снесен). Но побывать в Советском Союзе ему так и не привелось. Как раз в это время вышло постановление XXVII съезда КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма и искоренению самогоно-

варения». Борьба с пьянством приняла причудливые формы: в Краснодарском крае, в Украине, в Молдавии, в других винодельческих районах стали вырубать виноградники. Член Политбюро КПСС Е. Лигачев категорически настаивал на ликвидации знаменитой винотеки в Мас-

сандре. Только неразбериха в руководстве страны спасла ее: другой член Политбюро, В. Щербицкий, не выдержал и позвонил прямо М. Горбачеву, дескать, это уже перегиб, а не борьба с пьянством. В Москве все же сообразили, каких «наломали дров», но вину «свалили» на местные власти. Пока выясняли, кто виноват (до сих пор не выяснили), было вырублено около 30% виноградников, а годовой сбор винограда упал почти в два раза. Когда Челищев с ужасом узнал об этих невероятных событиях, о поездке в СССР не могло быть и речи.

Андрей Викторович заслужил огромное количество званий, наград, премий и эпитетов. Его называют основателем современного виноделия Калифорнии, русским отцом калифорнийских вин, крестным отцом американской культуры виноделия, «Виноделом виноделов», кудесником и гением виноделия. А еще, между собой, за благородство и светлый характер коллеги с любовью называли его Эльфом. *«Он повлиял на развитие виноделия не только в Калифорнии, но и по всему миру»*, — признавали американцы.

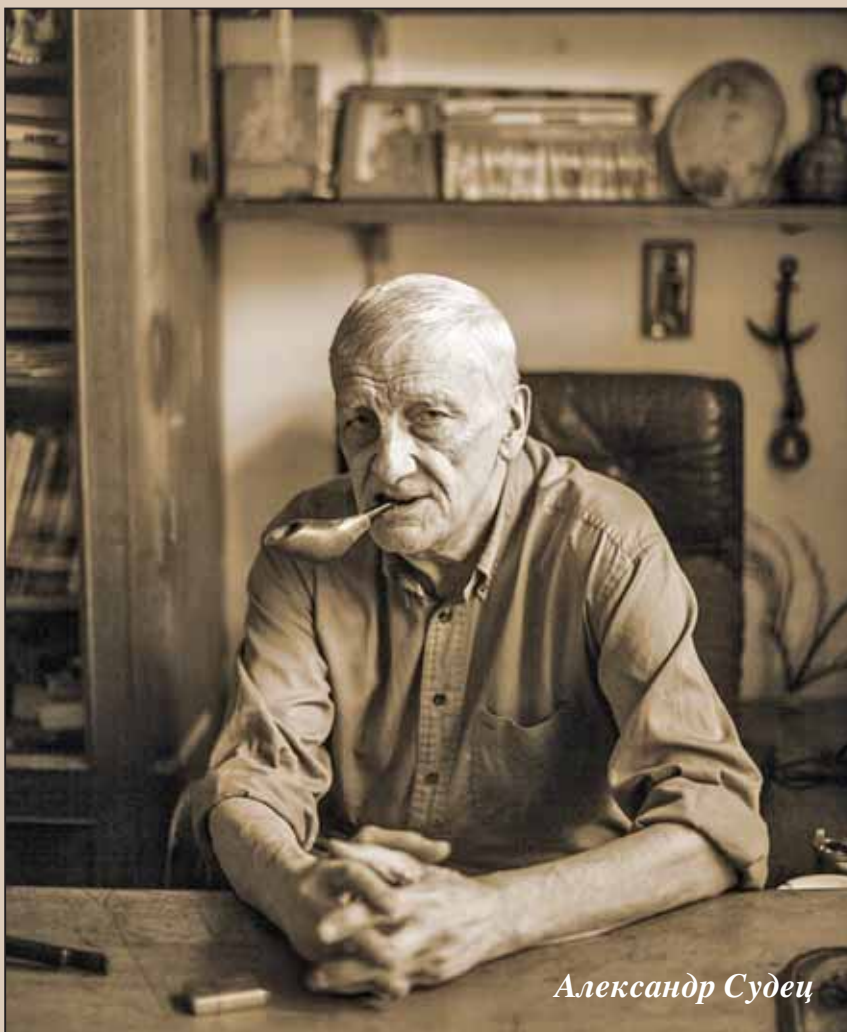
В 2007 году имя Андрея Челищева было внесено в Зал славы виноделов при Американском кулинарном институте. В его честь была учреждена премия «Винодел года», которую вручают на Международ-

ном конкурсе вин в Сан-Франциско. Роберт Мондави величал Андрея Викторовича не иначе как «Катализатор Мира вина». *«Он зажигал своей энергией все вокруг. Я не знаю ни одного другого человека, который бы сделал столько для виноделия в глобальном смысле. Челищев — это тот, кому я и вся Калифорния обязаны успехом»*.

Тем временем годы брали свое. Весной 1994-го Андрей Викторович был помещен в местный госпиталь, где 5 апреля скончался. По его просьбе ему в палату приносили вино. Он всегда говорил, что глоток вина, его аромат придают ему силы.

Незадолго до его смерти американский журналист Джон Хатчисон в статье под названием *«Маэстро Андрэ Челищев — Голос вина»* назвал Андрея Викторовича *«одним из самых замечательных людей XX века»*.

P.S. Благодаря внучатому племяннику Челищева — американскому кинорежиссеру Марку Челищеву — Андрей Викторович все же «вернулся» на Родину. В октябре 2017 года Марк привез в Москву свой документальный фильм *«Андрей. Голос вина»*, показ которого прошел в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына и сопровождался теплыми выступлениями и воспоминаниями, воздавшими должное памяти легендарного винодела и великого человека. □

Александр Судец

ГИМН

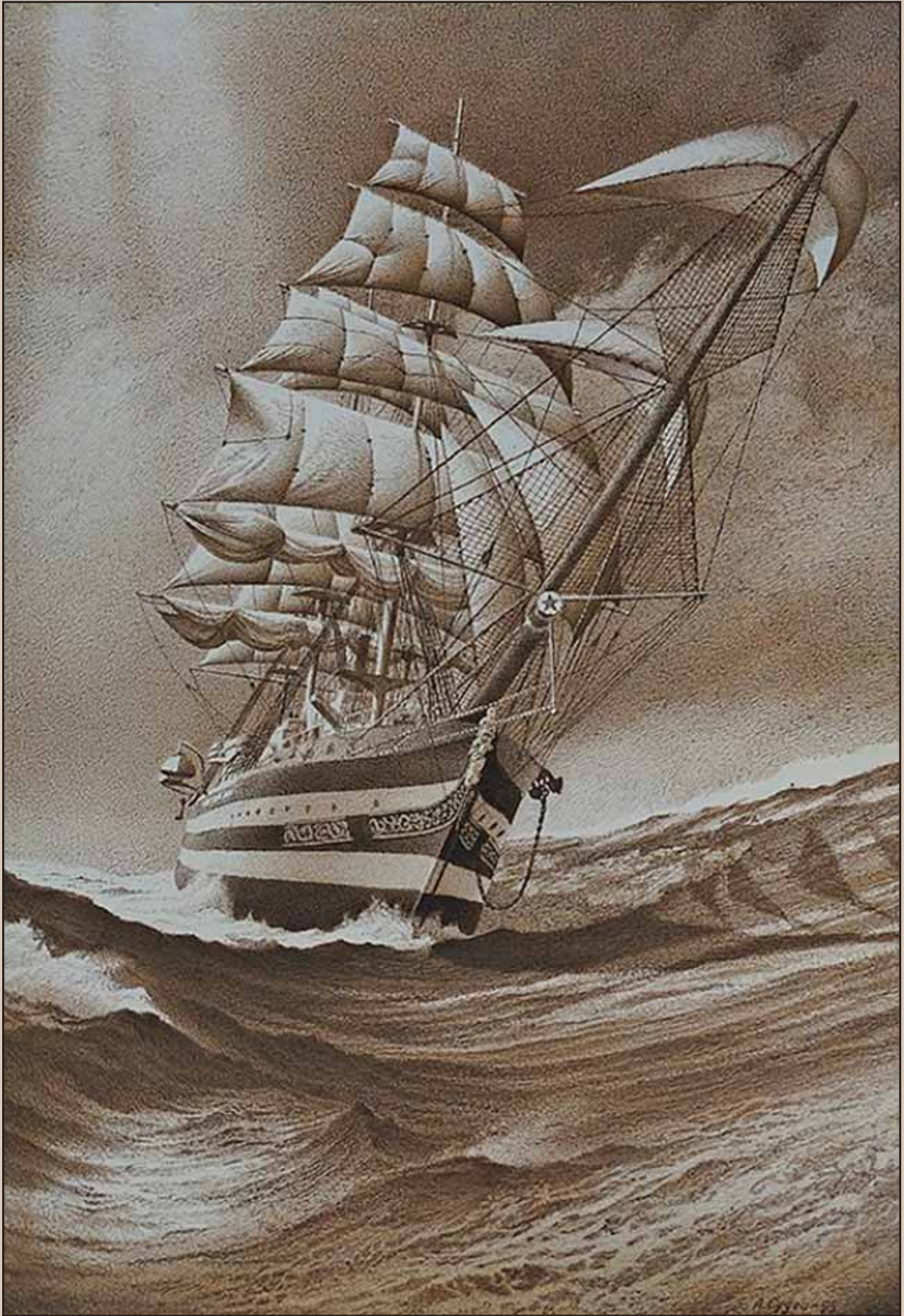
П

арусу

фото Николая Тищенко

Познакомился я с Александром Судцом, когда пришел работать в ТЛО «Экран» Центрального телевидения, окончив Московское художественное училище «памяти 1905 года, которое оканчивал и он. Александр работал там художником и опе-

ратором комбинированных съемок. Профессия эта по тем временам была трудной, сложной технологически. Не было ведь еще компьютеров, и все выполнялось мульткрасками на целлулоиде, а потом снималось на обычной черно-белой плен-

Слева:
«Америго
Веспуччи,
Италия»

«Сон
рулевого»

ке. Руководство ценило его, коллеги уважали за профессионализм, талант и за крепкий, но добродушный характер, умение дружить. Именно тогда у меня и сложился образ Александра — человека и профессионала.

Потом судьба периодически разводила нас на время и сводила снова. Мы порой встречались очень редко, эпизодически...

Не мог я не вспомнить Сашу, и, конечно же, его изумительные мариньки, когда через много лет стал делать проект оформления вновь созданного литературного музея Константина Георгиевича Паустовского в Кузьминках...

У этого писателя есть знаменитая книга, которая называется — «Черное море». Так вот в оформлении зала, где этому произведению по-

свящался ряд стендов с биографическими фактами, я заложил панно — картину, естественно, марину, и сразу увидел ее только в одном исполнении — Александра Судца!

Панно Саша исполнил в «своей технике» — коричневой тушью, что сразу придало изображению ностальгический окрас вековых времен...

После совместной работы в музее мы опять надолго расстались...

Как-то случайно попался мне на глаза прекрасный альбом с маринами Саши, и так вдруг захотелось увидеть его! Я позвонил, договорился с ним о встрече, и он пригласил меня к себе.

Скажу честно... очень волновался... Сколько же лет я не видел эту комнату-мастерскую... И, войдя,

сразу очутился в его крепких объятиях — даже растерялся немного...

Удивительная метаморфоза произошла с Сашей. Теперь это был человек, прошедший сквозь жизненные испытания и обретший мудрость. Это награда за труды, сомнения и безудержные устремления... Он по-прежнему азартен и, как всегда было, — устремлен в завтрашний день!

— Я хотел бы написать о твоём творчестве, — после дружеских, если не сказать, восторженных приветствий обратился я к нему.

Он пристально посмотрел на меня, выпустил голубую струйку дыма из своей неизменной трубки, кивнул в знак согласия и как-то очень тепло улыбнулся.

— Тогда первый вопрос, — оживился я. — Когда все это началось? — и, повернувшись, показал рукой на целые блоки картин, что стояли вдоль стены. — Я имею в виду — когда по-настоящему серьезно началось?

— Я ведь рисованиям своим не отдавал все время, хотя теперь, честно сказать, «кусаю локотки»... Понял, как много было упущено времени на суетливую белиберду... — ответил Саша и, немного помолчав, продолжил: — Был уже 1981 год, и жил я, как говорится, «на вольных хлебах»... То есть сотрудничал с издательством «Плакат», а еще с В\О «Совэкспортфильм» — рисовал плакаты к советским фильмам, которые показывали за рубежом. А политические плакаты мои печатались

почти во всех центральных газетах страны. Ну... и старался... даже очень, чтобы не одна выставка не обходилась без моего участия...

Настырный был, точнее — настойчивый. Даже лауреатом Премии Ленинского комсомола удостоился стать!

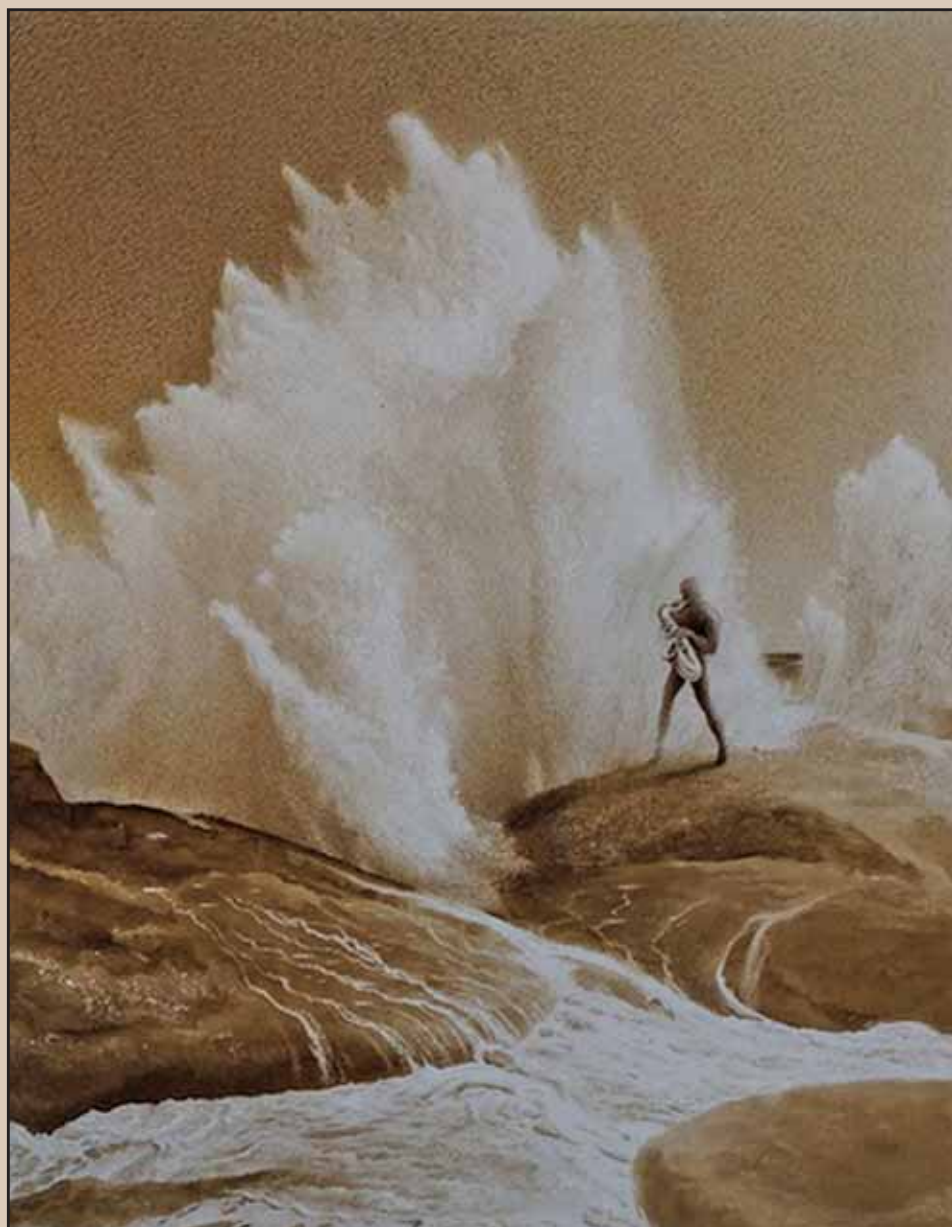
А на 3-й Международной выставке политического плаката получил Почетный диплом из рук самого Херлуфа Бидструпа! А это тогда... было не «хухры-мухры», а самое настоящее признание заслуг!

А что до морской тематики... то я рисовал ее просто так — в свое удовольствие. Для себя. Сам знаешь, художнички говорят — «под кровать!»...

Но однажды летом, кажется, в июне, сидел я, пил чай в передышке от работы, и глазел в работающий «ящик». А там — море... чайки, корабли! Крутые ловкие матросики по — вантам бегают на мачты... И у меня вдруг до жути, до потемнения в глазах «засосало под ложечкой» — нестерпимо захотелось ТУДА! Но мигом проснулся внутренний голос и едко прошептал: «Ну, куда тебе переться в твои 49 с «гаком» лет?! Посмотри на себя в зеркало — мореплаватель нашелся!»

Расстроился — хоть караул кричи! И тут — телефонный звонок... Звонит Стасик Покровский, редактор «Клуба кинопутешественников»... Заорал в трубку: «Санька, мигом сворачивай свои делишки — едем в Питер! Пройдемся на самом настоящем «Седове»! Из Таллина

*«Концерт
для прибоа
с саксофоном»*

в Ригу — с Юрочкой Сенкевичем. И работенка для нас имеется. Программа минимум — «сбавать» репортаж!»

Ну, откуда мне было знать тогда, что та программа «минимум» перерастет в «максимум» и станет делом всей моей жизни и, похоже, теперь до гробовой доски!

Во время того перехода на «Седове» я подружился с капитаном — Алексеем Борисовичем Перевоз-

чиковым, который, показывая мне роскошный салон корабля, назидательно произнес: «Вишь, красота какая?! И сюда нужны картины! Подумай, творец!»

Вернувшись на берег, я заявил, что бросаю, к черту, работу и буду заниматься только рисованием... морей и океанов! А начать решил с «Седова». Так родился графический первенец — «Портрет корабля», а с ним еще четыре изоновел-

Справа:
*«Поцелуй
волны»*

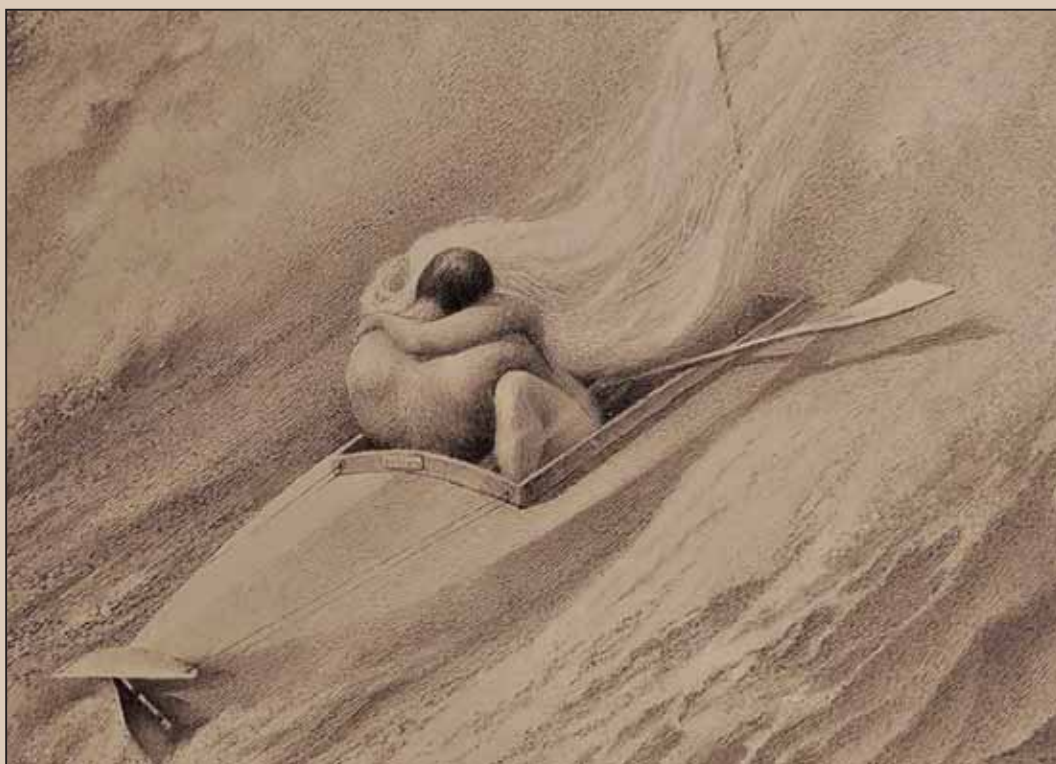
«Реквием»

лы о мачтах (фок-мачта, две грот-мачты и бизань-мачта), которые потом и украсили пять шпалер в главном салоне корабля. Назвал я эту небольшую серию — «Поэма о мачтах».

Вот так и началась моя новая жизнь, — задумчиво добавил Алек-

сандр Давыдович и стал снова раскуривать трубку. — Я ушел в море... в «марины», и это стало моей главной темой и главным интересом в жизни вообще! Со стихиями этими связаны множество приключений, переживаний, радостей и потерь, и, конечно, — воспоминаний, которых

я не смог уместить в трех томах своего автобиографического романа «Океанские сны»...

Иногда вспоминаю свои плаванья... думаю, самыми интересными были участие в экспедиции «Русская Америка» на «Палладе» в 1991 году по местам, где 250 лет назад прошли по Тихому океану русские моряки, полугодовая регата 1992 года «Колумбус-500» на «Седове», в которой приняли участие 33 крупных парусника, а еще участие в регате «Катти Сарк» на итальянском трехмачтовом красавце «Америго Веспуччи», что сам по себе случай просто исключительный, так как этот военный корабль принадлежит Военно-морской академии в Ливорно, и посторонних в море он никогда не берет. На нем даже нет ни одной гостевой койки! И то, что я,

советский художник, получил через посольство Италии официальное приглашение на этот корабль, — случай единственный и уникальный!

Марины Александра Судца выставлялись в «вековечном» Риме, во Флоренции и Генуе, Кадисе (Испания), в Санта-Крус де-Тенерифе (Канары), в Нью-Йорке, Бостоне, Норфолке, Сиэтле, Сан-Франциско, на Аляске в Джуно, на Алеутских островах в Датч-Хорборе Кадьяне, в Хило на Гавайях, в Куширо (Япония), в Белфасте и Ларне (Ирландия), в Ливерпуле, Амстердаме, в Ла-Валлетте (Мальта), в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико).

Более 20 раз проходили его выставки в лучших залах Москвы и Таллина, участвовали в самых различных торжествах и культурных

«Тихий океан»

событиях. Например, персональная выставка совместно с американским художником Джоном Макреем во время Игр доброй воли 1986 года в пресс-центре МИДа. Картины художника Судца находятся в частных коллекциях коронованных особ, мировой политической, культурной и бизнес-элиты. Искусствоведы разных стран не раз отмечали высокие художественные и технические достоинства работ Александра Судца. Вот как отозвался о нем в итальянской газете «Ля stampa» Никола Нутти: «Я чувствую некоторую растерянность, обдумывая работы Суд-

ца. Его техника столь высока, что рисунок дышит атмосферой почти метафизически, передавая волшебство борьбы со стихией, содержит тайну фантастического мировосприятия художника и устанавливает эмоциональную связь со зрителем».

Такой успех картинам обеспечивают два момента: необычность темы и высочайший уровень технического мастерства (коричневая тушь, перо). Автор изображает море не с позиций стороннего наблюдателя, как бывает обычно, а передает мироощущение моряка, непосредственного участника событий, показывает «мир моря» как бы изнутри.

В 1995 году на первом Арт-биеннале на Мальте, 24 члена Международного жюри единодушно назвали картины Александра Судца лучшими из 700 участников от 49 стран, присудив ему Первую премию! Его графические листы признаны лучшими из того, что было в этой области в современном изобразительном искусстве.

Свое шестидесятилетие Александр Давыдович отметил на «Седове», когда корабль встал на якорь у острова Сан-Томас. Во время шумного и веселого празднования друзья подарили имениннику карту с маршрутом «Седова», на которой оставили свои автографы капитан Алексей Борисович Перевозчиков и все семьдесят пять членов команды знаменитого парусника — на долгую и добрую память!

— Ну, вот... это уже финал, а самое начало было прозаически-простым, — продолжал вспоминать Судец. — Осенью 1981 года, когда сделал свои первые, уже с серьезным отношением, две картинки о любимом паруснике «Седове», я решил посмотреть, как на них будет реагировать торговец произведениями искусства.

Пошел в Художественный салон на Петровке... Помнишь, там был такой — напротив Столешникова переулочка?..

Пожилой директор той конторы поставил мои картинки на стул, сам сел напротив и стал долго рассматривать их. Потом вздохнул тяжело и сказал дословно следующее: «Это шедевры, да-а — это шедевры! Молодой человек, я советую вам пять лет ничего не продавать, а потом вы получите известность, и все окупится». Это был первый мой успех на самом нижнем уровне... Через год всю серию под общим названием «Поэма о мачтах» (5 работ) я выставил на весенней выставке МОСХа, на Кузнецком. Повесили их в самой дальней комнатке, в самом углу, подалее от глаз людских, и вдруг мне звонит хороший приятель (преподаватель Строгановки) и говорит, да не говорит, а орет: «Приезжай, посмотри, что тут происходит!»

Я приехал. Возле картин все время одна группка людей сменяет другую — и так без конца... Володя, улыбнувшись, сказал: «Сейчас проведем эксперимент»...

Возле картин в тот момент стояла семья — какой-то мужичок, по типу жу — работяга, жена и трое детишек. Старшему сынишке было не больше 13 лет. Володя подходит и спрашивает: «Товарищ, извините, вот вы так внимательно рассматриваете картины — они вам нравятся?» Тот обернулся, окинул Володю острым, не очень приятным взглядом с ног до головы и ответил: «Да, нравятся, а что?» «Да нет, ничего... а что конкретно вам в них нравится?» «Как, что мне нравится? Это ж... самый настоящий призыв к свободе... в чистом виде!»

Такая реакция простого человека — это то, к чему я, как художник, стремился и что чувствовал, когда задумывал, а потом писал эти работы, и то, что делаю вот уже больше тридцати лет!

Можно сказать, это был успех на «городском» уровне... А когда на первом всемирном Арт-биеннале мои картины удостоились Первой премии — это уже было признание на мировом уровне!

Таким образом, все ступени — от самой нижней и до самого верха, что только возможно в нашей жизни, — были мною пройдены... Я трижды, официально, поддерживал честь флага своей страны!

Я не удержался и спросил его:

— А как ты относишься к... регалиям, наградам и званиям?

— Я не тщеславен, но амбициозен, — улыбнулся Александр. — Мои амбиции удовлетворены в кни-

*«Полуденные
лучи»*

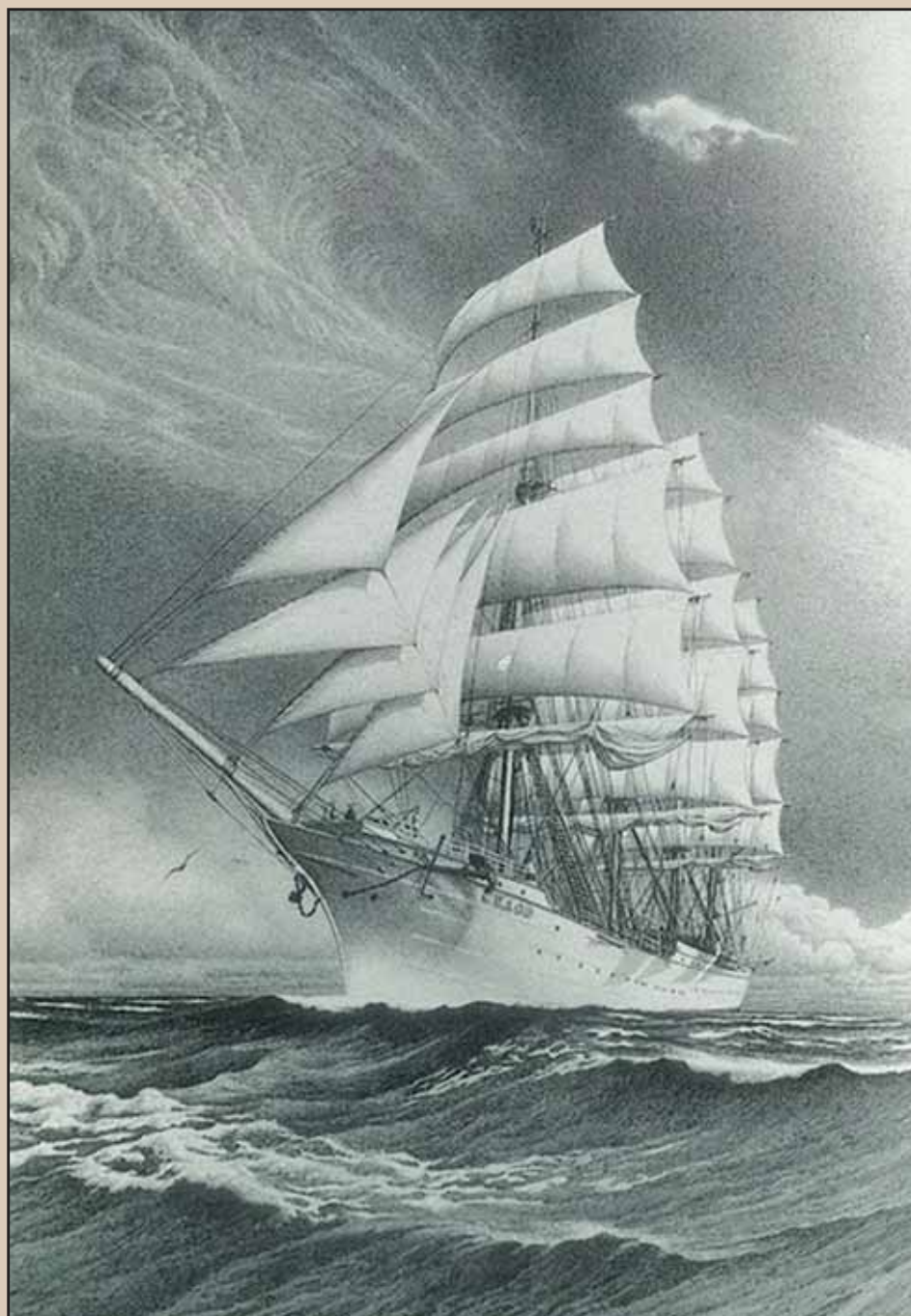

гах отзывов о моих выставках зрителей со всего мира! Вот истинное признание тех, для кого картины делались, кому предназначались и к кому обращено мое слово — рисовальное и словесное! Мои амбиции заключаются в достижении полного доверия моего зрителя!..

В своем недавно вышедшем романе «Океанские сны» Александр записал животрепещущую мысль:

«Когда бури человеческих страстей идут параллельно со страстями окружающей нас природы, когда они сливаются в экстазе, когда служат фоном друг другу, дополняют друг друга, когда в унисон поют

*«Седов.
Портрет
корабля»*

песню любви к окружающему миру, тогда рождается то, что называется великим словом — Жизнь!

Тогда она становится яркой, пышной, цветистой, и грозные разряды человеческих эмоций и природных катаклизмов, гремящие вместе, не пугают путника, а насыщают его иссыхающую от однообразия житей-

ского пути душу прелестным и бодрым восторгом Бытия!

Хочется хоть кого-то заразить этой любовью к Любви!»...

И у Александра это прекрасно получилось. Вот что он пожелал всем поклонникам его творчества: «Друзья мои! Стойте крепче на палубе жизни!» □

A portrait of Evgeny Knyazev, a middle-aged man with dark, wavy hair, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is looking slightly to the left of the camera with a neutral expression. His arms are crossed, and a watch is visible on his left wrist. The background is dark and out of focus.

Он легко,
как мальчишка,
взлетает
по лестничным
пролетам
то в свою
гримерную,
то в рабочий
кабинет. В жизни
у него, и в прямом
и в переносном
смысле,
столько ролей,
что «сыграть»
все, кажется,
просто нереально.

Ректор
Щукинского
театрального
училища —
«альма-матер»
многих советских
и российских
светил. Педагог,
профессор.
Народный артист.
Дон Гуан,
Панталоне,
Незнамов,
Германн,
Арбенин,
Каренин —
в родном театре
Вахтангова,
великий
прорицатель
Вольф Мессинг —
на экране.

К **Е** **В** **Г** **Е** **Н** **И** **Й**
К **Н** **Я** **З** **Е** **В**!

— Евгений Владимирович, недавно по каналу «Культура» показывали передачу, где вы изумительно читаете Маяковского, Гумилева, других поэтов начала прошлого века. Говорят, вы и в юности поражали сверстников декламацией. Поэтому хочу спросить: началось все с поэзии?

— Нет. Началось с того, что мне очень хотелось заниматься театром. Мальчишкой совсем, где-то лет семи, я оказался на детском спектакле ТЮЗа, который, если не ошибаюсь, назывался «Голубое, зеленое». Я первый раз оказался в театре. Помню, вошел в зрительный зал, сел. Погас свет, открылся занавес, и... По ту сторону я увидел совершенно другую жизнь — такую реально-нереальную, загадочно-непонятную, красивую и сказочную, в которую мне ужасно захотелось попасть. После этого я стал искать пути, как бы мне приблизиться к сцене. А как туда попасть, я не знал. Мы жили тогда под Тулой, недалеко от Ясной Поляны. Сельская местность, рабочее такое местечко — бывший лагерь интернированных. Отец ра-

ботал на шахте... Лет в тринадцать я решил записаться в театр чтеца.

— Так поздно?

— Виной тому была моя природная стеснительность. Я и сейчас-то стесняюсь всего.

— И это говорит ректор Щукинского училища?!

— А что удивительного? До сих пор, когда я смотрю на молодых ребят, думаю: «Боже мой! Вот мне бы изначально такую уверенность, самоуверенность, такую наглость, что бы со мной было!» А потом думаю: «Нет, у каждого свой путь». Даже окончив политех, получив диплом инженера подъемно-транспортных машин и далее работая в конструкторском бюро, я понимал: должен что-то со своей жизнью делать. Так что я пришел в профессию очень трудным и длинным путем. Даже чересчур извилистым, я бы сказал.

— Будучи студентом и начинающим актером, крутили любовные романы, устраивали пирושки с сокурсниками? Или бежали в библиотеку: «учиться, учиться и учиться».

«У каждого свой путь...»

— Были библиотеки, были пирушки. Было все! Но к нам никогда не было особенных претензий. Может, потому, что мы на зубок запомнили формулировку Рубена Николаевича Симонова: «Ты можешь вести какой угодно образ жизни, можешь не спать всю ночь. Но утром в 11 часов будь любезен быть на репетиции в накрахмаленной сорочке, в бабочке и выглядеть как огурчик!» И выкла-

дываться на занятиях на все сто. Если ты умеешь это совместить, тогда есть надежда.

— Между вашим поколением студентов и сегодняшним — пропасть? Или сопоставимо?

— Сопоставимо абсолютно. Потому что ребята, которые к нам поступают, точно так же мечтают постичь непостижимый смысл этой профессии.

К/ф «Графиня Шереметева»

— Говорят, у вас был трудный путь в кино...

— Признаться, я долго комплексовал по поводу своей внешности. Особенно после того, как вдруг нос у меня начал расти, и я старался в профиль не поворачиваться. Поэтому на пробы меня приглашали, а вот сниматься не брали аж до 1988 года. А что было потом, не надо никому рассказывать. Потому что для кино наступил «конец света», для театра — конец русского театра. Причем для театра конец света наступил даже не в переносном, а в буквальном смысле. Вечером на Арбате не работал ни один фонарь. Люди почти не ходили в Театр Вахтан-

гова, потому что реально боялись возвращаться домой в крошечной темноте.

Но если театр в те годы пребывал в плачевном состоянии, то кино вообще прекратилось. А я-то уже к тому времени почувствовал его пьянящий вкус. Меня уже и Шахназаров, и Кулиш приглашали на пробы, и Колосов, и Фокин. И тут кино не стало никакого. И надолго.

— Можете назвать самый тяжелый и, наоборот, самый счастливый день того периода?

— Некоторые ребята открывать кафе стали, пробовали заниматься бизнесом, чтобы как-то выжить.

Сериал
«Вангелия»

Справа:

К/ф
«Вольф Мессинг —
видевший сквозь
время»

Я тоже стал подумывать о чем-то подобном. Дома две маленькие дочки, их надо кормить. А в 91-м году, как вы помните, в магазинах вообще ничего не было. Талоны на приобретение пеленок и подгузников выдавал ЖЭК. И в этот момент Петр Наумович Фоменко пригласил меня в спектакль «Без вины виноватые». Я согласился и был безумно счастлив, когда народ хлынул в театр, а ко мне за кулисы приходили большие артисты.

— То есть вы в те трудные времена не уходили из театра?

— Даже не пытался. В голове всегда гвоздем сидела эта дурацкая формулировка: мол, театр не проща-

ет измен, предательства. Так многие старшие актеры говорили. И я боялся: если предам театр, буду наказан непоправимо. «Сцены не надо бояться, — говорила мне Юлия Константиновна Борисова, — она всегда поможет тебе».

— Значит, это не байки, когда рассказывают, что актера приносят в театр на носилках, он весь спектакль бежит по сцене, а потом его так же уносят...

— У нас была Дина Андреевна Андреева, замечательная актриса. Ее привозили, с двух сторон держали под руки, подводя к выходу на сцену. А перед самым выходом она

вставала и шла. И играла роль. После чего ее за сценой снова подхватывали и уносили. Это были!

— Бывали ли в вашей жизни провалы, когда казалось, что все кончено?

— Еще какие! Самым страшным провалом была моя первая роль в театре Вахтангова. Это произошло на гастролях. Заболел артист, и меня (срочным вводом!) ввели на роль Вельзевула в спектакле «Мистерия-буфф». На репетиции мне показали, где надо будет выйти, что сказать. Но артисты были не в костюмах — лето, жара... И когда я вечером пришел на спектакль: артисты все в

гриме, в костюмах — я никого не узнаю... Вместо концертмейстера целый оркестр! Я в ужасе. Перед выходом на сцену забыл текст. Напрочь! И вот меня выталкивают... Оркестр гремит, софиты слепят, я иду по помосту, втыкаю посох и молчу. Мне все что-то подсказывают, а я даже не могу повторить — во рту все пересохло! Это был такой позор, что я собирался ночью тайно покинуть гостиницу и бежать куда глаза глядят.

— Как обошлось?

— Наш преподаватель и артист театра Владимир Иванов пришел к Евгению Рубеновичу Симонову и

убедил его в том, что у меня был шок на сцене. И если не дать мне еще раз сыграть, можно сломать мне жизнь.

— Если я спрошу про любимую кинороль, вы назовете Мессинга?

— И ее в том числе. Все артисты мечтают о роли, с которой бы он ассоциировался мгновенно. Звучит фамилия артиста — и все сразу называют фильм, в котором он снимался. И то, что у меня есть такая роль, — чистой воды везение. Если бы режиссер Владимир Краснопольский без всякого кастинга сразу меня не взял, меня бы в фильме не было — пробы я бы не прошел.

— Почему?

— Потому что я не знал, как играть эту роль. А режиссер утвердил меня заочно. Мы даже знакомы не были — он видел только мое фото в каком-то журнале.

— Правда, что перед съемками вы ходили на могилу Вольфа Мессинга — просить благословения?

— Нет-нет, благословения просил в церкви. Я пришел к священнику, потому что не понимал, что именно мне предстоит играть. Не понимал, каково это, иметь возможность заглянуть в чьи-то мысли, предвидеть наверняка не только хорошие, но и самые трагические события. Что значит предсказать победу 9 мая 1945 года, падение Третьего

рейха, жить, зная дату, час смерти своей любимой жены, точную дату своей смерти? Поскольку создатели фильма хотели ответить на вопрос: «Удивительный талант Мессинга — это дар Божий или проклятие?», мы со священником договорились, что моя задача — исследовать, каково же жилось ему с этим даром или проклятием. Ведь остальное понять невозможно. Кстати, на могилу к Вольфу Григорьевичу я действительно ходил. Просто молча постоял... Это произошло, когда большая часть фильма была отснята. Как раз в этот момент в съемочной группе стали поговаривать, что «нам сам Мессинг помогает».

— В каком смысле?

— Судите сами: именно в этот год, в эти месяцы наступил мировой экономический кризис. 2008 год! Деньги быстро кончились, и можно было благополучно закрывать эту картину, как случилось в то время сплошь и рядом. Но члены съемочной группы сказали: «Нам нравится снимать эту картину». И согласились работать в долг, что само по себе уже невероятно.

— Иногда актеры идут на подвиги: актрисы не щадят себя на съемках, будучи на девятом месяце беременности, многие делают сложнейшие каскадерские трюки, бреются наголо, набирают вес... В вашей театрально-киношной жизни было место подвигу?

— Например, у меня была недавно работа в военной картине «Блиндаж». Я там играл отца семейства, фотографа, которому приказывают снимать расстрел евреев, обещая за это не трогать его семью. Его заставляют делать жуткие кадры, а затем выводят его семью, двух дочерей, и он понимает, что его обманули... В конце концов, его самого в эту яму вместе с расстрелянными кидают. Но в него не стреляли, и он выжил. И вот этот страшный эпизод, когда мой герой вылезает из ямы, я, наверное, не забуду никогда.

Меня закопали в песок, сняли дубль. Но режиссер сказал, что нужен второй дубль — «как-то слишком легко» я вылез. Меня закопали еще на метр глубже, с головой. По команде «Мотор!» я стал вылезать и чувствую: не могу. Песок сырой, тяжелый, он сковал меня всего. Едва-едва вылез. Весь этот эпизод, на съемках которого сорвал себе спину, я делал сам.

— После Мессинга на вас, наверное, свалилась бешеная популярность?

Спектакль «Посвящение Еве»

— Нет, это было пораньше. В картине «Пятый ангел» я играл ну очень крутого бизнесмена Григория Плоткина. Пришел на Киевский рынок покупать цветы. Подходит ко мне продавщица и громко спрашивает: «Это ты вчера убил жену?» Я понимаю, о чем она, и отвечаю: «Я». Она говорит: «Молодец! Так ей, суке, и надо!» Причем говорит это так, чтобы слышали все. Я начинаю уходить, народ идет за мной, потом я начинаю бежать, и народ начинает бежать со мной. А продавщица бежит следом, тычет в меня пальцем и кричит: «Он вчера убил свою жену! Это он, это он сделал!!!» Я бе-

гу, а за мной толпа... Вот так я понял, что слава пришла!

— Вы жесткий ректор, преподаватель?

— Видите ли, требовать от студентов нужно обязательно. Они не должны понимать, что им все дозволено. Если ты, как студент, серьезно выполняешь свои обязанности учиться, я готов стоять с тобой на одной доске, разговаривать, шутить. Как только студент нерадивый, я вступаю в общение «студент-ректор», могу и распрощаться, не отпустить на съемки и так далее.

— Ваш знаменитый предшественник на посту ректора, Владимир Этуш, в свое время сказал абитуриенту Юрию Яковлеву, что по нему плачут фабрики и заводы. А вы многих «отправили на заводы»?

— Представьте себе — да! А как иначе? Если через прослушивание проходят примерно три-четыре тысячи человек, а набираем мы тридцать. Сейчас конкурс в Щукинское — сто человек на место.

— Мы знаем самую известную актерскую болезнь — «звездную». Уж вы-то, наверное, знаете и что-нибудь покруче...

— Я бы назвал ленью. Нельзя в этой профессии лениться. Вообще. Нельзя останавливаться на достигнутом.

— Как получается, что о популярных актерах «вдруг» забывают?

— Можно назвать несколько фамилий — Владимира Ивашова, например. Какая у него была роль в «Балладе о солдате»? А дальнейшая судьба? Или взять Николая Рыбникова, блистательного артиста, создававшего образы эпохи, целого поколения. А потом случилось это «вдруг». Да таких артистов — несчастье им числа. Мне кажется, спасение в том,

что нужно постоянно быть в тренинге, продолжать искать новое и каждый день не переставать удивляться профессии. Не хотел рассказывать, но расскажу. Когда я работал в театре, больших ролей долго не было, да и маленьких было не так много. Я понимал, что у меня

остаются силы, много-много нерас-
траченной энергии. И пошел препода-
вать в училище, чтобы хоть как-то
реализоваться. Нужно было терпеть
и ждать, и стараться не потеряться.

**— Ну, был еще вариант пойти
в компанию и бухать...**

— Ну да! И рассказывать о сво-
ей тяжелой жизни непризнанного
таланта.

**— Людмила Гурченко говори-
ла, что...**

— А, Гурченко! Каким нужно же-
лезным характером обладать, что-
бы пережить полное забвение по-
сле такой славы. Сколько она пере-
жидала. И выжидала свой час...

**— Людмила Марковна гово-
рила: «Главное — это Случай,
на втором месте внешность и
только потом талант!» Вы с этим
согласны?**

— Я бы поставил в такой после-
довательности: терпение, трудолю-
бие, талант. Три «Т». А кроме ода-

ренности и работоспособности нужна еще и удача. И звезда, которая тебя поведет по жизни.

— У вас есть тайные необычные страсти, увлечения?

— Я много чем увлекался. Бывало, начну собирать, например, необычные яблоки — из камня. Потом охлаждаю. Единственное, что мне нравится по-настоящему и никогда не надоедает — это заниматься землей, сажать цветы. Посеешь зернышки в горшочки, они прорастут, потом их распикируешь, посадишь в землю — и они расцветают. Вот как? Не укладывается в голове: каким образом в семечке, которое меньше маковой головки, заложена вся информация о какой-нибудь удивительной петунии или циннии, пионе или розе... Это непостижимо! Я очень люблю эту субстанцию — землю. Может, потому, что мой дед по материнской линии был председателем колхоза. То есть я, вероятно, самый что ни на есть настоящий крестьянский сын.

— Армен Джигарханян рассказывал про три вещи, которые ему не даны от природы: он не играет ни на одном из музыкальных инструментов, абсолютно неспособен к языкам, и ему противопоказано плавание...

— Наверное, мы с Джигарханяном — братья. Потому что я всю жизнь мечтал, но так и не научился играть ни на одном из музыкальных

инструментов. Я совершенно не могу выучить ни один иностранный язык, что мне доставляет огромный дискомфорт, может, поэтому я так мало езжу по миру. Правда, плавать я умею. Но плохо.

— Понятно, что у вас как у истинного трудоголика времени на отдых нет, но когда оно вдруг появляется...

— Рестораны, тусовки мне неинтересны. Долго сидеть за столом и рассказывать о том, кто хороший, кто плохой, — для меня совсем невыносимо. Предпочтительнее находиться дома. Тем более мне редко это удается. Но самое лучшее — поехать на дачу и поковыряться в земле.

— Когда-то, отвечая на вопрос о мечтах, вы отшутились: «Мечтаю дожить до того дня, когда дочери станут взрослыми. Еще хочется пообщаться с внуками, правнуками!»

— Я, правда, об этом мечтаю!

— ?!

— Бог его знает, для чего мы приходим в этот мир. Это нам так кажется, что мы делаем великое дело, работая в театре, создавая там роли, снимаясь в кино. А на поверку то выходит, что ничего нет важнее того, чтобы стараться вести нравственный образ жизни, заботиться о продолжении рода... □

Беседовал **Андрей Колобаев**

Иван Тереверзин

Живу под неумолчный шум колес
Несущихся машин по магистрали...
Как будто жизнь надумала до слез
С годами извести меня в печали.

Оглохнуть бы и как Бетховен жить,
Лишь музыку души счастливо слыша,
Да так, что и в веках не позабыть
И становиться молодею и выше.

Но шум машин, конечно, не беда...
Я просто чересчур сгущаю краски,
Которыми пишу судьбу всегда,
Как в ощущение грозовой развязки.

Пусть будет жизнь такую, как теперь, —
Достанет мне навек любви и чести,
Ведь даже ледяную боль потерь
Назначено нам пересилить вместе.

Проблемы в жизни горькой, злой,
То в виде клеветы мерзавцев,
То в виде ссоры непростой
С любимой, не дают собраться,
Чтоб делу сердца, как любви,
Служить решительно, заветно
До светлой радости в крови,
Несущейся звенящим ветром!

Но однажды ведь лопнут все же —
И тогда псом бездомным я
Заплутаю в глухом бездорожье,
Как разбитая вдрызг колея.

Может, сгину я в чаще мгlistой,
Может, в стылой реке утону.
И навзрыд отпоет в поле чистом
Стылый ветер мою седину...

Только злая любовь вовеки
Не поймет моих чувств святых...
Да! Угрюма жизнь человека, —
Ну, нельзя же все бить под дых!

Сомкнув глаза, я словно и не жил:
Не ликовал, не плакал, не грустил...
И как-то стало на душе спокойно,
Что, грешным делом, я подумал: смерть —
Не только страх, не только круговерть,
Но и любви она порой достойна.

Но от природы всем навек дано
За жизнь цепляться, будто в ней руно —
То самое, что нам приносит счастье,
Да только, сколь не жил я по судьбе,
Ни в радости, ни в горе, ни в мольбе —
Не знал его бессмертного участия...

А жить-тужить я больше не хочу,
Чтоб сон был крепче, выпью первачу,
Да и сомкну опять глаза блаженно...
И просыпаться или нет, решу я,
Почувствовав вкус нежный поцелуя
Моей на радость и печаль царевны.

Но ведь выжил! И чего же боле,
Чтобы снова ликовать навзрыд?
Только вдохновение и поле,
Где весь мир тебе принадлежит!

Он огромен, но и мал порою,
Заключен лишь в кличе журавля,
Или в тихом нарожденье хвои, —
И ему молюсь, как солнцу, я.

Как же мог я позабыть о друге!
Дорогой! Ты у меня в груди!
И пускай опять передвижу вьюги
От того, что часто льют дожди...

Вдруг я словно попал в пургу
В тополином, зеленом парке...
Будто воздух настолько жалко —
Что его вдохнуть не могу...

Мне б на Север, в родную даль,
Чтоб дышать настоящим снегом,
И тогда лишь бороться с небом,
Когда счастья совсем не жаль.

Только я не хочу ни спорить,
Ни браниться, ни душу рвать...
Мне бы только тебя миловать,
Да тонуть в твоих синих озерах...

И алкать их заветное пламя,
И гореть в нем, да так, чтоб высь
Голубела — и делалась жизнь
Лишь светлей и родней с годами.

И хоть кого теперь спросите,
Все скажут: светом полыхал
Без страха в грозном зените, —
Поэтом громоносным стал.

Жизнь прожита, а может, только
Лишь начинается, Бог весть.
Но если мне еще не горько,
То сил моих вовек не счесть!..

О чем жалеть, кого винить угрюмо,
Чтобы однажды все-таки простить...
Не небеса же, в чьих высоких думах
Меня уже давно должно не быть.

Но не хандрю и, веруя в бессмертье,
Не жажду славы шумно-суетной...
Ведь надоело рвать на части сердце
То острой болью, то глухой тоской...

Живу, как все, вернее, доживаю,
Но со стремленьем жарким вновь и вновь
Познать успех во всем, что совершаю,
Что мне приносит светлую любовь.

И в круговерти городского шума,
Пусть нелегко порою крепким быть...
Но небеса — в моих высоких думах,
И я надеюсь с ними вечно жить.

РОСТОКИНСКИЙ АКВЕДУК

Рядом с ВВЦ, параллельно вечно загруженному от обилия машин Проспекту Мира, в воды главного притока Москва-реки Яузы глядится и не может налюбоваться на свое отражение красавец-мост. Открываясь взору неожиданно, он заставляет на себя обратить внимание: подобного

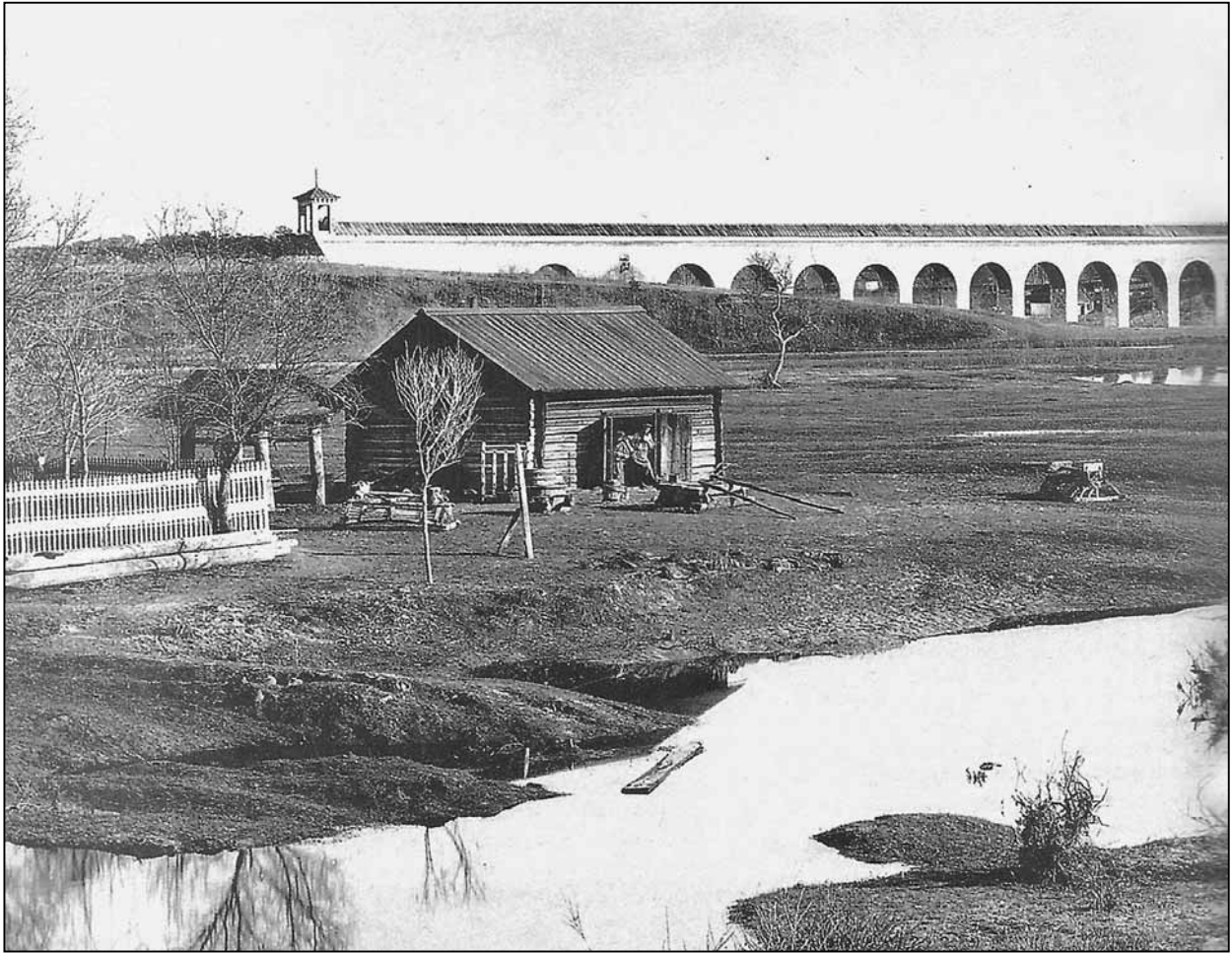
моста в столице и в ближайшей округе больше нет. Его нарядные белокаменные арки рождают в памяти образы знаменитых римских акведуков, прямых, как стрела. Ростокинский акведук не такой древний, как его римские собратья, но и он имеет свою уже более чем двухвековую историю.

Жители современного многомиллионного мегаполиса и не задумываются, откуда в их кранах берется вода, горячая и холодная, в любое время суток. То, что когда-то казалось самой смелой несбыточной фантастикой, стало обыденной реальностью. Сейчас очень трудно представить, что всего лишь сто с небольшим лет назад воду жители центра Москвы брали из городских водоразборных фонтанов и несли ее домой в кадках и ведерках. Только много ли принесешь в двух руках, даже пользуясь коромыслом?! А ведь вода нужна была и для питья, и для приготовления пищи, и для мытья, и для стирки. Вот и приходилось ходить за водой несколько раз на дню и выстаивать очереди из таких же страждущих. Те, кто был побогаче, пользовались услугами водовозов, доставлявших в их дома бочку-другую с водой. Памятники такому водовозу уже в наши дни были установлены в Санкт-Петербурге и Казани. Обитатели окраин набирали воду из окрестных колодцев и родников. Ну а поскольку с развитием фабрик и заводов население города увеличивалось быстро и потребности в воде возрастали, то возрастала и цена за воду. Поэтому принесенную в дом водицу старались расходовать бережно и экономно. Кстати, профессия водовоза была очень популярной и востребованной — чуть ли не каждый десятый москвич работал возчиком воды.

Была и еще одна проблема, которой издавна страдала Москва, —

ее главная река раньше не отличалась полноводностью. Другой напастью, резко ухудшавшей качество московской воды, было уже упоминавшееся развитие в XVIII веке мануфактурного производства. Об экологии тогда никто не думал, а отходы производства, не мудрствуя, сливали и сбрасывали в Москва-реку и ее притоки. Добавим к этому, что никакой канализации не было и в помине: нечистоты вывозились-выносились из домов либо на задние дворы, либо сбрасывались золотарями в ближайший водоем. В итоге от этого страдали сами жители, ведь водозабор преимущественно шел из московских речек. Гром грянул в правление матушки Екатерины, когда в Москве разразилась эпидемия чумы, и вспыхнуло восстание, получившие в истории название Чумной бунт (1771 г.).

После такого «урока» за проблему с московской водой, наконец-то, решили взяться всерьез. Летом 1779 года Екатерина Великая поручила генерал-поручику Бауеру «произвесть в действо водяные работы для пользы престольного нашего города Москвы». Военный инженер Ф.В. Бауер взялся за дело основательно и в том же году, проведя необходимые изыскания и расчеты, представил проект Мытищинского самотечного водопровода. Почему мытищинского? Да потому, что в окрестностях Мытищ были разведаны большие запасы чистой и вкусной питьевой воды, которыми можно было снабжать Москву, к тому

же Мытищи относительно уровня моря находились по сравнению с Москвой на возвышенности, и вода могла поступать в Первопрестольную самотеком. Оставалось только проложить водопровод.

Читатель спросит, а при чем здесь Ростокинский мост-акведук через Язу? А притом, что этот мост — самая красивая и единственная из сохранившихся частей Мытищинского водопровода. Кстати, Ростокинским акведук фигурировал лишь в официальной документации, а в городском фольклоре закрепилось и долго бытовало совсем другое название — Миллионный мост. Почему? А потому, что на строитель-

ство водопроводной системы, длившейся без малого четверть века, было израсходовано 1 миллион 648 тысяч рублей! (астрономическая по тем временам сумма). Увидеть свое детище в действии царица Екатерина II не успела, открытие Мытищинского водопровода пришлось на правление ее внука Александра I.

В 1780 году, то есть на следующий год после произведенных инженером Бауером изысканий, началось строительство водопровода из Мытищ в Москву. При строительстве Ростокинского акведука архитекторами были уже упоминавшийся Бауер и инженер И.К. Герард. Коман-

дующий Московским воинским гарнизоном князь М.Н. Волконский был обязан каждый день направлять на строительные работы по сооружению водопровода до 400 солдат. При этом рядовым солдатам и капрам за работу платили по 8 копеек, солдатам-минерам по 10 копеек, а унтер-офицерам по 15 копеек. (Для сравнения: бочка воды в центре Москвы стоила 50 копеек.)

В связи с началом очередной русско-турецкой войны в 1787 году работы по возведению водопровода были на длительное время прерваны, так как основные ресурсы и средства требовались для победоносного завершения военной кампании. В результате открытие водопровода состоялось уже в следующем столетии, 28 октября 1804 года. Событие было грандиозным и зна-

ковым для Москвы. О пуске Мытищинского водопровода написал один из самых популярных российских журналов того времени «Вестник Европы», издававшийся Н.М. Карамзиным. Сам же будущий известный историк, еще в правление Екатерины Великой так описал в своих путевых заметках впечатление от увиденного Ростокинского акведука: «Я увидел недалеко от дороги прекрасный водовод. Вот один из монументов Екатерининской благотворительности! Она любила во многом следовать примеру римлян, которые не жалели ничего для пользы иметь в городах хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимое самых аптек. Издержки для общественного блага составляют роскошь, достойную великих монархов, роскошь, которая питает

Слева:

*Ростокинский
акведук.
1908 г.*

*Крестовские
водонапорные
башни
на Ярославском шоссе.
1890-е гг.*

самую любовь к отечеству, нераздельному с правлением...»

Миллионный мост стал главным символом Мытищинского водопровода. Бауером и Герардом был возведен 21-арочный белокаменный акведук длиной 356 м, с устоями высотой до 15 метров, поддерживающий канал для воды (водовод) шириной 0,9 м с высотой стенок 1,2 м.

Всего в водопроводе из Мытищ, называемым еще Екатерининским по имени основавшей его императрицы, было 5 акведуков, но ни один из них, за исключением Ростокинского, не сохранился.

И все-таки, откуда же брала свое начало мытищинская водица, по-

ступавшая в Москву? Среди поэтического наследия современника Пушкина Николая Языкова есть стихотворение «На громовые колодцы в Мытищах» (1830):

*Отобедав сытной пищей
Град Москва, водою нищий,
Знойной жаждой был томим,
Боги сжалились над ним:
Над долиной, где Мытищи,
Смеркла неба синева.
Вдруг удар громовой тучи
Грянул в дол, — и ключ кипучий
Покатился... Пей, Москва!*

Так поэт донес до нас легенду возникновения Громового ключа в окрестностях Мытищ, откуда и брала свое начало поступавшая в Москву вода. Над источником была возведена часовня, на стенах которой были начертаны приведенные выше строчки Языкова. В 1833 году барон и инженер Андрей Дельвиг, двоюродный брат поэта, друга и издателя Пушкина Антона Дельвига, существенно преобразил и облагородил часовню над источником, о чем была сделана соответствующая надпись. Увы, в советское время часовня разделила судьбу тысяч себе подобных, а сам источник без надлежащего ухода превратился в болото, и отыскать сейчас его местоположение можно весьма приблизительно.

Барон Дельвиг был автором и переустройства Мытищинского водопровода, ведь ветшавшая от времени система требовала реконструкции. Дело дошло до того, что из-за протечек и трещин до Москвы из

Слева:
Водонос.
1860-е гг.
Фото
В.А. Каррика

Василий
Перов.
«Тройка»

возможных 4300 куб.м воды в сутки стало доходить лишь 236! Проведенные Дельвигом работы существенно улучшили водоснабжение Москвы. Дельвигом был автором и первого в России «Руководства к устройству водопроводов» (1856). Его труд стал на многие годы настольной книгой при проектировании и строительстве водопроводов.

Правда, барон Дельвигом использовал опыт своего предшественника в починке и реставрации водопровода инженера Н.И. Яниша. Дело в том, что в 1823 году из-за ветхости галерея Мытищинского водопровода под Сокольниками обрушилась. Правда, немного воды в Первопрестольную все же поступало, но уже из сокольнических ключей. В 1826 году по указу императора Николая I Яниш разработал новый проект

Мытищинского водопровода, предусматривавший использовать старую галерею. Галерея была отремонтирована, по трассе следования водопровода в селе Алексеевском была возведена водоподъемная станция с двумя паровыми насосами. Из нее вода подавалась на второй этаж Сухаревой башни в специально устроенный там резервуар, а уже из башни она поступала в пять водоразборных фонтанов на московских площадях: Сухаревской, Лубянской, Театральной, Боровицкой и Варварской.

В 1887 году в технической конторе А. Бари был разработан еще один проект модернизации Мытищинского водопровода, в соответствии с тогдашними достижениями инженерной мысли и технического прогресса. В проекте принимал участие инженер Владимир Шухов, чья зна-

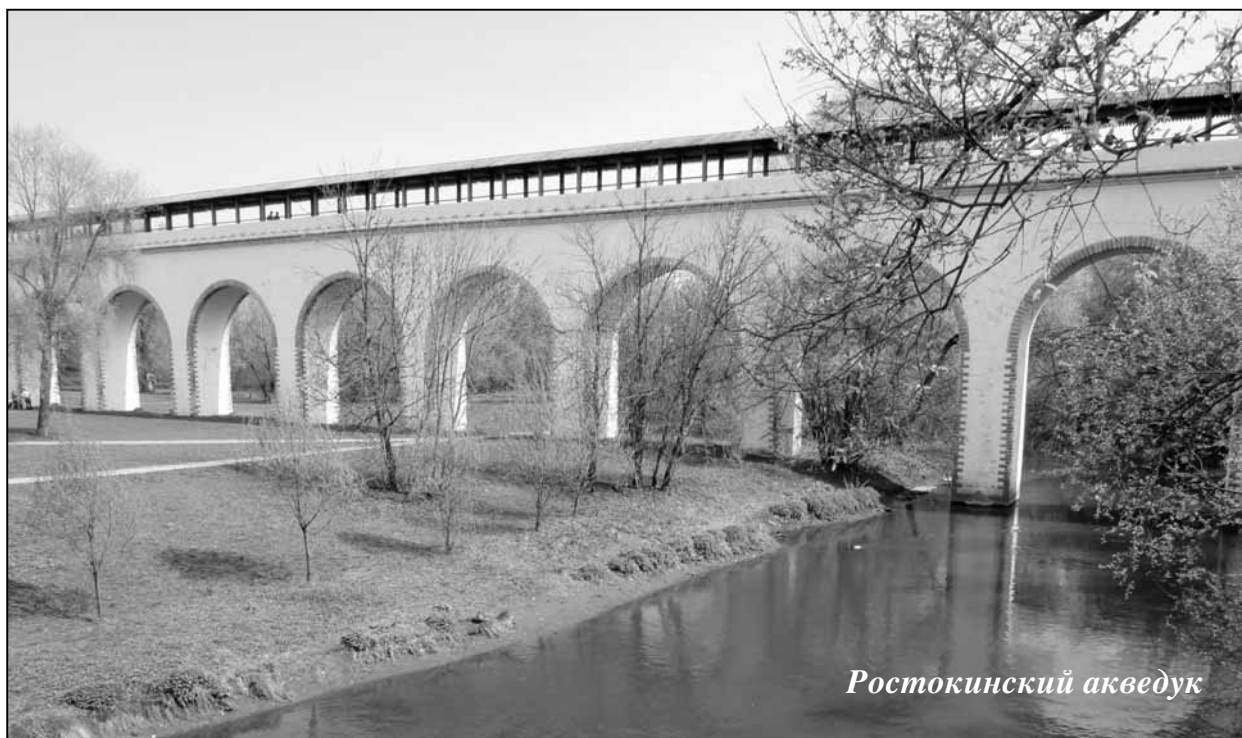
менитая на весь мир телерадиобашня на Шаболовке носит имя своего создателя. Итак, в результате воплощения в жизнь нового проекта на водоразборах вместо деревянных колодцев установили трубчатые. Теперь водопровод состоял из труб большого диаметра, в результате чего он стал давать 43 000 куб. м воды в сутки, обеспечивая возрастающие потребности растущего населения города.

Особой гордостью обновленного водопровода стали Крестовские водонапорные башни, получавшие воду из Алексеевской насосной станции. Автором этих круглых кирпичных башен высотой около 40 м и диаметром 20 м стал архитектор М.К. Геппенер. Башни стояли у Крестовской заставы, границы тогдаш-

ней Москвы, из них вода самотеком расходилась по водопроводу в центральные районы города. После революции, в 1920-е гг. в одной из башен размещался Музей московского городского хозяйства. С приходом волжской воды в Москву и коренной реконструкцией городского водно-го хозяйства, надобность в башнях отпала, и они были снесены.

Ну а какова же была судьба Мытищинского водопровода в советское время?! Конечно, водопроводу конца XVIII столетия, пусть и постоянно модернизируемого, тягаться с достижениями века XX-го было не под силу. И все же мытищинская вода поступала в Москву вплоть до 1962 года. Главное же украшение водопровода — Миллионный мост-Ростокинский акведук — после пре-

Ростокинский акведук

кращения использования его по прямому назначению постепенно ветшал. По нему была проложена теплотрасса, существенно обезобразившая его облик, вдобавок, мост служил тренировочной площадкой для начинающих альпинистов и любителей скалолазания. Все это способствовало его быстрому ветшанию и разрушению.

Ситуация изменилась в начале третьего тысячелетия. В 2004 году перед мостом был установлен памятный знак в честь 200-го юбилея со дня открытия водопровода. В самих же Мытищах перед зданием городского водоканала в честь 200-го юбилея водопровода был воздвигнут бюст Екатерины Великой как учредительницы проекта, а при въезде в город со стороны Волковского шоссе сооружен очень необычный и оригинальный памятник, неизменно

приковывающий внимание всех посетителей города. Три переплетенные между собой трубы синего цвета высотой 8 метров (!) венчают разноцветные заглушки с вентилями. Цветовая гамма заглушек дублирует цвета светофора. В общем, раз увидев, такой памятник уже не забудешь.

Десять лет назад в ходе длившихся свыше трех лет масштабных реставрационных работ Ростокинский акведук был возрожден: он обрел крытую верхнюю галерею, а территория вокруг него была благоустроена, очищена от мусора и превратилась в один из уютных московских скверов. Сегодня москвичи и гости столицы, приезжающие на ВВЦ, могут полюбоваться и памятником инженерной мысли, яркой жемчужиной в архитектурной диадеме столицы — Миллионным мостом. □

У меня не стало бабушки. Сегодня мне, прекрасно отдохнувшему на Крымском побережье, загоревшему и вполне счастливому тридцатилетнему парню, позвонила родная тетка и обычным голосом произнесла:

— Привет, Костян. Вернулся? А только что умерла твоя бабушка. Она знала, что ты вот-вот должен приехать. Ждала. А потом я ненадолго ушла в магазин, а когда вернулась, увидела ее уже на полу...

Я молча положил трубку и тотчас решил поехать к бабушке домой. Завтра у нее день рождения, и я привез ей, как обычно, подарки с моря.

Всю дорогу я мысленно беседовал с ней. Больше всего на свете мне хотелось, чтоб она мне каким-то образом ответила, как в детстве, когда я просыпался от ночного кошмара или пугался темноты: «Я здесь! Не плачь, мой хороший». И зловещий мир в это же мгновение освещался ее теплым, скрипучим и умиротворяющим голосом. «Бабушка, — шептал я и в этот раз. — Милая бабушка! Только скажи, что ты здесь, дай знать, что мир не конечен, что ты слышишь меня, что ты где-то рядом». Но бабушка не отвечала. И Вселенная тоже молчала.

В пустой комнате с выставленной теткой на ветхую тумбочку фотографии улыбался мне самый дорогой человек, горела свеча. Да, у меня были мама и отец, любимые и обожаемые, но бабушка занимала в моем сердце особое место. Я был оглушен тишиной опустевшей комнаты. Невольно

опустился на колени и вдруг увидел на полу треснувшие бабушкины очки в старой оправе, никем не замеченные. Для меня же они стали самой дорогой реликвией. Я положил их в карман и навсегда попрощался с комнатой, согревавшей меня столько долгих лет, комнатой, где чай с вареньем казался лечебным, а бабушкины шершавые руки волшебными...

Последним местом нашей встречи с бабулей было кардиологическое отделение, куда она уже несколько раз попадала. Я тогда принес ей букет роз. Один предательский цветок отломился прямо при входе в больничные покои, и получилось ровно шесть цветов, четное число, плюс один надломленный. Я даже не мог предполагать, что сломанный цветок предскажет невозполнимую для меня потерю...

От воспоминаний мучительно сжималось сердце... Вот мне всего восемь лет, и я, наконец, окончил первый класс. Бабушка на лето всегда уезжала в деревню и, по возможности, забирала меня с собой. Мне совсем не нравилась эта глухомань, зато пленяла мысль об отсутствии родительского контроля. Как же бабушка холила и лелеяла меня! Я спал, сколько хотел, гулял, сколько вздумается, ел только то, что нравилось. А по вечерам мы с ней вместе гуляли, бродили вдоль березовой, уходящей в лес, тропинки с нашим верным псом Леликом, которого я подарил бабушке. Нельзя сказать, что она мечтала о собаке, но принесенного с улицы белого веселого щенка, к моему удивлению, оставила. Только теперь я понимаю, что это было желание угодить мне, любимому внуку...

А вот мне уже 16... На день рождения я получил в подарок долгожданный кассетный плеер! Он был весь беленький-беленький и, вообще, предел всех мечтаний. Я клянчил его у родителей целый год, и, наконец, сбылось. Комната, в которой я обитал, сразу наполнилась любимыми мелодиями. Особый кайф был в том, что это никто-кроме-меня-не-слышал! Я ритмично дергался часами — в такт музыке, переставлял затертые кассеты. Бабушку мое вихляние скорее забавляло, к новинкам она обычно относилась спокойно, но тут, неожиданно для меня, попросила послушать, пошутив при этом:

— Вот так помру и не узнаю, что такое плеер.

Она была грузной и неуклюжей, поэтому я, с целью сохранности техники, осторожно уложил бабушку на диван, надел на нее свои наушники, а сам плеер пристроил у нее прямо на животе... Бабуля заулыбалась, решила немного повернуться, и злосчастный плеер вдруг соскользнул прямо на пол. Я испугался, даже накричал на нее, но плеер так плавно соскользнул, что ничего с ним не случилось, а я потом чувствовал себя виноватым за этот предательский крик. «Дуралей, — думал я тогда, — как я только посмел на нее разозлиться, ведь именно она уговорила родителей его купить, да и вообще, если бы не было ее, не было бы даже меня,

не то, что плеера». Это воспоминание мне и сейчас не давало покоя. Сколько я бы отдал плееров, телевизоров, машин, квартир, да что квартир, своих лет жизни, чтобы она еще хоть немного пожила...

Она — единственная, кто любил меня таким, какой я есть, просто за то, что я есть. Родители воспитывали, друзья испытывали и проверяли, возлюбленные оценивали, а бабушкина любовь была выше и сильнее, ибо в ней было какое-то вселенское добро и милосердие, которое особым образом преломлялось и на меня...

...Водитель трамвая позволил мне в этот печальный день не платить за восьмичасовое катание, только изредка поглядывал на меня через боковое зеркало. Я, не отрывая глаз от окна, смотрел на мелькающие лица прохожих и завидовал их беспечности. Мне никогда не быть таким, как прежде, ни-ког-да... Уже вечером, когда опустевший трамвай ехал в депо, я поблагодарил водителя и перед выходом протянул ему руку. Он похлопал меня по плечу и сказал:

— Я здесь давно работаю, но впервые вижу такого несчастного пассажира. Все будет хорошо.

— Да, у меня действительно несчастье... — пробормотал я, но не успел объяснить причину своего горя, потому что меня прервал звонок мобильного телефона. Я нехотя взял трубку.

— Вы — Константин? — спросил меня незнакомый мужской голос.

— Да, это я.

— Вас беспокоят из морга. Вы только не волнуйтесь. То, что случилось сегодня...

— Не могли бы вы по возможности короче и яснее, я что-то сегодня очень плохо соображаю.

— Да, простите, мне надо было начать с главного. Ваша бабушка жива. Она пока в реанимации, но уже ждет вас и просит привезти ей очки... □

Татьяна Харламова

СКУЛЬПТОРЫ

ГОЛОСОВ

Все мы любим петь. Поем во время застолий, просто так, когда хорошее настроение, участвуем в художественной самодеятельности... Но только один или одна на миллион становятся выдающимися знаменитыми певцами или певицами. Их по пальцам можно пересчитать. Не будем о знаменитых итальянцах, у нас в России есть свой «золотой фонд» — Федор Шаляпин, Сергей Лемешев, Иван Козловский, Ирина Архипова, Елена Образцова, Владимир Атлантов, Евгений Нестеренко, Александр Ведерников, Дмитрий Хворостовский, Анна Нетребко. Это действительно «золотые» голоса.

Их может быть гораздо больше, если вовремя найти и оценить талант, дать ему развиваться. Сейчас профессиональные педагоги очень активно ищут такие таланты, посещают детские дома в глубинке, многодетные семьи. Благополучные и успешные родители в столице всегда найдут применение способностей своего чада, но у нас в России очень много неблагополучных семей, брошенных детей, и им нужна помощь.

Именно этим занимается известный педагог по вокалу Российской академии музыки имени Гнесиных Софья Станиславовна Аксенова. И это лишь одно из направлений ее деятельности.

Софья Аксенова окончила Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского. Десять лет пела на сцене Большого театра. Награждена юбилейной медалью Международного союза музыкальных деятелей и юбилейной медалью Большого театра. Успешно гастролировала в Париже, Болоньи, Сараево, Токио, в городах США. Давала мастер-классы в Нанте и Мадриде. С 2006 года она преподает в музыкальном училище имени Гнесиных, защитила степень док-

тора философии в области педагогики (PhD), что соответствует 8 степени (высшей) европейской квалификации. Помимо педагогической деятельности успевает работать, под руководством доктора педагогических наук Анны Александровны Аринушкиной, над кандидатской диссертацией. Тема достаточно злободневная для педагогов по вокалу: «Применение информационно-коммуникационных технологий в системе повышения квалифика-

ции педагогов по вокалу Детских музыкальных школ и Детских школ искусств». В ней отражается и накопившийся опыт, и проблемы сегодняшнего дня.

Вот одна цитата из нее:

«Основная проблема обеспечения качества музыкально-педагогического процесса в современной музыкально-образовательной среде состоит в том, что педагоги, включая академический вокал, крайне редко используют новые современные технологии. А в наше насыщенное компьютерами время каждый ребенок умеет пользоваться с раннего возраста всевозможными гаджетами. Ноутбуками, смартфонами. Наступил новый этап технического воспроизведения музыкальной продукции: нотопечатания, звукозаписи, трансляции по Интернету мастер-классов ведущих педагогов мира, лучших концертов, конкурсов, спектаклей.

Очень важно и необходимо в наше время дистанционное общение и обмен опытом педагогов, учеников, родителей. Без всего этого педагогический процесс становится менее качественным и эффективным».

— Софья Станиславовна, прокомментируйте, пожалуйста, этот фрагмент вашей диссертации...

— Очень много талантливых людей в глубинке. Но проблема в том, что ездить по Сибири или другим удаленным регионам России на-

кладно. Есть другой путь — дистанционное общение с подопечными. Очень важна техническая помощь. Это, прежде всего, компьютерное обеспечение всех детских домов в России. Успешные семьи сами справляются, у них есть ноутбуки, планшеты, онлайн, все, что требуется современному человеку любого возраста. А речь идет о многодетных семьях и детских домах. Я прослушиваю ребенка по Интернету, если что-то не так, даю советы, как работать над голосом.

— Расскажите, как начиналась лично ваша творческая жизнь?

— Весьма своеобразно. Я родилась в Свердловске, нынешнем Екатеринбурге, в семье инженеров-метрологов. Мечтала стать физиком-ядерщиком. Поехала поступать в МГУ имени Ломоносова на физико-математический факультет, но не добрала баллы. Пришлось вернуться обратно.

Знакомая пианистка, зная, что я люблю петь, попросила меня как-то выступить на концерте. Все прошло удачно, ей очень понравилось, а меня буквально затянуло — концерты. С этого все и началось...

Тем не менее, прежде чем сделать окончательный выбор, я прошла серьезную производственно-инженерную школу. Работала на Уралмаше, а потом мы с родителями уехали на «КамАЗ». Стройка только начиналась, все было безумно

интересно и романтично. Люди приехали из разных республик и городов Советского Союза, молодые, активные. Знакомились, общались, дружили. Я работала на Автоборочном заводе, на главном конвейере, в лаборатории контроля. Думала, пойду по стопам мамы и папы. Но получилось иначе...

Когда вернулись из Набережных Челнов, я узнала, что идет набор в хор Свердловского театра оперы и балета, и рискнула пойти на прослушивание. Меня приняли, и я сразу поехала с театром на гастроли в Пензу. Попросила маму забрать документы из политехнического института и поступила в музыкальное училище. Я окончательно поняла, что хочу связать свою жизнь с музыкой, с вокалом, оперой.

А потом трое однокурсников из Свердловского музыкального училища решили взять Москву штурмом, поступить не куда-либо, а в Московскую государственную консерваторию. Все были смелые, полные сил и надежд, верили в себя.

— Мы были уверены, что нас там ждут, что мы нужны, что мы самые достойные, — говорит Софья Станиславовна. — И юношеский максимализм победил.

Перед первым туром можно было выспаться в общежитии после бессонной ночи в дороге, подготовиться, но ребята решились не откладывать и сразу ринулись в бой. Юноши пошли первыми, а я была последней из троих, очень волновалась. Вошла в аудиторию, а там сидит знамени-

тый баритон, солист Большого театра Евгений Гаврилович Кибкало. Стал делать замечания. Я подумала, что пою плохо, все пропало, а он, увидев выражение моего лица, успокоил: вы проходите на второй тур. Всего пятнадцать человек должны были принять на курс, и треть из них оказались уроженцами Урала, чем очень гордились. (Впоследствии один из моих земляков стал профессором ГИТИСа, другой солистом Пражской оперы.)

Мне очень хотелось попасть в класс Ирины Константиновны Архиповой, но у меня была серьезная конкурентка, а место одно. В результате Архипова взяла обеих. Мечта сбылась! Она очень тепло относилась ко мне, поддерживала, даже брала к себе на дачу, где мы тоже занимались. Я ей очень благодарна за все. И следую ее примеру. Она говорила: «Не смотри на меня как на памятник, давай заниматься». После окончания консерватории она посоветовала мне уехать в Свердловск, чтобы в местном оперном театре отработать различные оперные партии, а потом вернуться с готовым материалом, как говорится, на «белом коне» в Большой. Я последовала ее совету, и все получилось. Проработала в Свердловской опере три года, вернулась в Москву и после прослушивания была принята в Большой театр, где проработала десять лет.

Ирина Константиновна всегда поддерживала молодые таланты, вела их за собой, помогала реали-

зоваться. У меня в то время сложилась трудная ситуация — пришлось покинуть Большой театр, так как после автокатастрофы, в которую я попала, травма позвоночника не позволяла заниматься творчеством. Но и тут помогла Ирина Константиновна. На прощанье, перед тем, как уйти из жизни, она сказала мне, что позвонила заведующей кафедрой академического вокала музыкального училища имени Гнесиных народной артистке России Ивановой Людмиле Георгиевне и попросила дать мне возможность попробовать себя в качестве педагога по вокалу. Я, конечно, даже не надеялась, но Иванова позвонила мне и предложила работу педагога. Я с радостью согласилась и ни разу об этом не пожалела. Так открылась новая страница в моей жизни.

Я стараюсь по возможности приходить на Новодевичье кладбище, где теперь покоится Ирина Константиновна. Отчитываюсь о проделанной работе. Связь педагог—ученик, наверное, еще сильнее, чем кровные узы.

Зарплата в училище была небольшая, и пришлось устроиться дополнительно еще и в детскую музыкальную школу. Но я нисколько не жалею. Эта работа стала для меня и своеобразной школой как педагога.

Разницы в постановке голоса у детей и взрослых нет, но внутренняя энергетика разная. У детей энергетика еще слабая и связи тоже, идет мутация голоса. Иногда

очень высокий голос со временем превращается в бас. Это все нужно учитывать. У меня на втором курсе учится студент, который в детстве обладал высоким голосом, а сейчас у него фантастической красоты бас. Недавно проходил конкурс имени Шаляпина в Москве, в жюри сидели именитые артисты, педагоги. И вот один из них, Анатолий Лошак, народный артист России, солист Большого театра, педагог Московской консерватории, прослушав моего студента, сказал, что сейчас в консерватории такого качества баса нет. Он был готов принять его прямо

сейчас. Но Кириллу только восемнадцать, надо еще музыкальное училище окончить, а потом поступать в консерваторию. Во всяком случае, у него должно быть прекрасное будущее.

Музыкальная школа дала мне богатейший опыт. Это становление не только голоса, но и психики. Все пригодилось в дальнейшей работе в РАМ имени Гнесиных.

Главное — создать такую атмосферу, чтобы студентам было интересно учиться вокалу, работать над техникой пения. Я отношусь к ним (этому меня научила Ирина Константиновна Архипова), как к своим детям. Даже моя дочь иногда к ним ревнует.

Недавно во время отчетного концерта нашей кафедры я, слушая своих учеников, видела их технические и энергетические проблемы, и у меня на следующий день на одном из уроков возникло озарение. Для них сейчас очень важен компьютер, селфи, кино. У них другая жизнь. Они в театр редко ходят, а им предстоит петь на сцене. И тогда я стала предлагать им на уроках: представь, что тебя снимают в кино, камера едет на тебя, и сейчас будет крупный план. И это сработало! Они сразу собираются и начинают выкладываться. Нельзя же плохо петь, если тебя снимают крупным планом. Клиповое мышление — это тот «конек» в современной жизни, за который нужно держаться. Пусть и потом, на

сцене, они представляют себя героями клипов, фильмов, это поможет им быть ярче, ведь не всегда можно завладеть вниманием и любовью публики только голосом и техническими навыками.

— Софья Станиславовна, если Богом дан человеку прекрасный голос, слух — это уже залог успеха?

— Конечно, нет. Это так же, как в балете, в спорте — ежедневный труд, станок. Но мы на то и педагоги, чтобы лепить из этих подающих надежды детей, у которых есть при-

родные данные и слух, профессиональных актеров-вокалистов.

Есть такое понятие — «гудошники». Они формируют рот в фиксированную трубу и из него выдувают звук. А нужно тренировать свой голосовой аппарат. Вокал — это мышечная молчаливая работа. Например, спой без звука «Утро туманное...» Пусть работают мышцы. Это и есть вокальная работа — без звука.

Звук издают связки. Я ставлю не звук, а голос. Голосовой аппарат — это гортань, диафрагма, артикуляционный аппарат, бронхи, легкие. Певец, как спортсмен перед стартом,

должен настроить свой дыхательный аппарат, набрать дыхание. А потом уже из набранного дыхания и смыкания связок рождается звук. Звук, который подчиняется певцу, находится внутри мышечной системы. Нужно научиться работать гортанью, диафрагмой, разобраться с принципом работы дыхания во время пения. Многие наши знаменитые певцы, поющие в Большом театре и не только, специально для этого ездили на стажировку в Италию. А потом все приобретенные знания передавали нам, своим студентам.

— Трудно ли попасть в знаменитую Гнесинку на факультет вокала?

— У нас идет конкурсный отбор. От десяти до тринадцати человек на место. Если поступил — впереди четыре нелегких года учебы. Не все доходят до финала.

— Как проходит урок? Что нужно делать, чтобы дойти до финала, стать выпускником Гнесинки и иметь перспективу поступить в консерваторию?

— За непосещение занятий жестко отчисляют, так что дисциплина обязательна. И желание учиться и трудиться тоже.

Урок начинается с распевки. Педагог как психолог сразу видит, с каким настроением входит в класс ученик. Если он входит уверенно, с осмысленным выражением лица, видно,

что готов трудиться. К сожалению, некоторые студенты относятся к занятиям легкомысленно. По другим предметам все выполняют домашние задания, а здесь они думают, что пришли просто петь. К каждому уроку вокала нужно готовиться. Распевка идет от пяти до пятнадцати минут, и к ней ученик должен быть готов. Потом арии барочного периода. Для вокалистов обязательно знание итальянского языка. Существует даже госэкзамен по итальянскому языку. Поэтому многие итальянские маэстро считают, что русские поют на их родном языке лучше, чем сами итальянцы. 70 процентов мировой оперы — русские. Это уникальные золотые голоса.

13 лет назад Софья Аксенова пережила самый страшный день в своей жизни. С мужем Владимиром они отправились на рыбалку под Астрахань. Им сообщили, что у Софьи погиб брат, который был на пятнадцать лет младше. Немедленно решили возвращаться в Москву, а потом в Екатеринбург. Только выехали на основную трассу, занесло прицеп, и машина перевернулась. Погода была ясная, Владимир — прекрасный водитель, ничто не предвещало трагедии. Погибли двое, в том числе муж Владимир. Софья очнулась в реанимации. У нее был перелом позвоночника, пробита голова, сломаны ребра. Врачи прочили инвалидность. Полгода в полной неподвижности. Она лежала и думала

о дальнейшем, но никогда не жаловалась, хотя боли были сильнейшие. Как только они немного ослабли, Софья начала... петь. Она лежала в палате и пела. Просто не могла иначе, и это ее спасло. У нее впереди были очень важные гастролы в Париже, был подписан контракт, и она все-таки спела в Париже.

Долгое время ходила в корсете, мучилась от болей. Сейчас ведет очень активную жизнь. При желании

человек может победить все, вопреки тому, что посылается судьбой.

— Видимо, Бог оставил мне жизнь для того, чтобы я стала педагогом, передала свой опыт, свои жизненные силы детям, — говорит сегодня эта сильная и талантливая женщина.

Наверное, так и есть, благодаря ее мужеству, таланту и педагогическому дару многие молодые вокалисты обрели действительно «золотые» голоса. □

ОДНОКЛАССНИКИ

*Память об обидах долговечнее,
нежели память о благодеяниях*

Пьер Буаст

Предисловие

На обрывистых лесистых берегах Безымянки, впадающей в Малую Лабу, объявился медведь-шатун. Собственно, о бродячем убийце егерям вразумительно рассказали лишь два горнолыжника, которые в течение недели развлекались на отвесных склонах Цахвоа, где резали крепкий снежный наст своими малиновыми сноубордами. По их словам, глубокой ночью они услышали душераздирающие человеческие вопли и страшный рык, доносившийся из ущелья, в котором находился их бивуак. Горнолыжники вооружились фонариками, газовыми пистолетами и поспешно покинули теплые спальные мешки. Они прошли по сухому руслу, заваленному камнями и осколками льда, приблизительно километр и увидели разодранную в клочья палатку, которую накануне вечером поставил одинокий альпинист. Снег вокруг палатки был истоптан широкими медвежьими следами, особое впечатление производили отпечатки огромных серповидных когтей. Рюкзак напоминал пеструю набедренную повязку из тонких тканевых ленточек. Вещи, снаряжение, спутанные веревки валялись повсюду. Две жестяные банки из-под тушенки какой-то нечеловеческой силой были сплющены, словно попали под асфальтовый каток. Дополняли картину обширные пятна крови, которые на снегу выглядели особенно страшно, маслянисто поблескивая в лучах фонариков.

Журнальный вариант.

С трудом сохраняя присутствие духа, лыжники прошли по руслу выше, где вскоре нашли останки альпиниста. Он был мертв и успел заоченеть на крепком морозе. Следы расправы были ужасны: с головы несчастного был начисто содран скальп, лицо обезображено когтями, в уцелевшей правой руке альпинист все еще сжимал пустую гильзу от сигнальной ракеты.

Руководители заповедника, где произошла трагедия, немедленно выслали в ущелье группу спасателей и охотников, которые были соответствующим образом вооружены, но мохнатого бандита выследить не удалось. Мало того, егеря высказали дружное сомнение относительно столь жестокой проказы медведя. Они предположили, что альпинист мог еще днем по причине неосторожности сорваться со скалы и разбиться на дне русла, а зверь явился в поисках поживы уже к опустевшей палатке.

Очевидно, егеря решили пощадить нервы курортников из многочисленных баз отдыха, которые были рассыпаны по округности границы заповедника. Но весть о случившемся уже повергла гостей района в состояние легкой паники. Они предпочитали не выходить за пределы баз, тем более не гулять по лесу в темное время суток и плодили великое множество домыслов про убийцу-шатуна.

Ходили слухи, что гигантские следы медвежьих лап были обнаружены в районе плотины, поддерживающей уровень воды в системе горных озер, и что разъяренному зверю вполне по силам ликвидировать охрану и нарушить гидросистему, вызвав небывалую экологическую катастрофу. Утверждали, что шатун ранен сигнальной ракетой, и оттого так свиреп. Прошел слух, что зверь подчистую вырезал жителей небольшого горного селения, и в связи с этим в заповедник готовятся забросить батальон спецназа. Самой экзотической версией происшествия стала такая: зоологи нарочно дурят население сказками о кровожадном медведе, чтобы не привлечь внимание охотников-браконьеров к йети, который случайно забрел на территорию заповедника, спустившись с заснеженного хребта Мамхурц.

Трудно было сказать определенно, благодаря медведю или, наоборот, вопреки ему, крупные фешенебельные отели и мелкие частные гостиницы, примыкающие к лыжным трассам, оказались забиты под завязку, и найти свободное место можно было только в частном секторе.

Глава 1

— Могу предложить последнюю модель, — сказал продавец, снимая с витрины сверкающее аспидным стволом, завораживающе-красивое помповое ружье. — Цена, конечно, у него впечатляющая, зато характери-

стики просто великолепные. Прошу прощения, а вы на кого собираетесь охотиться?

Кирилл держал в руках ружье, внимательно рассматривая его. В этом оружии сразу чувствовалась сила, а ему нравилось все сильное и мощное: автомобили, катера, компьютеры и стиральные машины.

— На медведя, — ответил он и аккуратно оттянул затвор.

— В таком случае, это именно то, что вам надо! — обрадовался продавец. — Возьмете к нему свинцовые жаканы — и можете идти хоть на медведя, хоть на слона, хоть на динозавра. И вот еще что я вам скажу, молодой человек, вы ведь не просто ружье покупаете, как, скажем, удочку или силлок на зайца. Вы выбираете себе друга. Один раз и на всю жизнь. Настоящий мужчина создает образ своей жизни только при помощи верных друзей... Возьмите это ружье. Может быть, оно спасет вам жизнь.

Кирилл вышел из магазина, сел в машину, закинул зачехленное ружье на заднее сиденье и включил магнитола — может, еще что-нибудь передадут про взбесившегося медведя?

Ехать в Краснодарский край он решил неделю назад. Зимой его всегда тянуло куда-нибудь подальше от рабочего кабинета, в дикие места, где можно было вдоволь насытить кровь адреналином. В позапрошлом году он ездил в Альпы на скальные маршруты. В прошлом — на Тайвань, где прыгал с парашютом над водопадом. А в этот раз решил пойти на медведя. К тому же появилась еще одна веская причина поехать в Кавказский заповедник — неделю назад он получил письмо от своего одноклассника Кости Войтенко. Тот приглашал Кирилла на встречу школьных друзей в гостиницу «Ковчег», которая находилась как раз рядом с заповедником.

Пятнадцать лет прошло, думал Кирилл, нажимая на магнитоле кнопку настройки. Со дня выпуска он не встречался ни с кем — слишком далеко от Краснодара закидывала его судьба. Какие они теперь, выпускники десятого «Б»? Найдут ли общий язык? Интересно ли будет им вместе?..

Глава 2

Тяжелый «лексус» поднимался по извилистой дороге. Поселок Эсто-Садок, оставшийся внизу, скрылся в тумане, и заснеженная дорога напоминала кривую просеку, проложенную через дремучий буковый лес.

Ирина, поглядывая через тонированное окно на серо-зеленые, покрытые мхом и лишайниками стволы деревьев, искала какой-нибудь дорожный указатель, чтобы определить, скоро ли появится гостиница «Ковчег». Но дорога после поселка была лишена знаков, как и четких границ, и лишь

изредка на крутых поворотах попадались нестройные ряды раскрошившихся от вечной сырости ограничительных столбиков.

— Долго еще? — спросила она водителя Лешу.

— Не думаю, — сразу ответил водитель, зная, что Ирина Юрьевна не терпит пауз после своих вопросов. — Дорога вверх никогда не бывает слишком длинной. Она оканчивается либо вершиной, либо пропастью.

Ирина раскрыла свой дорожный саквояж, наполненный дорогой косметикой, посмотрелась в зеркальце, поправила пальчиком завиток темной пряди и потянулась за баллончиком с лаком. Струя с крепким цветочным запахом едва ощутимо прошла по ее волосам. Порядок. Хорошо, что еще остался загар с пляжа Красного моря, и не видны темные круги под глазами. Она должна выглядеть ошеломляюще. Она должна сразить его наповал. Раздавить. Растоптать. Вот только... Вот только сапожки на тонких и чрезмерно высоких каблуках совсем не годятся для прогулок по заснеженным дорогам. Но ничего другого, кроме туфель из черного бархата на столь же высоком каблуке и кроссовок, она с собой не взяла. Увы! Тут она, Ирина Юрьевна Гончарова, генеральный директор фирмы, торгующей компьютерами, бессильна. Природа не наделила ее достойными ногами и ростом. И лицо ее без стараний визажиста и косметолога представляло бы довольно грустное зрелище. Зато у нее есть ум, деловая хватка и деньги. Большие деньги. Огромные деньги.

А что есть у него? Сохранилась ли его былая красота, не померкла ли некогда блистательная улыбка, которая когда-то давно, пятнадцать лет назад, сводила с ума всех девчонок в классе?

Глава 3

Белкин приехал в гостиницу «Ковчег» на день раньше той даты, которую указал в письме Войтенко. Он был уверен, что, как минимум, половина одноклассников уже там, что он сразу же устроится в теплый номер и почувствует человечески отдохнет, употребив пару бутылок крепленого вина. Но администратор гостиницы сказала, что никакого Войтенко не знает, и свободных номеров в гостинице нет.

Белкин не придал этому большого значения. Он понял, что, как всегда, будет наказан за свою торопливость, и, глядя с крыльца «Ковчега» на серый туманный лес, стал думать, где бы ему раздобыть спиртного. Помахивая полиэтиленовым пакетом, в котором лежало все, что он имел — вязаная спортивная шапочка да фантастический роман «Битва королей Галамапутамуса», он перевел взгляд на тихий ресторан, пристроенный к отвес-

ной скале. Из-за своей треугольной крыши, нижние края которой почти достигали земли, он казался уменьшенной копией гостиницы, с той лишь разницей, что в его широких окнах не горел свет.

Скрипнула массивная дверь ресторана, и оттуда вышла рыжая девушка в белом кокошнике и кружевном фартуке, наверное, официантка. Она накинула на плечи светлый кроличий полушубок и, глядя вниз, заскользила в тапочках по утрамбованному снегу, почти не поднимая ног.

— У вас проблемы с устройством? — спросила она Белкина, приближаясь к нему. — Вам нужна комната?

Он, еще не утратив способность комплексовать из-за своего неряшливого вида, начал снова размахивать пакетом, оживленно и путано объясняя:

— Да у меня есть номер в гостинице, только я никак не встречу одного человека... А где тут у вас поблизости магазин винно-водочных изделий? А у вас в ресторане есть портвейн или еще что-нибудь недорогое?

Официантка только теперь хорошенько рассмотрела испитое лицо незнакомца, его замусоленный пуховик, и брови ее дрогнули.

— Что-нибудь недорогое? — растерянно переспросила она и, повернувшись к нему спиной, добавила: — Не знаю. В поселок идите.

«Ага, разбежался! — подумал Белкин. — Не хватало мне только на ментов там нарваться», — и, не спеша, пошел по дорожке, вымощенной плоскими замшелыми плитками. Дорожка, очищенная от снега лишь у входа в гостиницу, вела через лес на базу отдыха, на краю которой стояла котельная. Черную дымящуюся трубу Белкин заметил еще с автостанции — она торчала на склоне горы, словно мачта корабля.

А официантка, вернувшись в ресторан, через затемненное окно наблюдала за незнакомцем. Когда он поднялся по ступенькам и, недолго постояв на площадке обозрения, скрылся за стволами деревьев, она подышала на стекло и пальцем нарисовала смешного человечка с большими ушами и огромной, как у Буратино, улыбкой.

Глава 4

Земцов, по своему обыкновению, не обратил внимания на знак, ограничивающий скорость, хотя уже успел изучить все дорожные знаки в Эсто-Садке, и на прежней скорости пронесся мимо оранжевых строительных машин, стоящих на обочине. Едва миновал зону ремонта, как откуда-то из кустов на шоссе неторопливо вышел инспектор, недвусмысленно помахивая жезлом, и пришлось затормозить и съехать на обочину.

Пока инспектор приближался к машине, Земцов думал, представлять ему удостоверение сотрудника уголовного розыска или же сохранить инкогнито и ограничиться предъявлением водительских прав. Ему не хотелось, чтобы местной полиции стало известно, что вот уже несколько дней в традиционно благополучной горнолыжной зоне с подозрительными намерениями околачивается старший оперуполномоченный из оперативно-розыскного управления. Это наверняка родит в среде стражей правопорядка лавину слухов и догадок, и Земцова не оставят в покое, организуют за ним слежку... А в таких условиях разве можно будет нормально работать?

— Превышение имеем, — сказал инспектор, подойдя к машине и вяло козырнув. — Прошу предоставить документы и машину к досмотру...

Земцов молча достал из кармана удостоверение. Ради экономии времени и спасения собственного достоинства приходилось раскрываться.

— Добрый день, товарищ майор! — уже другим тоном произнес инспектор и снова козырнул. Бережно вернув удостоверение Земцову, он жизнерадостно поинтересовался: — Отдыхаете у нас? Или как?

— Катаюсь, — ответил Земцов.

— Катайтесь на здоровье! — с облегчением выдохнул инспектор и учтиво предупредил: — А про шатуна вы уже слышали?.. На всякий случай постарайтесь не выходить из дома в ночное время суток.

— Я постараюсь, — пообещал Земцов, трогаясь с места.

«Проболтается своим или нет?» — подумал он, видя в зеркале, как инспектор провожает машину взглядом.

Для одноклассников у него была приготовлена надежная легенда: окончил политехнический, служил в армии, остался на офицерской должности, десять лет просидел в отделе кадров, потом уволился и до настоящего времени работает в охранной структуре. Должны поверить.

Он проехал по центральной улице и свернул на стоянку, расположенную рядом с большим гостиничным комплексом.

— Надолго? — спросил охранник, склоняя голову, чтобы через окно увидеть водителя.

— Дня на три.

Дождавшись, когда охранник закрепит на стеклоочистителе квитанцию и отойдет, Земцов положил на колени толстый черный кейс, с которым он обычно ездил в командировки, поднял крышку и кинул взгляд на вещи, раздумывая, что ему пригодится, а что нет. Первым достал пистолет, выдвинул обойму, посмотрел, все ли патроны, и с щелчком загнал ее в рукоятку. «Дай бог, не пригодится», — подумал он, заталкивая пистолет под куртку, в наплечную кобуру.

Потом вынул из кожаного органайзера почтовый конверт, из него извлек письмо и еще раз, свежим взглядом, перечитал его. Небольшой текст был отпечатан на принтере игривым шрифтом с завитушками, лишь имя Земцова было вписано от руки:

«Дорогой(ая) Серега Земцов! Ты, наверное, удивишься моему письму, но я считаю своим долгом напомнить тебе, что в этом году исполняется ровно пятнадцать лет, как наш дружный 10-й «Б» класс Краснодарской средней школы № 37 навсегда распрощался с учителями и упорхнул в свободный полет. Эту славную дату нельзя оставить без внимания. Потому начинаю готовить нашу встречу по высшему разряду. Наш бессменный комсорг Саша Пирогов разыщет ваши адреса и разошлет письма. А я беру на себя гостиницу, питание и культурную программу. От тебя требуется только твое присутствие. Будет очень хорошо, если ты прихватишь с собой какие-нибудь фотографии, которые помогут нам вспомнить школьные годы. Ждем тебя в гостинице «Ковчег» двадцатого февраля, которая находится недалеко от поселка Эсто-Садок, что в пятидесяти километрах от Адлера. Твой одноклассник — Костя Войтенко».

Земцов вложил письмо в конверт и спрятал его в нагрудный карман. Порядок! Если не думать о работе, выкинуть из головы это письмо, вспомнить далекие школьные годы, то душу начнет щекотать самая настоящая ностальгия по детству, и появится искреннее желание блеснуть перед бывшими одноклассниками своей крутой должностью, и, конечно, проснется любопытство к прежней поклоннице Ирине Гончаровой.

Но он ехал на это мероприятие не ради сентиментальных воспоминаний, вздохов, охов и изрядной выпивки. Он делал карьеру и мысленно молил Бога, чтобы среди его одноклассников не оказалось человека, который бы обратил внимание на одно странное обстоятельство. Костя Войтенко никак не мог организовать эту встречу и «взять на себя гостиницу, питание и культурную программу», он не мог даже распечатать на принтере и отправить письма Саше Пирогову — по той простой причине, что вот уже два года отбывал наказание в колонии усиленного режима, находящейся где-то за Полярным кругом.

— А баксами нет? — спросил охранник стоянки, когда Земцов протянул ему пятисотрублевую купюру. — Курортная зона, мы здесь баксами не брезгуем.

— Баксов нет, — ответил Земцов, машинально раскрывая бумажник.

— Так вон же двадчаточка у вас выглядывает! — заметил охранник. — Давайте двадцатку, сдачу я найду.

— Нет тут никаких двадчаточек, — бросил Земцов, заталкивая бумажник во внутренний карман.

Охранник лишь плечами пожал. Несколько долларовых купюр в самом деле лежали в его бумажнике в отдельной секции. Но это были не совсем простые доллары. Точнее, они когда-то были обыкновенными, а потом в специальной типографии ФСБ на них нанесли невидимую для невооруженного глаза микроскопическую надпись: «КОНТРОЛИРУЕТСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРАРАЗВЕДКОЙ ФСБ».

Глава 5

Курга все слышал, даже не заходя в гостиницу, — так громко ругались между собой администратор и чернобородый молодой человек в светлом, под горло, свитере и короткой дубленке.

— Вы нам срываете мероприятие, понимаете! — кричал чернобородый. Он был маленького роста, узкоплечий, отчего его голова казалась необычно крупной, как у лилипута.

— Еще раз повторяю, — нервно отвечала администратор гостиницы «Ковчег», — все номера заняты, а которые не заняты, те забронированы. За них уплачены деньги, понимаете?

— Так это для нас, наверное, их и забронировали! Кто забронировал, назовите фамилию? — потребовал чернобородый.

— Иванов!

— Не может быть! — безапелляционно заявил он. — Не Иванов, а Войтенко! Войтенко должен был забронировать десять номеров две недели назад. Посмотрите, пожалуйста, заявки.

— Ищите! — коротко ответила женщина и кинула на стол папку. — Здесь все заявки за этот и прошлый год.

Курга сидел на отполированном бревне, приспособленном под скамейку, и искоса наблюдал за входом в гостиницу. «Хоть бы она его турнула скорее! — подумал он. — Какой непонятливый тип попался... Очень удобный момент, никого нет... Хоть бы он сейчас вышел! Хоть бы вышел, и тогда я подойду к нему, и этого никто не заметит...»

— У нас юбилей! — отрывисто выкрикивал чернобородый, перелистывая заявки. — Пятнадцать лет со дня выпуска! Со всей страны приедут люди! У кого работа, у кого семья!

Администратор смотрела в окно и делала вид, что не слышит его.

«Наверное, со стороны заметно, как я трясусь, — подумал Курга и стал рыскать по карманам в поисках пачки сигарет. — Надо взять себя в руки и успокоиться... Еще ничего не произошло. Еще никто, кроме этого Пирогова, не приехал. И вообще, с чего я взял, что она приедет? У бизнесменов

почти не бывает свободного времени. Она могла не получить письма. Или срочно уехала в командировку. Да мало ли какие могут быть причины. И тогда все окажется напрасным... И что — мне станет легче? Неужели я вздохну с облегчением?»

— Ну? Где же заявка этого вашего Иванова? — снова вступил в бой с администратором бородач.

— Он забронировал номера по телефону, — спокойно ответила женщина.

— Что значит — по телефону? — возмутился бородач. — Вот я, живой человек, стою перед вами с живыми деньгами, а для вас важнее телефонный звонок от какого-то Иванова?

— Не кричите. Он все оплатил такими же живыми деньгами.

— Интересно, как он это сделал при помощи телефона? Хотел бы я посмотреть на этот фокус!

«Это большая удача, — подумал Курга, — что мне удалось забронировать все свободные номера по телефону и администраторша не знает меня в лицо. А то прятался бы сейчас в сугробах, как ледокол «Ленин». Он кинул окурок на снег, затоптал его и перевел взгляд на двери гостиницы. Бородач уже не скандалил. Теперь он разговаривал с администраторшей негромко и подобострастно, выясняя, есть ли шансы устроиться внизу, в поселке, а она, удовлетворившись его поражением, великодушно отвечала, что устроиться можно, но десять человек в один дом вряд ли кто возьмет. Он в ответ только покачал головой и с грустным видом вышел из гостиницы, бормоча что-то себе под нос.

«И вот теперь он вцепится в меня, как в спасательный круг», — подумал Курга и уже встал с бревна, чтобы пойти ему навстречу, как вдруг услышал гул автомобильного мотора. Он резко повернулся и быстро зашагал в противоположную сторону, даже не поняв толком, чего именно он так испугался.

Глава 6

Ирину укачало, и она уже собралась просить телохранителя Лешу, чтобы он остановил машину, как вдруг на последнем подъеме, словно из-под земли, стал вырастать большой бревенчатый дом под мощной треугольной крышей, усыпанный чешуйками мансардных окон. Сначала она увидела балконы второго этажа, затем первый этаж, сугробы вдоль расчищенных дорожек, фонарные столбы, скамейки из полированных бревен и подпирающий скалу уютный маленький ресторан. Вокруг, на заснеженных склонах, безмолвствовал дремучий лес.

— Приехали, что ли? — с облегчением произнесла Ирина и прильнула к стеклу.

Черная машина медленно и бесшумно объехала гостиницу и подкатила к входу, где с открытым ртом стоял бородач.

— Боже, это ведь Пирогов! — воскликнула Ирина и хлопнула в ладоши. — Борода! А все остальное прежнее...

Она вышла из машины, натягивая на руки тонкие перчатки из белой кожи, но к Пирогову не спешила, зная, что именно в эти мгновения в его черепной коробке откладываются самые сильные впечатления, но он, эта беспросветная серость и заурядность, не тот человек, перед которым стоило показывать себя во всей красе.

— Ух, ты! — выдохнул Пирогов, не скрывая, что он «в полном отпаде». — Ирка!..

Наконец она соизволила бросить на него взгляд и с усталой радостью произнесла:

— Саша! А я приняла тебя за метрдотеля. Богатым будешь...

— Твоя тачка? — спросил Пирогов, кивая на колеса «лексуса», при этом лицо его все еще излучало беспредельный восторг. — Ну, это вообще...

— Боже, как у меня болит голова, — сказала Ирина, закатила глаза вверх и на секунду коснулась ладонью виска. — Позови кого-нибудь из наших, пусть помогут занести вещи.

Она уже вошла в образ и с нетерпением поглядывала на двери гостиницы. «Где же он? Хоть бы из любопытства вышел, чтобы узнать, кто приехал».

— Давай я помогу! — предложил Пирогов. — Хотя... пока заносить некуда. Тут одна хренотень приключилась...

Курга, прячась за деревьями, наблюдал за этой сценой. «Все-таки приехала!» — подумал он и почувствовал, как страх, который только что с легкостью гасил его волю, бесследно исчез, а на его месте стала вскипать безудержная ненависть. Вот она, эта роскошная женщина, которая существовала как бы в ином измерении, на не достигаемой для него высоте! Вот она, всего в каких-нибудь ста шагах от него! Это о ней он столько думал, когда остался без квартиры, без денег, погрязший в долгах; это ее факсимильная подпись стояла на банкнотах акций, которые в одночасье превратились в бумажки, это ее имя он проклинал, когда лежал на нарах в душном бараке...

Глава 7

Земцов еще издали увидел шумную группу людей у входа в гостиницу. Первым он узнал Андрея Вешнего — по росту и светлым кудряшкам на голове.

Втянув голову в плечи, он прыгал на месте от холода и поочередно подносил ко рту то сигарету, то откупоренную бутылку шампанского. Рядом с ним, сунув руки в карманы шубы, стояла Ирина Гончарова. Федя Белкин со свекольно-бурым лицом размахивал рукой с пластиковым стаканчиком и сиплым голосом пытался привлечь внимание одноклассников, но его никто не слушал. Бородатый Пирогов крутился вокруг группы с бутылкой шампанского, выискивая, кому бы еще подлить. Темноволосая худенькая Люда в белом лыжном комбинезоне заметила Земцова первой и звонко крикнула: «Сережка ползет!» Раскинув руки, она побежала навстречу, с разбегу кинулась ему на шею и, обдав запахом горького парфюма и шампанского, мокро поцеловала его в губы.

— Штрафную ему! — крикнула она и снова схватилась за воротник Земцова, рассматривая его лицо: — Какой мужчинка! А загар! А мужественные морщины! А седина в висках! Упасть и не встать!..

Вслед за ней Белкин тоже кинулся обнимать Земцова.

— Дружище! — возбужденно орал он, хлопая его по спине. — Как давно я тебя не видел!

Пирогов протянул Земцову руку для пожатия, но его оттолкнул подскочивший Андрей. В расстегнутой куртке, с нелепо намотанным на шею шарфом, он схватил Земцова за уши, притянул к себе его голову и громко поцеловал в лоб:

— Ах, Зема, Зема! Люблю я тебя, сукиного сына, несмотря ни на что...

Земцов приблизился к Ирине, которая делала вид, что не замечает его, и произнес:— Здравствуй, Ира! — А про себя невольно подумал: «Надо же, какая крутая стала!»

— Ой, привет! — ответила она, будто и впрямь увидела Земцова только что, и, прижав трубку мобильного к уху, подала ему знак рукой, мол, прости, надо поговорить.

— Кого еще ждем? Где великий комбинатор Войтенко? — громко, нараспев, проговорила хмельная Люда. — Где Вацура?

— Господа, господа! Тут одна хренотень приключилась... — пытался разъяснить ситуацию Пирогов, но его по старой привычке никто не слушал.

— Извини, — закончив разговор, небрежно бросила Ирина Земцову, — надо было срочно дать указание своему представителю в Нью-Йорке... Пойдем, посидим в моей машине, заодно и выпьем за встречу.

— Насколько я понял, ты преуспеваешь в бизнесе, — улыбнулся он, наполняя бокалы темным коньяком, когда они устроились на заднем сиденье.

— О каком преуспевании сейчас можно говорить? — вздохнула Ирина. — Сейчас в бизнесе, как в космонавтике: главное, вовремя избавиться от отработавшей ступени... А ты как? Кем работаешь? Наверняка успел

сколотить себе крупное состояние, живешь в особняке, катаешься на «мерседесе», отдыхаешь на Мальдивах? Я даже не представляю, что такой баловень судьбы, как ты, может жить иначе.

— Что ты, Ириша! Какой «мерседес», какие Мальдивы? Коммуналка в «хрущевке», старый «Москвич» и отдых на шести сотках рядом с городской мусорной свалкой.

Она рассмеялась, взяла Земцова за чуб и посмотрела на него своими темными глазами:

— Ах, Земцов, Земцов, ты такой же забавный, каким и был!.. Леша! — обратилась она к телохранителю. — Выпьешь с нами?

— Извините, Ирина Юрьевна, — ответил тот. — Не могу себе позволить. Дорога, сами знаете, какая.

— Познакомься, — снова повернулась она к Земцову. — Это мой телохранитель Леша.

Вешний и Белкин изображали танец маленьких лебедей. Три прыжка влево, три прыжка вправо, и при этом орали пионерский девиз:

— Не можешь — поможем! Не хочешь — заставим! Позорить отряд не дадим!

— Уже уединились! — воскликнула Люда, глядя на сидевших в машине с бокалами в руках Земцова и Ирину. — Пьют что-то втихаря! Эй, все сюда! Тут что-то вкусненькое наливают!

Земцов вышел, предлагая Люде свое место, но та, поймав выразительный взгляд Ирины, отрицательно покачала головой:

— Что ты! Что ты! Нарушить ваше воркование? Ни за какие коврижки!

— Не могу понять, кого мы ждем? — вдруг нервно произнесла Ирина. — У меня уже ноги замерзли!

— Послушайте же меня! — сделал еще одну попытку обратить на себя внимание Пирогов. — Эта гостиница отпадает! Надо искать другую! Такая вот хренотень приключилась...

— Это еще какую другую? — возмутился Вешний. — Ты, промокашка, на что нас толкаешь?

— Да это не я толкаю! Войтенко должен был забронировать десять номеров, а их почему-то забронировал какой-то Иванов.

— Ничего не понимаю! — недовольно проговорила Ирина. — Какой еще Иванов? Где наши номера?

«Похоже, что никто из них не знает, где сейчас Войтенко», — подумал Земцов и спросил вслух:

— Кстати, а где он сам? Кто-нибудь его видел?

— Я получила от него письмо, — ответила Люда.

— Я тоже! — выкрикнул Белкин и сунул руку в отвисший карман.

— Это понятно, — заметила Ирина. — Войтенко прислал каждому из нас письмо и, если не ошибаюсь, с одним и тем же текстом.

— Что касается меня, господа, — вставил Вешний, — то из этой гостиницы я никуда не пойду. У меня здесь назначена встреча... Эй, юное дарование! — обратился он к Пирогову. — Ты взялся все организовать?

— Почему я? — захлопал глазами Пирогов и на всякий случай попятился. — Я только разослал каждому из вас письма, потому что у Войтенко не было ваших адресов. И сюда приехал раньше всех по чистой случайности. Обратился к администраторше, а она мне сказала, что никакого Войтенко не знает, и все номера уже заняты.

«Раньше всех сюда приехал я», — подумал Белкин, но поправлять Пирогова не стал, иначе ему пришлось бы путано врать, объясняя, где он провел минувшую ночь. Не признаваться же, что он ночевал в котельной соседней турбазы.

Глава 8

— Организаторы! — едко усмехнулась Ирина. — Такой простой вопрос решить не смогли! Самой, что ли, пойти искать свободные номера?

Она повернулась к телохранителю.

— Леша! Сходи, узнай, в чем дело... Детский сад какой-то!

— Где же мы будем ночевать? — спросила Люда.

— Предлагаю построить в лесу шалаш! — сказал Белкин и пнул ногой картонную коробку из-под шампанского, дабы узнать, осталось ли там что-нибудь.

— Надо дождаться Войтенко, — изрек Пирогов, нагнав морщин на лоб. — Должно быть, он опаздывает.

— А что твой Войтенко сделает? — скривился Вешний. — Отыщет свободные номера? Или договорится с администраторшей, чтобы она разрешила нам занять диван в холле?

Из гостиницы вышел телохранитель. Покачивая массивной бритой головой, он приблизился к Ирине:

— Все номера заняты. Заявки от Войтенко не поступало.

— О господи! — вздохнула Ирина, закатила глаза и снова взялась за соловый. — Ничего не могут... Какой у Войтенко номер телефона? Кто знает?

Земцов вопросительно взглянул на Пирогова:

— Наверное, ты должен знать.

— У него нет телефона, — не задумываясь, ответил тот. — Я знаю только адрес, где он работает.

— Называй адрес, — сказала Ирина. — Сейчас я узнаю телефон.

— Ненецкий автономный округ, город Нарьян-Мар, шестой вахтовый поселок. Только искать номер телефона бесполезно. Связаться с зимовщиками можно только из Нарьян-Мара и только по радиостанции.

Ирина отключила телефон и, срывая раздражение, кинула его на сиденье.

— Тогда ищите другую гостиницу! Не стойте, делайте что-нибудь! Организаторы хреновы...

— Значит, из этого шестого вахтового поселка он прислал тебе стопку писем для нас? — многозначительно произнес Земцов.

— Конечно, откуда же еще, — подтвердил Пирогов. — Зимой он на вахте, а летом приезжает в Краснодар. Такая работа. — И уточнил: — Нефть качает.

— И на конверте стоял штампель Нарьян-Мара?

— Да какой там штампель! Если бы он это письмо по почте отправил, то я бы его только к лету получил. Он его с кем-то из своих нарочным отправил. Мне конверт прямо в ящик бросили.

— И что Войтенко тебе написал? — спросила Ирина.

— Да так, лабуда всякая... Что получил премиальные, что ему дали две недели отпуска, что он едет на Большую землю и хочет собрать одноклассников.

— Значит, отпуск ему не дали, — решила Люда. — Поторопился он с письмами, конечно.

— Поторопился! — повторила Ирина и сердито трянула головой. — У меня дел выше крыши, через неделю начнется обвал акций на компьютерном рынке, а я тут сижу и жду неизвестно чего!

— Так тебя здесь никто не держит, — подмигнула ей Люда.

— Милая моя, я сама разберусь, держат меня здесь или не держат, — процедила сквозь зубы Ирина.

За всеми этими хмельными препирательствами и суетой никто не заметил, откуда появился неприметный мужчина средних лет в спортивной шапочке, черной куртке с капюшоном, с серыми небритыми щеками.

— Извините, — сказал он, не зная, к кому конкретно обратиться. — Если не ошибаюсь, у вас проблема с гостиницей?

— А вы кто? — прищурившись, спросил Вешний. — Вы хорошо подумали, прежде чем подойти к нам? Вы знаете, какими последствиями для вас может обернуться ваше любопытство?

Кажется, мужчина в спортивной шапочке всерьез заинтересовал только Ирину.

— Что вы хотите нам предложить? — спросила она.

— Очень уютный дом, — торопливо стал объяснять незнакомец, повернувшись к ней. — Недалеко отсюда и недорого. Очень живописное место, уверяю вас. Рядом водопад, скала «Чертов палец»...

— Что это? — перебила его Ирина. — Гостиница, частный дом?

— Охотничий приют, — пояснил незнакомец. — Обогрев камином, родниковая вода, есть кухня...

— А вы кто?

— Я — арендатор. Сейчас на правах хозяина.

— Нам на пару дней, — сказала Ирина и обвела взглядом группу, словно хотела спросить, нет ли возражений.

— Пожалуйста, пожалуйста, — согласно закивал незнакомец. — Хоть на пару дней, хоть на неделю.

— Садитесь в машину, показывайте, куда ехать. Я посмотрю, и, если мне понравится, тогда уже заберем группу.

— Нет, на машине туда проехать невозможно, — отрицательно покачал головой мужчина. — Во-первых, там заповедная зона, кругом лес, а во-вторых, единственная просека сейчас засыпана снегом — грейдер еще не работал.

— Что ж получается? Туда пешком идти надо?

— Почему пешком? Я туристов на санях туда вожу.

— А сани лошадь потащит?

— Нет, — улыбнулся он. — Снегоход.

— Мы подумаем, — немного помолчав, проговорила Ирина.

— Конечно, конечно! — закивал мужчина.

— Не нравится мне все это, Ирина Юрьевна, — повернулся к ней телохранитель.

— И мне не нравится...

Глава 9

Тем временем Земцов выяснял у хозяина охотничьего приюта, сколько человек обслуживают этот объект, надежно ли он защищен от посягательств воров, есть ли там телефон.

— Что вы, какие воры! — вытирая струящийся по лбу пот, ответил хозяин. — Там совершенно дикие места. Телефона, к сожалению, нет. А обслуживаю клиентов я: истопник, повар и слуга в одном лице.

— А где сани? — поинтересовался Земцов.

— Надо подняться чуть выше, к просеке, — сказал мужчина и махнул рукой в сторону леса.

Тут между ними втиснулся Вешний. Проливая из стаканчика какое-то пойло, он по-свойски опустил руку на плечо хозяина и приказал:

— Пей, а то убью!

Не ожидавший такого наскока хозяин не сразу нашелся, что ответить.

— Спасибо, я не пью.

— А в лоб хочешь?

— Отстань от него, — заступился за трезвенника Земцов. — Ему сегодня надо быть в форме... Ну, что там притихла наша первая леди?

Он, конечно, имел в виду Ирину, которая сидела в наглухо закрытой машине. За тонированными стеклами нельзя было разглядеть, как она протянула телохранителю телефонную трубку и сказала:

— Первое: сочинское лесничество. Просишь телефон управления Кавказского заповедника. Там интересуешься арендой охотничьего приюта в районе поселка Эсто-Садок. Если скажут, что в данный момент он занят, попросишь назвать фамилию нынешнего арендатора, чтобы, дескать, решить с ним вопрос о переуступке прав на аренду... Запомнил?

— Запомнил, Ирина Юрьевна.

Пока телохранитель занимался телефоном, Ирина смотрела через стекло на то, как под воздействием выпитого шампанского ожили, засуетились, стали совершать нелепые и бессмысленные движения люди, с которыми она провела большую часть своего детства. Она думала о том, что жизнь этих людей напоминала выстрел дробью из ружья: сначала они были все вместе, одинаковые, в пионерских галстуках и школьной униформе, похожие друг на друга наивностью и чистотой помыслов. Выпуск, как выстрел, кинул их в долгий полет по жизни. И чем дольше они летели, тем сильнее рассеивались, дистанцируясь друг от друга; кто-то выбрал цель не по силам и, достигнув ее, расплющился, кто-то продолжает полет — бесцельный, бессмысленный, на исходе энергии...

— Готово! — отвлек ее от мыслей Алексей. — Фамилия арендатора — Курга, зовут Иваном.

Ирина положила на колени черный плоский футляр с широкой лямкой, раскрыла «молнию» и вынула изящный ноутбук, напоминающий большую пудреницу. Подняла экран, запустила загрузку, затем открыла файл под именем «Вкладчики». Пробежала пальцами по клавишам и стала ждать, пока машина проверит наличие заданной фамилии в своей гигантской памяти. Прошло несколько секунд. Ноутбук пискнул, и на экране развернулся зеленый квадрат.

— Я как чувствовала, что он наш, — усмехнулась она, глядя на экран. — Курга Иван Георгиевич, год рождения тысяча девятьсот шестьдесят пятый. В девяносто шестом вложил в «Титан» тридцать пять тысяч долларов под семьсот процентов годовых. Он хотел, ничего не делая, через год получить двести сорок пять тысяч баксов. Двести десять тысяч чистой прибыли!

— Думаете, он появился здесь не случайно? — спросил телохранитель.

— Леша! — менторским тоном произнесла Ирина. — У меня такая бешеная интуиция, что я порой боюсь саму себя.

— Почему же? По-моему, это очень хорошее качество — тонкая интуиция. И все же вот что я вам скажу, Ирина Юрьевна, надо уматывать отсюда. Даже если этот тип не вынашивает никаких планов относительно вас, то все равно лучше не испытывать судьбу и прислушаться к интуиции.

— Нет, — покачала головой Ирина. — Нет, Леша, я не могу просто так уехать и не получить удовольствия. Один раз я уже наказала этого Кургу за жадность, и мне страшно хочется наказать его снова. Ты только посмотри, как он все продумал и подготовил, какую очаровательную сеточку сплел для меня. Наверное, полгода вынашивал план, как бы меня в нее заманить.

— А вдруг это не так? — с сомнением спросил телохранитель. — Может, это простое совпадение, и человек действительно хочет устроить нас в охотничий приют? Разрешите мне, и я припру его к стене и выбью из него правду! Если он ни в чем не виноват, я извинюсь.

— Не хочу! — ответила Ирина и схватила Лешу за руку, словно опасаясь, что телохранитель сейчас же приведет угрозу в исполнение. — Во-первых, я не думаю, что Курга признается в своих намерениях совершить криминал. А во-вторых, наверняка заявит в полицию, и мы, как дураки, будем объясняться перед участковым инспектором. Не надо мешать, пусть все идет своим чередом. Если Курга собирается сыграть со мной по-крупному, то я с удовольствием приму его вызов.

— Вы авантюристка, Ирина Юрьевна.

— Если бы я не была авантюристкой, милый мой, то мало чем отличалась бы от этих глупых людей, которые сейчас прыгают по снегу... Давай-ка для начала проверим этого Кургу на вшивость.

Она удобнее устроила ноутбук на коленях и через пароль вышла на сервер отдела внутренних дел. Пароль менялся каждую неделю, но у Ирины был свой человек в информационном центре, имеющий доступ к серверу. Из этого компьютерного банка информации она получала различные сведения о сотрудниках, которых она принимала на работу, а также о конкурентах и других интересующих ее лицах. В считанные минуты могла узнать о любом человеке все: адрес его жительства, состав семьи, место работы, наличие судимости, и состоит ли он на учете в психоневрологическом диспансере.

— Очень хорошо, — произнесла Ирина, глядя на экран. — В девяносто седьмом году был осужден районным народным судом города Краснодара по статье сто шестьдесят один части первой: вымогательство под угрозой уничтожения чужого имущества.

— Я помню это дело, — задумчиво проговорил Леша. — Это тот самый шизик, который терроризировал нашу кассиршу в пункте продажи акций.

— А-а-а! Вспоминаю! Кажется, он грозился взорвать наш офис, если кассирша не вернет ему его деньги?

— Совершенно точно.

— Ну, вот и встретились. Ты уже не сомневаешься, что этот Курга намерен опять затянуть старую песню о главном?.. Ладно, посмотрим, что у нас еще есть о нем... — Она стала щелкать пальцем по клавише, «перелистывая» виртуальные страницы. — Получил два года лишения свободы. Наказание отбывал на зоне общего режима в Мордовии... Состав семьи: был женат, но в девяносто седьмом году развелся...

— Наверное, жена ушла, как его посадили в СИЗО, — предположил Леша.

— Очень может быть, очень может быть... Детей нет. Из ближайших родственников числится сестра Вера, семьдесят пятого года рождения, незамужняя... Проживала вместе с братом в двухкомнатной квартире по адресу... Так, квартира приватизирована и продана Кургой и его сестрой через риэлторскую фирму «Гарант».

— Все ясно, деньги от квартиры они вложили в наши акции, — сказал Леша, вскрывая упаковку с ментоловыми таблетками.

— Что ж он такой жадный? — произнесла Ирина, просматривая информацию о прежних местах работы Курги. — Продал квартиру, начал с сестрой бомжевать, и все ради личной корысти... До чего же ленивый у нас народ! Готов маму родную под проценты продать, лишь бы не работать! В общем, так. Вызывай Марата, Глобуса и Джона. Расшибитесь в лепешку, но найдите эту Веру! Не думаю, что она где-то далеко от братца. Я поеду с этими козлами (она кивнула на Белкина и Вешнего, которые боролись в сугробе) в охотничий приют.

— Ирина Юрьевна! — возмущенно воскликнул Леша.

— Молчи! — оборвала она его. — Внимательно слушай, что я тебе говорю. Я буду звонить тебе через каждые два часа. Если вдруг не выйду на связь или же начну говорить тебе какую-нибудь ерунду про большую сумму денег, которую ты должен будешь привезти Курге, — не спорь, соглашайся и немедленно прячь эту девку в какой-нибудь надежный подвал. Пусть ребята ее как следует обработают, а потом сфотографируют в таком виде, чтобы у Курги не возникло никаких вопросов. Фотографию по факсу отправь мне на ноутбук. Я покажу ее Курге, а потом начну вить из него веревку.

— Рискованно, — наморщил лоб Леша. — Мы не знаем, насколько Курга дорожит сестрой. Может, она ему до фени?

— Брат и сестра, — вздохнула Ирина. — Оба сироты, детдомовцы, росли вместе. У этого Курги никого больше нет, кроме сестры, — ни жены, ни детей, ни родителей. Да он наверняка трясется над ней, как мать над ребенком...

— А «братков» зачем привлекать, Ирина Юрьевна? Вы меня обижаете. С девчонкой я уж как-нибудь сам справлюсь.

— Курга и его сестра — это мелочь, две полудохлые мышки для забавы, — ответила она. — Меня больше интересует Земцов. Никак не могу поставить его на колени... Ни тогда, в школе, ни сейчас. Но мое терпение лопнуло. Я заставлю его лизать себе сапоги...

Глава 10

Никто не заметил, как Земцов отошел от группы, приблизился к двери ресторана, прочитал расписание работы, а затем неторопливо, как бы гуляя в задумчивости, стал подниматься по заснеженному склону. Вскоре деревья закрыли коричневую крышу гостиницы, утихли возбужденные голоса одноклассников. Подъем закончился на неширокой просеке, где стоял снегоход с закрепленными на жестком буксире санями.

Земцов подошел к саням, на которых лежало утрамбованное сено, пощупал его в нескольких местах, потом осмотрел снегоход, проверил, много ли бензина в бачке и что лежит в нише под сиденьем.

Когда он спустился вниз, Ирина выясняла у Пирогова:

— Кто еще должен подъехать?

— Войтенко, Вацура...

— Оставь для них записку у администратора, чтобы добирались до охотничьего приюта самостоятельно, — распорядилась она. — А мы ждать больше не можем.

— Администраторы меняются каждый день, — негромко подсказал ей Курга, — и записка может затеряться. Лучше предупредить кого-нибудь из работников ресторана — они работают бесменно.

— Предупреди, — кивнула Ирина на вопросительный взгляд Пирогова и, раскрывая бумажник, добавила: — Заодно закажи чего-нибудь вкусенького на праздничный ужин: копченой колбаски, жареных кур, шашлыков, водки, шампанского...

— Скидываемся? — подходя к ним, спросил Земцов. — Сколько надо денег?

— Нисколько, — ответила она. — Я угощаю.

— Я тебе помогу, — вызвался Белкин, глядя на Пирогова, и они, сев в машину, отправились в ресторан.

Вернулись быстро, и Белкин с Пироговым начали вытаскивать из «лексуса» коробки, ставя их прямо на снег.

Земцов тут же сунул в рот два пальца и пронзительно свистнул, подзывая всю компанию, и скомандовал:

— Господа! Пора! Отчаливаем!

— Есть! — ответил Пирогов, попытался щелкнуть каблуками, но поскользнулся и чуть не упал вместе с пакетами на снег.

Мимо него со спринтерской скоростью промчался Вешний, за ним, словно хвост, волочился конец шарфа.

— И мне место займи! — крикнула ему вдогонку Люда.

Ей было жарко, и она расстегнула куртку. Волочась вслед за компанией, она вдруг заметила телохранителя Ирины. Рослый детина в длинном пальто стоял за стволом платана и думал, что его никто не видит. Для его широких плеч даже могучее дерево оказалось тонковатым.

— Вы меня извините, — подошла она к нему и очаровательно улыбнулась: — Можно воспользоваться вашим мобильным телефоном? Мне срочно надо позвонить, а я свой забыла...

Алексей молча сунул руку в нагрудный карман, вынул оттуда мобильник и нажал на кнопку.

Люда набрала рабочий номер мужа — в это время он мог находиться только в офисе.

— Анатоль, я добралась, — сказала она усталым голосом, мгновенно войдя в нужную роль. — Что тебе сказать? Бабуля, конечно, весьма плоха. Лежит, ничего не ест. Три дня, как минимум, я должна побыть с ней.

— Ты откуда звонишь? — спросил муж.

— Из райцентра. Здесь, на рыночной площади, новый вид услуг открыли. Ушлые ребята с мобильником. Минута разговора — три доллара. Пришлось воспользоваться, чтобы ты не волновался...

Она вернула трубку Леше и от стыда за свою ложь даже не поблагодарила его. Опустив глаза, быстро побежала к лесу, где за деревьями уже скрылись ее одноклассники.

Алексей проводил ее взглядом, затем взглянул на дисплей трубки, где сохранился код и номер телефона, по которому она звонила, и переписал их в органайзер. Затем нажал на клавишу памяти и приложил трубку к уху. Аппарат воспроизвел запись последних тридцати секунд разговора.

Глава 11

Вешний лежал в изголовье саней, словно покойник, сложив руки на груди. Белкин, уже не пряча бутылку водки, пристроился с ним рядом, Ирина села с краю, свесив ноги. Она подняла воротник шубки и обняла одной рукой свою объемистую сумку. Пирогов, дабы не потеряться среди своих высокорослых одноклассников, встал на колени, крепко ухватившись ру-

ками за продольные жерди. Земцов, то ли ожидая Люду, то ли выбирая, где бы пристроиться, ходил вокруг саней с бессменной улыбкой, переговаривался с Ириной и тайно проверял сани.

«Самое трудное — это ждать начала, — думал Курга, оседлав снегоход и обернувшись. — А сейчас я спокоен. Потому что прекрасно знаю, что буду делать. И знаю, что у нас все получится. Эту пьяненькую компашку мы будем выжимать, как половую тряпку. Хорошо, что телохранитель Ирины остался внизу. Если бы этот бугай поехал с ней — мне бы хана. А без него она — все равно, что кошка. Во всяком случае, оружия у нее в сумке нет. Это везение, что здесь не оказалось нормальных мужиков. Этот рыжий в длинном шарфе, конечно, сорвиголова, но слишком влюблен в себя, чтобы лезть на рожон и совершать необдуманные поступки. Грязный бомж, который все время вьется вокруг него — вообще пустое место, особенно если учесть его соседство с ящиком водки... Бородач, конечно, мужик активный и может совершить какую-нибудь глупость, чтобы вырасти в глазах одноклассников, но это будет в большей степени фарс, чем реальное сопротивление. Ну, с Земцовым все понятно. Впрочем, мне кажется, что он сейчас мучительно решает, кому отдать предпочтение — Люде или Ирине. Впереди ночь, как-никак...»

Люда подошла к саням, в буквальном смысле высунув язык, и упала на руки Пирогова. На краю саней пристроился Земцов и махнул Курге рукой. Затарахтел мотор, и снегоход рванул по снежной целине, волоча за собой сани.

«Не надо торопиться, — думал Курга, стараясь на почтительном расстоянии объезжать кусты, чтобы ветками не посекло лица гостей. — Пусть они расслабятся, а я окончательно свыкнусь с тем, что должен сделать... Вера говорит, что, когда я волнуюсь, у меня глаза становятся круглыми, и тогда я напоминаю сову. Интересно, какие сейчас у меня глаза?»

Он прибавил скорости. Полозья саней стали с хрустом резать снежный наст. В воздух полетела мелкая снежная пудра, и гости закричали от восторга. Снегоход тащил сани по огромной дуге, взбираясь все выше по пологому склону. Земцов поглядывал на солнце, которое уже коснулось края гор. «Курга нарочно закладывает петли, — решил он, — чтобы путь до охотничьего приюта всем показался намного длиннее, чем есть на самом деле. Однако до темноты хотелось бы уже быть на месте».

И тут между стволов деревьев показался высокий частокол из просмоленных сосновых стволов, из-за которого выглядывала крыша крепкой двухъярусной избы. Сбавив ход, Курга подъехал к мощным воротам, на которых висел амбарный замок, и заглушил мотор.

Стало необыкновенно тихо.

— Здесь, наверное, волки стаями шастают? — предположил Вешний. Он взвалил на плечо сумку Ирины и первым зашел во двор.

— Заповедник, — уклончиво ответил Курга, притаптывая у ворот снег, чтобы пошире раскрыть створку. — Всякая живность водится.

— А я слышал, что в этих местах бродит медведь-людоед, — сказал Пирогов.

— Очень приятно! — отозвалась Люда, которая, как и Ирина, все еще сидела на санях, очарованная величием природы и тишиной. — Ты не мог об этом сказать внизу?

— Надо ухо держать востро, — посоветовал Белкин, хватаясь за ящик, — и приглядываться к следам.

— Следов тут тьма-тьмущая, — ответил Пирогов, глядя себе под ноги. — И птичьи, и заячьи.

— И человечьи, — добавил Вешний, опуская сумку на снег. — Эй, шеф! Кто здесь топтался?

Курга, прекратив бороться со створкой, крепко застрявшей в снегу, пошел по сугробам к Вешнему.

— Где? — спросил он, глядя туда, куда показывал палец Вешнего. — Да это ж мои следы! Я утром в доме все печи протопил.

— Да? — исподлобья глядя на хозяина, недоверчиво протянул Вешний. — А вот эти, поменьше, чьи?

— Да какая разница! — проворчал Белкин. Андрей мешал ему пронести во двор коробку, вдобавок отвлекал народ от подготовки к важному мероприятию.

— Не надо! — погрозил пальцем Вешний то ли Белкину, то ли Курге. — Это следы женских ножек. Меня на этом деле не проведешь. Эй, любитель нетрудовых доходов! Кто здесь бродил?

— Не знаю, — пожал плечами Курга, мельком взглянув на следы, и засуетился: — Прошу в дом! Я сейчас объясню, где что находится. Туалет с той стороны дома. Эта пристройка — кухня, за ней баня...

— Пойдем, — сказал Земцов Андрею и тронул его за плечо. — Посмотрим баню.

— Черт с ней, с баней! — взмахнул рукой Вешний. — Я хочу получить вразумительный ответ: кто здесь ошивался? Я, между прочим, жду даму. Может быть, это она здесь скакала от холода?

— Вы на ночь запираете ворота? — спросила у Курги Ирина.

— Обязательно.

— Изнутри?

— Конечно. Если я запру снаружи, то как потом зайду внутрь?

— При помощи лестницы, — подсказала Ирина и, приподняв полы шубы, зашла во двор.

— Здесь нет лестницы, — вдогонку ей ответил Курга, но она, скорее всего, его уже не слышала.

Глава 12

Вешний первым зашел в большую комнату с камином, стены которой украшали чучела животных и птиц. Обходя круглый обеденный стол и рассматривая голову кабана с загнутыми кверху клыками, пристроенную над зеркалом, он спросил:

— А где мои апартаменты?

Следом за ним вошла Ирина и тотчас села на диван.

— Как я устала! — объявила она. — Который час? Сумку подай, пожалуйста!

Пирогов занес коробку с провиантом и, поставив ее на стол, заметил:

— Нет худа без добра. Здесь, по-моему, намного лучше, чем в гостинице. Если припоминаете, я первый согласился сюда ехать.

— Саша, — умирающим голосом произнесла Ирина. — Спроси у хозяина, сколько мы ему должны. Я рассчитаюсь... И вообще, где он?

— Слушаю вас! — отозвался Курга, заходя в комнату с коробкой шампанского.

— Надо растопить камин! Это первое. Второе: где моя комната?

— Здесь всего две комнаты на втором этаже, — ответил Курга. — Одна мужская, другая женская.

— Вот как? А почему вы сразу об этом не сказали? Я бы сюда не поехала... Надо же, всего две комнаты! Надеюсь, посуды у вас достаточно, или тоже всего две тарелки — одна мужская, а другая женская?

— Тарелок достаточно, — ответил Курга и снова вышел из дома.

— Я, например, могу спать в бане, — сказал Белкин, снимая пуховик и оставляя его на полу в прихожей.

— Правильно, — кивнул Земцов. — А Андрей с Пироговым могут спать здесь, на этом диване.

— Что?! — вспылил Вешний. — Прошу не указывать, где мне спать. И вообще, я привык спать с женщиной.

— Он просит триста долларов в сутки, — тихо сказал Пирогов, приблизившись к Ирине. — Я уже подсчитал. Выходит по пятьдесят баксов с носа. По-моему, это слишком круто...

— Земцов! — громко позвала Ирина, чтобы привлечь внимание всех. — Отдай хозяину шестьсот долларов за двое суток, я потом тебе верну, мне далеко за кошельком лезть.

— А почему Земцов? — простодушно спросила Люда, поправляя прическу у зеркала под кабаньей головой. — Мы сейчас все скинемся.

— Не надо! — протяжно произнесла Ирина и покачала головой. — Я так решила. Пусть это будет моим подарком вам.

— Вот это широта души! — первым оценил щедрость одноклассницы Белкин. Когда он услышал про шестьсот долларов, то сразу поделил эту сумму на шесть человек и подумал: «Ни хрена себе! Да на такие бабки я месяц пить могу!»

— Хорошо, — ответил Земцов и сунул руку в нагрудный карман куртки. — Сколько это будет в рублях по курсу?

— А разве у тебя нет валюты? — скривилась Ирина. — Рубли, рубли... Я уже забыла, как они выглядят, эти «деревянные».

— Чего мы ждем? — не вытерпел Белкин и стал решительно раскурочивать крышку коробки с провиантом. — Где тут тарелки и стаканы?

— Я хочу немного отдохнуть, у меня разболелась голова, — проворчала Ирина. — Где эта женская комната, будь она неладна? Андрей! Проводи меня, пожалуйста! Да-да, и сумочку прихвати...

— Вот рюмки! — сказал Пирогов, кивая на антикварный буфет. — Я первый нашел!

— Без нас не начинать! — предупредил Вешний, взялся за сумку Ирины и первым стал подниматься по скрипучей деревянной лестнице.

— Начинайте, не ждите, — разрешила Ирина и мельком взглянула на Земцова.

Люда взялась сервировать стол, хотя валилась с ног от усталости. Пирогов присел у камина, соображая, как разжечь огонь. Земцов ходил из угла в угол, поглядывая в зарешеченное темнеющее окно. Белкин задремал, сидя на диване и высоко запрокинув голову. Со второго этажа не доносилось ни звука.

Хлопнула входная дверь. В гостиную вошел Курга. Лицо его было растерянным.

— Я прошу прощения, — сказал он. — Кто-то из вас поспешил закрыть ворота на замок, а я еще не загнал снегоход во двор. Будьте добры, дайте мне на минуту ключ.

Люда, не обратив внимания на его слова, продолжала молча резать курицу на крупные куски. Земцов, вскинув брови, оглядел комнату, словно хотел спросить: «Кто это среди нас такой самовольный?» Пирогов, все еще сидя на корточках перед камином, не оборачиваясь, сказал:

— Это не я.

— Может, у Белкина? — предположил Земцов и, подойдя к нему, потряс за плечо.

Белкин открыл глаза, посмотрел на него дурным взглядом, зашевелился и зачем-то попытался встать.

— Ключ у тебя? — спросил Земцов.

— Какой ключ? — плохо соображая, переспросил Белкин.

— От ворот. Ты их закрывал?

— От каких ворот?

Курга терпеливо ждал. Снег на его ботинках быстро таял, и он уже стоял в лужице.

— Будь другом, — сказал Земцов, взглянув на Пирогова. — Поднимись наверх, спроси у Ирины и Андрея.

— Лучше ты сам сходи, — предложила Люда, облизывая пальцы, выпачканные в курином жире. Она сама не поняла, почему попросила Земцова подняться наверх. Может быть, подсознательно хотела, чтобы он переключил свое внимание на нее, убедившись, что Ирина уже занята?

Глава 13

Поднявшись на второй этаж, Вешний очутился в узком коридоре под скошенным потолком. Он толкнул ногой первую дверь, заглянул в комнату и решил оставить ее для мужской половины — там было штук шесть кроватей. Вторая комната, вплотную примыкавшая к торцевой стене, оказалась намного меньше. Андрей зашел туда и опустил сумку на пол. Тусклого света, идущего из коридора, было достаточно, чтобы разглядеть две аккуратно застеленные кровати, между которыми блестел полированной поверхностью журнальный столик, большой платяной шкаф, да зашторенное маленькое окошко в форме полукруга, разделенного паутиной реек.

— Ты где? — послышался из коридора тихий голос Ирины.

Не отвечая, Вешний быстро и бесшумно скинул ботинки, лег на кровать и замер. Через прикрытые веки он увидел, как Ирина встала в дверном проеме, всматриваясь в темноту, а затем несмело шагнула в комнату. Подойдя к кровати и склонившись над Андреем, позвала:

— Эй, дружок! Ты что, спать надумал?

Вешний тут же ловко ухватил ее за плечи, притянул к себе и стал жадно целовать в шею, путаясь в ее волосах и меховом воротнике. Ирина не удержалась и расхохоталась:

— Да ты совсем пьян. Давай-ка, вставай, тебе надо выпить кофе.

Андрей что-то промычал и поднялся с кровати. Едва он подошел к двери, как она взяла его за руку и тихо произнесла:

— Подожди, я хочу тебе сказать... Точнее, попросить...

— Ну? — с готовностью ответил Вешний.

— Ты же помнишь — в школе Земцов был в меня влюблен... А я его на дух не переношу. Но он как слепой — подкатывает ко мне с какими-то глупыми намеками. Мальчишка! Я тебя очень прошу, ты своим поведением как-то дай ему понять, что у него нет никаких перспектив, что он опоздал. Ладно?

Андрей молча развел руками, мол, о чем речь!

— И еще, — ласково посмотрела на него Ирина. — Я, конечно, не подумала, сказала это сгоряча... В общем, я попросила его заплатить хозяйину — мой кошелек лежал на самом дне сумки, надо было долго искать. А потом подумала, что Земцов такой гордый и упрямый, что наверняка откажется взять мои деньги. Это для него будет ударом по самолюбию. Но я не могу позволить, чтобы он расплатился за всех нас. Шестьсот долларов — слишком большие для него деньги. Меня потом совесть заест, понимаешь?

— Угу.

— Так что сделай доброе дело: незаметно опусти в карман его куртки этот конверт. Куртка, по-моему, висит в прихожей. — И Ирина вложила в руку Андрея пухлый сверток.

— Почему так много? — спросил он, взвешивая сверток на ладони.

— Это не много, — усмехнулась Ирина. — В общем, так надо.

— Ноу проблем, — согласился Андрей, заталкивая сверток в карман, и вышел из комнаты.

Выпроводив его, Ирина повернула в замке ключ, склонилась над сумкой и стала выкладывать на столик ноутбук, сотовый телефон, саквояж. Чувство гнева по-прежнему клокотало у нее в душе. «Негодяй! — думала она о Земцове. — Самовлюбленный дегенерат! Он опять вздумал издеваться надо мной, заигрывая с Людкой, с этой потрепанной куклой!»

Она подошла к зеркалу и внимательно рассмотрела свое лицо. Все-таки пора ложиться под нож хирурга-косметолога. Без подтяжек никак не обойтись. Надо убрать намечающийся второй подбородок, сгладить мешки под глазами и немного подкорректировать нос. Говорят, прекрасные косметологи работают в швейцарском институте красоты.

Да, время летит быстро и незаметно... А какими они были в юности! Взять того же Земцова. Самый красивый мальчик в классе, может быть, и во всей школе. Высокий, спортивный, с удивительно приятным голосом, не по возрасту начитанный, кандидат на золотую медаль. А какие родители! Его отец в ту пору работал в театре, мать — в «Интуристе». Картинка! Учителя по профессиональной привычке повторяли мифическую глупость менторским тоном: «Все девчонки из десятого «Б» сохнут по Сереже Земцову». И вовсе не все. Далеко не все. Потому что в то время сохнуть по Земцову было почти равносильно тому, как сегодня сохнуть по Леонардо ди Каприо. Земцов был недостижимой звездой и прекрасно знал себе цену. Одноклассник он вообще не замечал. Ходили слухи, что он общался с молодыми актрисами из драмтеатра, где его отец был главным режиссером.

Ирина тоже шла на золотую медаль, тоже училась легко, каждый год побеждая на математических олимпиадах, и тоже знала себе цену, хотя

у ее родителей было более скромное положение, чем у родителей Сергея. И как-то она сказала себе: «Земцов должен быть моим», — и стала ждать удобного случая.

Что случилось потом, ей было мучительно больно вспоминать. На выпускном балу она, наконец, решилась и предложила Сергею на время «исчезнуть» — сбегать к ней домой и попить кофе. Ее родители в ту ночь дежурили в школе — следили, чтобы выпускники не слишком много пили. Оставив Сергея на кухне, она, дрожа от стыда и страха, зажгла свечи, разделась и легла в постель. Когда ему надоело ждать обещанного кофе, он зашел в комнату Ирины. Увидев свечи и одноклассницу в постели, слегка смутился, но присутствия духа не утратил, подошел к кровати, сел на край и вдруг решительно сорвал с нее простыню.

«Боже мой, Ириша! — воскликнул он. — Я и не думал, что ты такая пухленькая!»

Ей показалось, что она сейчас умрет. Закусив до боли губу, Ирина закрыла глаза и не увидела, как Сергей встал с кровати и подошел к двери.

«Сколько тебе ложек сахара? — как ни в чем не бывало, спросил он и добавил: — Впрочем, от сахара тебе лучше воздержаться».

Она не вставала с постели и не отвечала на его вопросы. Когда он ушел, у нее началась истерика. Часа через два, с трудом взяв себя в руки, она вернулась в школу. Играла музыка, кажется, Макаревич пел про солнечный остров, который скрылся в тумане. Посреди спортивного зала, где были накрыты столы, в медленном танце качались пары. Земцов танцевал с Людой, его руки скользили по ее спине и мяли ее платье...

«Человеком всю жизнь управляют комплексы и обиды детства», — вспомнила Ирина фразу какого-то известного психиатра и, встав с кровати, подошла к окну. Снизу доносились оживленные голоса, звон стаканов. Она взяла телефонную трубку и, набрав номер телохранителя, спросила:

— Ну, что там?

— Я нашел сестру Курги. Она была в двух шагах от нас.

— Прекрасно. Что еще?

— Есть кое-что по вашей однокласснице Людмиле. Она звонила с моего телефона.

— Конкретно!

— Ее муж возглавляет страховую компанию средней паршивости. Не думаю, что он слишком богат и силен, но кое-какие деньжата и связи у него могут быть. Как бы он не примчался сюда и не наломал дров.

— Она сказала ему про охотничий приют?

— К счастью, нет! Она обманула его. Соврала, что ухаживает за больной бабушкой в какой-то деревне.

— Очень хорошо, — бесцветным голосом проговорила Ирина. — Отдыхай пока. До следующей связи...

Глава 14

Курга опять начал волноваться и терять контроль над собой. «Спокойно! — мысленно повторял он, в который раз уже проглатывая таблетку валерьянки. — А то от страха я совсем потеряю рассудок и не смогу контролировать свои поступки». Время бежало стремительно, а он все никак не мог решиться начать дело. Как приехали в охотничий приют, он мысленно установил предел: все зайдут в дом, тогда и начну. Гости зашли, успели раздеться, выпить, а он ходил бесцельно по двору и грыз ногти. «Стемнеет — тогда и начну!» — твердо решил он, но и этот рубеж пришлось ему перенести на неопределенное время. И причиной тому стали запертые на замок ворота.

Вздохнув, Курга приблизился к кирпичной цилиндрической пристройке, примыкавшей к стене дома, открыл электромагнитный замок, потянул на себя тяжелую металлическую дверь и, зайдя в темный коридор, стал подниматься по ступеням, тяжело налегая на поручни. Лестница штопором ввинчивалась в черноту, и Курга кружился по спирали. На третьем обороте ему стало совсем дурно, к горлу подкатил комок. Он сел на ступеньку под тусклой лампочкой, висящей на голом проводе, расстегнул «молнию» на воротах куртки и подумал: «Мне должно быть стыдно за свою слабость! Я ведь мечтал ей отомстить! В самых сладких снах мне виделось, как я ее душу. И вот она здесь, за бревенчатой стеной, без охраны, вдали от цивилизации, среди пьяных одноклассников. Иди, бери ее, души ее, вытряхивай из нее свои деньги!»

Только злость могла изгнать из души раболепный страх. Курга стал вспоминать, как тяжело, в какой нищете он жил в двухкомнатной квартире с женой и сестрой Верой, как жена поставила ультиматум: если он хочет сохранить семью, Вера должна уйти. А куда ей, девчонке, идти? Она имела такие же права на эту квартиру, как и он сам. И тут жена подала идею: квартиру продать, деньги вложить в некое широко разрекламированное акционерное общество «Титаник» под семьсот процентов годовых. Взяли калькулятор, подсчитали и ахнули. Через год на полученные проценты они могли купить четыре таких квартиры. Страшно, конечно, было. Но ведь повсюду говорили про честность и обязательность «Титаника». И сосед советовал, кипу своих акций показывал.

Все сделали быстро. Цену за квартиру не слишком заломили, и она через риэлторскую контору ушла с лету. Курга самолично отнес тридцать пять ты-

сяч баксов в «Титаник». Веру пристроили в общежитие железнодорожного техникума, а они с женой сняли однокомнатную квартиру. И стали ждать.

Через полгода они услышали сенсационную новость: «Титаник» ограбили. Взломщики якобы вскрыли сейфы фирмы и вынесли все деньги вкладчиков. «Титаник» тотчас объявил себя банкротом. Местная полиция с ног сбилась в поисках грабителей. Поползли слухи о том, что генеральный директор «Титаника» Ирина Гончарова инсценировала это ограбление, чтобы прекратить выплаты по процентам.

Ее пытались привлечь к уголовной ответственности за мошенничество, но безрезультатно. Следственно-оперативная группа не смогла найти ни одного факта, который бы доказывал имитацию ограбления. У всех руководителей финансовой пирамиды было безупречное алиби. И Гончарова вела себя необычно: она не пыталась затаиться, исчезнуть или слинять за рубеж. Напротив, местное телевидение едва ли не каждый день показывало, как Ирина Юрьевна обличает местное руководство МВД в бездеятельности, в коррупции, как она убеждала, что грабители подкупили городские власти, и полиция умышленно завела следствие в тупик.

Мало кто ей верил, но доказать, что Гончарова совершила грандиозную аферу, было невозможно. Несколько миллионов долларов бесследно исчезли. «Титаник» прекратил существование. Ирина Юрьевна пересела с роскошного «мерседеса» на подержанную «девятку». По ТВ прошел репортаж о жизни Гончаровой. Бывший генеральный директор акционерного общества поселилась в малогабаритной «хрущевке» с прогнившей сантехникой и облупленными потолками.

Тогда Курга понял, что он падает в пропасть с тысячами таких же легковверных вкладчиков, как и он сам. С молвой начала распространяться страшная статистика: семь человек покончили собой, пятьдесят два вкладчика попали в реанимацию с инфарктами, десятки семей остались без крыши над головой... Курга не сдавался, он пытался бороться. Создал «Союз обманутых вкладчиков», организовал несколько митингов, последний из которых дубинками разогнал ОМОН. Отчаявшись, он сделал из старой спортивной шапочки маску, купил игрушечный пистолет и пошел в тот самый пункт по продаже акций «Титаника», куда полгода назад сдал свои деньги...

Пока он сидел на зоне, жена от него ушла. Как без него два года жила сестра Вера — он не знал и боялся даже думать об этом. А потом у него появился шанс вернуть свои деньги. И Курга, поняв, что еще не до конца сломлен, готовился идти ва-банк...

Он встал, чувствуя, как страх отступает. Поднялся еще на десяток ступеней и остановился перед круглым отверстием в бревенчатой стене, забитым тряпками. Когда-то давно через это отверстие наружу выходила

печная труба от «буржуйки». Позже в доме установили камин и печи «голландки», а дыра так и осталась.

Курга затаил дыхание, прислушиваясь к оживленным разговорам и смеху, которые доносились из гостиной через дыру. Один удар кулаком по тряпичной пробке — и он увидит красные лоснящиеся рожи. Увидит ее, эту гадину, которую поклялся раздавить. И спокойным, твердым голосом поставит условие: или она отдает деньги вкладчиков, или же вечеринка превратится в кровавую оргию.

Он отошел от дыры, приподнялся на цыпочки и снял с каменной ниши длинный предмет, завернутый в промасленную тряпку. Развернул ее и некоторое время внимательно рассматривал одноствольное ружье с потемневшим от старости прикладом.

Это был безобидный дробовик, с которым впору было охотиться разве что на уток, но Курга намеревался продемонстрировать гостям лишь кончик ствола, по которому невозможно определить убойную силу оружия.

Впрочем, дело было вовсе не в оружии. Будь у Курги калашников, он все равно не стал бы им пользоваться.

Глава 15

Земцову нужно было помещение со светом и надежной дверью. Одну руку он держал в кармане и ощупывал лежащий там бумажный сверток. Он обнаружил его недавно, минут двадцать назад. После третьего тоста «за школьную дружбу» ему захотелось курить, и он стал искать в карманах куртки зажигалку. Вытаскивать сверток при всех не стал, накинул куртку на плечи и незаметно вышел.

Перед тем как зайти на кухню, он обернулся и посмотрел по сторонам. Полная луна поднималась над лесом, и частокол отбрасывал на фиолетовый снег черные тени. Над кронами деревьев возвышалась горная гряда с исполинскими цирками и ледниками, казалось, она сама источает холодный призрачный свет. Вдруг Земцов уловил едва различимый звук. Было похоже, что за частоколом кто-то ходит. Вот совершенно отчетливо скрипнул снег, затем едва заметно качнулись створки ворот... Земцов перестал дышать. Он бесшумно прыгнул к стене дома, присел на корточки, медленно просунул руку под куртку и, коснувшись рукоятки пистолета, замер, не сводя взгляда с ворот. Послышались чьи-то торопливые шаги и частое дыхание. На тропе появился Курга. Он поминутно оглядывался. Приблизившись к тому месту, где несколько секунд назад стоял Земцов, Курга остановился и прислушался, глядя на ворота. Сергей отчетливо видел его лицо, осве-

щенное лунным светом и потому бледное до синевы. В этот момент створки ворот опять качнулись, кто-то снова попытался их открыть.

Заметив это, Курга вдруг кинулся к кухне. Он забежал внутрь и захлопнул за собой дверь. Вспыхнул свет. Едва Земцов подошел ближе и спрятался за кирпичной трубой, Курга пулей вылетел из кухни и, увязая в глубоком снегу, побежал к воротам. Несколько мгновений стояла полная тишина. Затем ворота тихо скрипнули, и до Сергея донесся слабый шепот — Курга с кем-то разговаривал. По интонации казалось, что он убеждал, о чем-то просил и уговаривал.

Вскоре опять все стихло. Земцов увидел, что Курга возвращается. Он шел по своим следам и уже не торопился. А когда скрылся за дверями кухни, Сергей мысленно сосчитал до тридцати и, резко открыв дверь, вошел следом за ним.

Курга с безумными от страха глазами отшатнулся к разделочному столу и замер, лишь его руки продолжали лихорадочно комкать грязное полотенце.

— В чем дело? — рявкнул Земцов.

— В каком смысле? — пролепетал Курга.

— Что ты делал у ворот?!

— Ничего, — вымученно улыбнулся Курга. — Мне показалось...

— Что тебе показалось? Только не надо врать! И почему у тебя руки выпачканы в крови?!

— Нет-нет, вам показалось! — срывающимся голосом выкрикнул Курга.

Земцов вырвал из его рук полотенце, расправил его и поднес к свету. На нем отчетливо виднелись пятна крови.

— Что это значит? Почему кровь на полотенце?

— Я не понимаю, отчего вы так завелись! — уже более осмысленно начал оправдываться Курга. — Тут туристы часто разделявают мясо на шашлыки... и баранину на барбекю потрошат... Может, кто и вытер этим полотенцем руки... А во двор я вышел, потому что мне показалось, будто кто-то бродит около снегохода. Хотя это маловероятно, снегоходы пока в угонах не числятся, и все же не хотелось бы спровоцировать первый случай... — попытался он пошутить.

Земцов повернулся к нему спиной и стал греть руки над раскаленной плитой. «Все не так просто, как мне казалось. Этот замухрышка что-то от меня скрывает».

Он боялся ошибиться в главном, боялся, что Курга откажется от задуманного или же выкинет какой-нибудь финт. Этот худой человечиска с изможденным лицом и неопределенного возраста был нужен ему лишь как провокатор, как охотничий пес, гонящий волчицу в засаду. Земцов чувствовал близость развязки, верил в то, что волчица уже проглотила приманку, наследила, выдала себя...

— Сахар просили принести, — пробормотал Курга, постепенно приходя в себя после шока, вызванного появлением Земцова. Он все больше смелел, все увереннее оправдывал свое появление на кухне, но Земцов его уже не слушал и не видел. Опустив руку в карман, он сжимал упругий конверт и ждал, когда Курга выйдет.

— Ладно, вали отсюда, — примирительно произнес он. — Но смотри у меня! Не вздумай шалить! — и погрозил ему пальцем.

Глава 16

С виду это была обыкновенная авторучка. Но, свинтив верхнюю часть, можно было обнаружить вмонтированное в дно трубки тридцатикратное увеличительное стекло. Земцову эту штуку подарили в день выпуска из юридического института, и он всегда носил ее с собой — что за сыщик без лупы!

Он убрал с разделочного стола огромный мясницкий топор, сел на табурет, развернул конверт и вынул из него стопку долларов, будто собирался готовить из них некое экзотическое блюдо. Сначала пересчитал и бегло просмотрел все купюры. Тридцать штук, достоинством сто долларов каждая. Итого — три тысячи баксов. Ого-го!

Земцов усмехнулся, покачал головой и подумал: «Ну, Ирка! Ну, стерва! Что только не придумает, чтобы меня заарканить. И зачем я ей нужен?»

Тут ему в голову пришла мысль, что Ирина догадалась о его намерении выдать из нее деньги вкладчиков и сунула ему в карман банальную взятку. Он не стал размышлять, насколько эта мысль здравая, и принялся искать ответ на главный вопрос: есть ли в этой стопке меченые купюры, контролируемые экономической контрразведкой ФСБ.

Приставив к глазу лупу, Сергей склонился над столом и стал просматривать купюры одну за другой. Несколько лет назад, когда финансовая пирамида «Титаника» стала ворочать миллионами, ФСБ через подставное лицо внесло в фирму большое количество меченых долларов, чтобы контролировать движение финансов и уличить «Титаник» в мошенничестве. Но не успела довести дело до суда. Руководители «Титаника» неожиданно объявили об ограблении фирмы и своем банкротстве. Несколько сот тысяч долларов с метками ФСБ пропали. Это был самый позорный провал контрразведчиков за последние годы.

Земцов в то время служил в управлении по экономическим преступлениям МВД и был хорошо осведомлен о провале коллег из ФСБ. Он никому не рассказывал, что неуловимая Ирина Юрьевна Гончарова — это его одноклассница, которая в школьные годы не один раз пыталась взять штурмом

его сердце. И, конечно, никому не раскрывал своего плана, который вынашивал несколько лет.

У Земцова голова кружилась от мысли, что он может раскрутить самое скандальное дело десятилетия. Если бы ему удалось доказать, что никакого ограбления «Титаника» не было и деньги вкладчиков по-прежнему у генерального директора, он стремительно пошел бы вверх по служебной лестнице. Заветная должность начальника управления была бы ему обеспечена...

Сергей просмотрел около десяти купюр, и у него уже стали болеть глаза. И тут вдруг на очередной купюре он отчетливо разглядел метку: «КОНТРОЛИРУЕТСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРАРАЗВЕДКОЙ ФСБ».

Ну, все, заглотила крючок, рыбка! Вот и пришла очередь Иришки. Теперь главное — не ошибиться. Надо действовать очень тонко и точно. Чтобы уличить Ирину в мошенничестве, нескольких меченых купюр недостаточно, она может сказать, что они попали к ней случайно. Надо любой ценой заставить ее «засветить» всю наличку, которую она прячет в каких-нибудь подпольных сейфах. Расчистить перед Кургой поле деятельности, чтобы ему ничто не мешало выполнить задуманное и вытряхнуть из Ирины деньги. Если надо — открыто встать на его сторону и помочь ему. А потом задать ей в присутствии понятых и оперативников один простой вопрос: как так получилось, что деньги, похищенные грабителями из «Титаника», оказались у нее на руках?

Он снова склонился над столом, глядя в окуляр самодельного микроскопа. Вот еще одна меченая! Еще одна! Еще... У него не осталось никаких сомнений: ограбления «Титаника» не было.

Из тридцати купюр семь оказались мечеными. Земцов сложил их в отдельную стопку и задумался.

«С Ириной мне уже все ясно. Теперь надо разобраться с Кургой. Он перестал мне нравиться — скрывает что-то, темнит. Не ведет ли он двойную игру?»

Он вышел из кухни, погасив за собой свет. Затем несколько минут неподвижно простоял на очищенной от снега дорожке, привыкая к темноте. Когда лунного света стало вполне достаточно, чтобы отчетливо видеть весь двор, пошел к воротам. Приблизившись к ним вплотную, Сергей потянул створки на себя, приоткрывая их насколько позволял замок, и посмотрел в образовавшуюся щель.

Снегоход и сани стояли на прежнем месте и были хорошо видны на прогалине, освещенной луной. Он опустил на корточки и чиркнул зажигалкой.

То, что Земцов увидел, заставило его присвистнуть. Говоря Курге про следы крови на полотенце, он всего лишь брал его «на пушку», применил как средство для запугивания. А оказалось, что невольно попал в «десятку». Рядом с воротами темнело на снегу бурое жирное пятно. Кровь на снегу Зем-

цов видел сотни раз — и при задержании, и при выезде на место преступления. Ее он ни с чем не мог спутать.

«Черт возьми! — подумал он, оглядываясь. — Не «замочил» ли он кого-нибудь сгоряча?»

Он чиркал зажигалкой до тех пор, пока не обжег себе пальцы, но ничего любопытного больше не нашел. Тем не менее, его рука опять невольно потянулась к наплечной кобуре, где лежал заряженный пистолет...

Глава 17

— Милые мои, — говорила Ирина, уютно сидя на большом стуле с резной спинкой, в которую была вставлена бархатная подушечка. — Я всего добилась трудом. Адским трудом. Сначала была аспиранткой, ютилась в коммуналке, потом торговала на рынке — да-да, не смейтесь, я действительно стояла за прилавком и продавала косметику. Вам трудно в это поверить, но я во всем себе отказывала, часто не могла позволить себе поесть досыта, по копейке собирала первоначальный капитал. А сколько раз на меня наезжал рэкет, сколько раз мне угрожали по телефону конкуренты!

Вешний, Пирогов и Белкин сидели по одну сторону стола, а Ирина и Люда — по другую. Место Земцова пустовало. Белкин добросовестно исполнял обязанности виночерпия. Пирогов пытался быть тамадой, но его никто не слушал.

— В довершение всего меня еще и ограбили, — продолжала Ирина историю своей нелегкой судьбы. — Все наличные деньги достались грабителям. Подкупленная полиция палец о палец не ударила, чтобы их разыскать. Мне пришлось начинать с нуля. Квартира, машина и дача пошли на погашение долгов вкладчикам. В первую очередь я пыталась рассчитаться с пенсионерами, старушками, инвалидами.

— И как, рассчиталась? — спросила Люда.

— Милая моя! — повысила голос Ирина. — Их тысячи! Тысячи! А я одна!.. Да что это я все о себе да о себе? Пора послушать вас.

— Моя жизнь не такая интересная, как твоя, — сказала Люда, прижимая к губам салфетку. — Работаю в нашей школе учителем русского языка и литературы.

— М-да, — многозначительно произнесла Ирина. — В самом деле, интересного мало... Ну а муж?

— Муж работает в страховой компании.

— Страховой агент — это, конечно, неплохо, — со снисходительной усмешкой оценила Ирина. — Но если судить по тому, как ты одета, зарабатывает он у тебя не слишком много.

— Ты права, — согласилась Люда.

— А я челноком мотаюсь в Турцию, — вклинился Пирогов.

— Ты, Андрей, если не ошибаюсь, окончил ВГИК? — игнорируя его, спросила Ирина у Вешнего.

— Мгм, — промычал тот, дожевывая очередной бутерброд.

— Английским владеешь?

Вешний, энергично жуя, поднял глаза вверх, затем кивнул, после чего развел руками. В общем, понимать его ответ можно было как угодно.

— Прекрасно, — сказала Ирина. — Мы должны с тобой поговорить тет-а-тет. У меня есть к тебе деловое предложение.

Вешний, не ожидавший ничего подобного, закашлялся.

— Ириша! — воскликнул Пирогов. — Может, и ко мне у тебя есть предложение? Я даже уборщиком согласен в твоей фирме работать.

— Уборщиками, дорогой мой, — усмехнулась Ирина, — у меня работают кандидаты и доктора наук.

— А у меня есть предложение ко всем сразу! — попытался вмешаться Белкин, поднимая над головой бутылку. Он окинул плывущим взглядом стол, пытаясь отыскать пустые рюмки.

— А зачем твоим уборщикам ученая степень? — с наивным видом спросила Люда. — Чтобы мыть за тобой унитаз с использованием сложных технологий?

— Ученая степень нужна для того, чтобы вести себя достойно в приличном обществе, милая моя, — медленно положив вилку на тарелку, в упор посмотрела на нее Ирина.

Как раз в этот момент в гостиную с дровами под мышкой зашел Земцов и сразу заполнил собой возникшую паузу.

— Эй, народ! — крикнул он, с грохотом кидая дрова на пол. — Я забочусь о тепле, а вы тут водку жрете?

— Штрафную ему! — неизвестно чему обрадовался Белкин, и стол от его движений закачался и зазвенел посудой.

Ирина переключила внимание на Земцова. Она пыталась угадать по его глазам, обнаружил ли он у себя в кармане доллары и что намерен делать дальше. Земцов залпом выпил поднесенную ему стопку и сел за стол, но не там, где ему была подготовлена тарелка, а на «женской» половине, рядом с Людой.

— Тебе оливье положить? — спросила Люда, приподнимая тяжелую салатницу.

— Клади!

— А грибы будешь?

— Грибы в первую очередь.

Тут вдруг засуетился Вешний. Он вскочил из-за стола, обежал вокруг него и встал за спиной Ирины. Теперь все салатницы и блюда из рук

заботливой Люды переходили в руки не менее заботливого Андрея. Он самозабвенно наполнял тарелку Ирины. Даже намек о деловом предложении надо было отрабатывать.

— Так вот, — снова заговорила Ирина таким тоном, будто рассказывала какую-то историю, а Земцов своим появлением перебил. — После того как мою фирму ограбили, мне всюду мерещатся грабители, воры и мошенники.

— Снаряд два раза в одну воронку не падает, — философски изрек Пирогов и потянулся к банке с вишневым вареньем.

— Не скажи! Деньги всегда притягивают нечистых на руку типов.

«Так вот она куда клонит! — подумал Земцов, вспомнив про деньги, которые лежали у него в кармане. — Ах, Иришка, Иришка!»

— Чтобы они не притягивали, от них надо вовремя избавляться, — заметил Белкин. — В связи с этим у меня есть тост...

— Да подожди ты со своим тостом! — махнула рукой Ирина. — Вы еще не обратили внимание на то, какие у нас ужасные комнаты? Любую дверь можно открыть гвоздем.

— Правда? — изумился Земцов и привстал. — Пойду, проверю.

«Все, — подумала Ирина, ликуя. — Ему теперь не отмыться».

Сохраняя на лице улыбку, Сергей стал медленно подниматься по лестнице.

— Ты не составишь мне компанию? — спросил вдруг он.

Ирина решила, что этот вопрос адресован ей, и уже придумала, как откажется, но, подняв голову, увидела, что Земцов смотрит на Люду. «Вот же сволочь! — подумала она. — Это он нарочно делает, чтобы меня разозлить».

Люда охотно приняла предложение, тем более что она еще не видела отведенной ей и Ирине комнаты, да и сидеть за столом надоело, и, легко поднявшись, подскочила к лестнице.

«Все девочку из себя корчит», — подумала Ирина, усмехнулась и прикрыла глаза. Белкин пошел вдоль стола, доливая в рюмки до краев. А Пирогов загрустил над пустой тарелкой — все салатницы стояли рядом с Ириной, и он своими короткими руками не мог до них дотянуться. Все внимание, как и в школе, было сосредоточено на красавце Земцове, и, сколько бы лет ни прошло, Пирогову не суждено было занять его место. Мало того, Пирогова словно отбросило назад, в прошлое, где снова окружили те же люди, привычно не замечающие его, и обрушилась та самая горечь обид, которая в детстве так сильно отравляла ему жизнь. И он понял, что в этой поганой компании он до глубокой старости будет самым мелким, самым слабым и неинтересным. Во всяком случае, пока будет жив Земцов.

Очутившись в коридоре второго этажа, Земцов без лишних слов прижал Люду к стене. Он был очень силен, и ей трудно, почти невозможно было сопротивляться. Изо всех сил она упиралась ладонями ему в грудь и отворачивала лицо.

— Земцов! — шептала она. — Зайчик! Ну что ты делаешь?.. Мне больно,пусти меня!

Слабое сопротивление Люды его развеселило. Он отпрянул назад и заглянул ей в глаза:

— Разве я тебе не нравлюсь?

— Очень нравишься, золотой мой! — торопливо зашептала Люда. — Но ты какой-то тормозной... Раньше надо было на меня нападать, хотя бы в десятом классе. А теперь я пожилая женщина, у меня есть муж, и я его люблю.

— Любимый муж — это похвально, — с пониманием кивнул Земцов и опустил руки. — Но ты, дуреха, меня неправильно поняла.

— Правда? Какая радость, — пробормотала Люда. — Только просвети меня, глупую, как тебя надо было понять?

— Не понимаешь? Тогда смотри, — предложил Земцов и, склонив ее голову, впился губами в открытую шею. — Вот теперь хорошо, — сказал он, отступая на шаг назад и любуясь лиловым пятном чуть выше ее ключицы.

— Дурак! Дебил! Я сейчас тебя в глаз ударю! — со слезами в голосе выкрикнула Люда.

Земцов в ответ только молча смотрел на нее и улыбался.

Глава 18

Когда он снова спустился в гостиную, свет был потушен и на столе горели свечи. Старомодный приемник с зеленым индикатором настройки и динамиком, обтянутым тканью, пытался из шипения и треска создать мелодию. Это получалось у него не слишком хорошо, тем не менее, Ирина и Вешний настойчиво изображали танец. Он держал ее руку в своей и, обнимая за талию, пытался вальсировать, но все время наступал Ирине на ноги. Ирина терпела, с отчаянием поглядывая на свои бархатные туфли.

Белкин грел в ладони рюмку, глядя через нее на пламя свечи, и, казалось, что он спит с открытыми глазами. Пирогов прирос к своему стулу, за весь вечер ни разу не покинув его.

— А где Люда? — спросил он Земцова.

— Она у себя в комнате, скоро спустится, — ответил Сергей, быстрыми шагами подойдя к столу. — Впрочем, ее присутствие не обязательно. Предлагаю всем очень увлекательную игру.

Он стал перекидывать на край стола тарелки с закусками, освобождая середину. Потом оперся о стол и одним сильным выдохом задул все свечи.

Комната погрузилась во мрак.

— Эй! — произнесла из темноты Ирина. — Это не смешно.

— А в чем заключается игра? — невнятным голосом спросил Пирогов. Похоже, что он дотянулся до закусок и стал наворачивать упущенное.

— Сейчас узнаете, — загадочным голосом произнес Земцов. — Наберитесь терпения.

— Не представляю, что можно делать в полной темноте, — сказала Ирина, и в ее голосе угадывалось раздражение.

И тут вспыхнуло пламя зажигалки. Держа ее над головой, Сергей подошел к выключателю и зажег свет. Все посмотрели на стол. Посреди него веером лежали пять сто долларовых купюр.

Вешний многозначительно посмотрел на Ирину, словно хотел спросить: не те ли это купюры, которые мы подсунули Земцову? Она, почувствовав приближение схватки, села в кресло, закинула ногу на ногу, скрестила на груди руки. Белкин склонился над купюрами, внимательно рассматривая их.

— Здесь кроется какой-то смысл, — пробормотал он.

— Фальшивые? — поинтересовался Пирогов, взбираясь на стул с ногами.

— Я думаю, что не фальшивые, — ответил Земцов, — а самые обыкновенные.

— Тогда в чем фокус?

— А фокус в том, что я предлагаю каждому из вас выбрать любую купюру и сосчитать сумму цифр, из которых состоит ее восьмизначный номер. Он на обратной стороне. У кого эта сумма окажется наибольшей, тот забирает купюру себе. Затем я добавлю недостающую, тасую и раскладываю заново. И начинаем по второму кругу.

— Это что, шутка? — не поверил Белкин, еще ниже склоняясь над купюрами. — Здесь какой-то подвох...

— Все номера состоят из нулей, — предположил Пирогов. — Значит, никто не выиграет.

— Выиграет, — заверил Сергей.

— Если потом ты скажешь, что наступила моя очередь выкладывать на стол свои деньги, то я не играю! — предупредил Пирогов.

— Нет, не скажу. Играем до тех пор, пока не закончится эта пачка, — ответил Земцов и показал всем пухлый конверт.

— А в честь чего такая щедрость? — с прежним сомнением произнес Белкин. — Тебе что, деньги девать некуда?

Вешний и Ирина хранили гробовое молчание.

— Смелее! — Земцов похлопал по плечу Пирогова.

Тот сделал недоуменное лицо, оглядел присутствующих и медленно потянулся к купюре.

— Прямо как на экзамене по химии, — пробормотал Пирогов. — Не знаешь, какой билет счастливый.

— А ты тоже играешь? — спросила Ирина Земцова.

— Я буду играть за Люду, — объяснил Земцов.

— Ну да, конечно! — кивнула и усмехнулась Ирина.

Пирогов, наконец, взял со стола купюру, поднес ее к глазам и принялся вслух складывать цифры:

— Один, восемь, девять, шесть, ноль... Двадцать восемь! — объявил он.

— Ребята, это розыгрыш, — решил Белкин и тоже потянулся за купюрой. — Не воспринимайте это всерьез... Лучше посмотрите на Земцова, какие у него плутовские глаза!

— Прошу! — Земцов пригласил к столу Вешнего.

Ирина покачивала ногой и покусывала губы. Ей не нравилась эта игра. Вопреки ее ожиданиям, Земцов вел себя слишком смело и вовсе не собирался утаивать деньги, которые нашел в своем кармане. Надо было торопиться, пока пачка не переключалась в другой карман.

— Странно, — произнесла она. — А ты говорил, что долларов у тебя нет.

— Правильно, — подтвердил Земцов, не глядя на Ирину. — Тогда не было... Андрей, у тебя сколько?

— Сейчас, — наморщил лоб Вешний. — Пять, два, один, семь, ноль, ноль... Всего восемнадцать! — и кинул купюру на стол.

— У меня тридцать! — без особой радости в голосе сказал Белкин.

— Каких тридцать?! — возмущенно поправил Пирогов, заглядывая Белкину через плечо. — Двадцать семь! Положь на стол!

— Ну да! — согласился Белкин. — Я шестерку за девятку принял.

— Где же ты их взял, хотела бы я знать? — вкрадчивым голосом спросила Ирина.

Земцов кивнул, мол, я принимаю твой вопрос, но с ответом торопиться не стал.

— Осталось сыграть за Люду, — сказал он и перевернул последнюю купюру.

Белкин и Пирогов принялись считать вслух.

— Три, один, один, ноль, четыре... Одиннадцать!

— Я выиграл, — то ли вопросительно, то ли утверждающе произнес Пирогов и покосился на Земцова: — А дальше что?

— Забирай! — спокойно ответил тот и снова достал из кармана конверт. — Сыграем еще раз...

— Стоп! — перешла в атаку Ирина. — Мне это не нравится!

— Это очень подозрительно! — поддакнул Вешний.

— А что тебе не нравится? — с мягкой учтивостью поинтересовался Земцов.

— Я должна проверить свои деньги и убедиться, что они на месте!

«Вот ты и показала свое нутро! — подумал он. — Теперь у меня есть полное моральное право раздавить тебя как сколопендру». А вслух сказал:

— Хорошо. Только, прежде чем ты это сделаешь, я хочу задать тебе одну головоломку. Следи за моими руками... Одну бумажку я беру у Пирогова, нашего счастливого, — вытянул он из его руки стодолларовую купюру и положил на стол перед Ириной, — а вторую вынимаю из обыкновенного почтового конверта... Вот, к примеру, эту, — и положил рядом с первой вторую купюру.

— Ну и что? — нетерпеливо спросила Ирина, мельком взглянув на деньги.

— Попробуй за минуту найти на этих купюрах одно-единственное различие, исключая номер.

— Я же говорил, что фальшивые! — по-своему понял смысл задания Пирогов и почти лег на стол, чтобы лучше рассмотреть купюры.

Мешая друг другу, над столом склонились Белкин и Вешний. Ирина, пристально глядя в глаза Земцову, встала с кресла, подошла к столу, заставив расступиться одноклассников, и взяла деньги в руки. В комнате повисла тишина.

«Что я делаю!» — подумал Сергей, обозлившись на самого себя, и, вырвав купюры из рук Ирины, затолкал их себе в карман, напроочь забыв, что одну из них следовало вернуть Пирогову.

— Время истекло, — произнес он. — Ты проиграла.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Дурацкие у тебя игры, Земцов, — устало вздохнула Ирина, снова опускаясь в кресло. — Лучше бы ты пригласил меня танцевать, пока не пришла Люда.

— А при чем здесь Люда?

— А при том, — ответила Ирина тихо, — что она может опять встать между нами, как пятнадцать лет назад.

Сергей подошел к приемнику, покрутил ручку настройки. Приемник простужено запел голосом Джо Дассена.

Они начали танцевать посреди гостиной.

— Почему ты меня ненавидишь, Земцов? — едва слышно спросила Ирина, почти касаясь губами его уха. — Ты меня вообще не замечаешь.

— Это не так, — ответил Сергей. — Я все время думаю о тебе.

— Что-то незаметно. Вот я в школе все время думала о тебе.

— Просто я очень скрытный человек, Ира. Вещь в себе.

— Вещь в себе? — Краем глаза Ирина увидела, как по лестнице спускается Люда. — Как интересно ты себя характеризуешь. Если бы я знала раньше... если бы я знала...

— Если бы ты знала раньше, то что?

— Нет, нет, об этом не говорят, — горячо зашептала Ирина, провела ладонью по его волосам, заставила его склонить голову и крепко поцеловала в губы. Люда не могла этого не увидеть.

— Налей мне водки, — попросила Люда Белкина, приблизившись к столу.

Она взяла рюмку, полную до краев, подошла к обнимающейся паре и выплеснула водку Земцову в лицо.

Ирина, которой тоже досталось несколько капель, отпрянула от Земцова и воскликнула:

— Милочка! А что это за платочек у тебя на шее? Так сейчас модно? Обязательно повяжу себе такой. Если, конечно... — Она взглянула на Земцова, который спокойно вытирал лицо салфеткой. — Если, конечно, Сережа вынудит меня это сделать.

— Вынудит, — ответила Люда, накидывая на плечи свою белую куртку. — Если успеет... — и вышла из комнаты, с силой захлопнув за собой дверь.

— Что это с ней? — спросила Ирина, обводя взглядом всех присутствующих. Только Земцов под этим взглядом не опустил глаза и не пожал плечами. «Надо извиниться перед Людкой, — подумал он. — Потом, когда с Ириной будет все кончено, и я сниму маску, она меня поймет и простит...»

Он тоже накинул на плечи куртку и вышел.

— Э-эх, братцы, — вздохнул Белкин и тоже исчез за дверью.

— Значит, все идем глазеть на звезды? — спросил Пирогов в готовности подчиниться большинству.

Ирина кивала, думая о своем. Приблизилась к окну, посмотрела на округлые тени от сугробов и с задумчивым видом произнесла:

— Однако здесь становится тоскливо. Надеюсь, Курга к утру отыщет ключ от ворот, чтобы я могла уехать?

Она машинально назвала хозяина по фамилии, которую здесь не могли знать, но никто не стал уточнять, кто такой Курга. Только Пирогов с убеждением заверил:

— Отыщет!

Вешний неслышно и незаметно, как опытный лакей, вырос за спиной Ирины.

— Шубу, — не оборачиваясь, попросила она.

Глава 19

Белкин хотел уединиться на пару часов в бане, но в парной наткнулся на хозяина, который протирал пыльные полаты. Пришлось дать задний ход.

Во дворе он встретил Пирогова, который шел по чьим-то следам от ворот к кухне.

— Я осмотрел замок, — сказал Пирогов. — Его можно подпилить. Но нужна ножовка по металлу.

Белкин молчал, предпочитая не ввязываться в разговор, чтобы Пирогов быстрее оставил его одного. «Надо было пойти в беседку, — подумал он. — Там бы меня никто не увидел».

— Можно тебя попросить о небольшой услуге? — спросил Пирогов, слепил снежок и швырнул его в стену дома. — Самому мне как-то неудобно, а ты человек нейтральный. Подойди к Земцову и напомни ему, что он для своей игры взял у меня сто баксов, а вернуть забыл...

— Хорошо, постараюсь.

— А чего ты здесь стоишь?

«Вот же прилип, как банный лист!» — подумал Белкин и вместо ответа повернулся к Пирогову спиной и зашагал к дому.

Вернувшись с мороза, он долго отогревал руки у камина. Его пальцы покраснели и распухли. Вешний крутил настройку радио, пытаясь найти музыку. В прихожей стучала каблуками Ирина, стряхивая с туфель снег. Хлопнула дверь, и в дом вошла Люда. Увидев Ирину, она не стала останавливаться и молча прошла в гостиную, не снимая куртки.

— Налей мне чего-нибудь! — попросила она Белкина, присаживаясь на пуфик у камина.

Белкин покосился на нее и с сомнением произнес:

— Тебе для какой цели налить? Если для того, чтобы плеснуть кому-то в лицо, то лучше использовать обычную воду. Ты прямо говори, чтобы зря продукт не переводить.

Со второго этажа спустился Пирогов с напильником в руке. Он дважды обошел стол, но его напильник не привлек ничего внимания и не вызвал никаких вопросов, и тогда Пирогов попытался втянуть Вешнего в разговор о замке на воротах.

И тут вдруг прозвучал резкий, оглушительный звук, происхождение которого никто сразу не понял. Ирина в прихожей вскрикнула, Белкин сильно вздрогнул и перелил водку через край рюмки, Вешний выругался каким-то невразумительным междометием, а Пирогов, задрав голову, посмотрел на потолок — он подумал, что взорвалась лампа.

— Я хочу, чтобы вы меня выслушали, — прозвучал откуда-то сверху негромкий голос.

Все посмотрели наверх, но не сразу увидели небольшое темное отверстие в стене под потолком, из которого торчал ствол ружья.

— Господи! — прошептала Ирина, войдя в комнату и опускаясь на диван. — Это еще что такое?

— Что за шутки, чувак? — крикнул Вешний.

Пирогов медленно подошел к стене, в которой находилось отверстие, и прислонился к ней спиной. Он находился как раз под стволом, но, тем не менее, это было самым безопасным местом, если бы ружье вновь стало стрелять. Люда продолжала сидеть у камина в расстегнутой куртке, сохраняя удивительное спокойствие и невозмутимость. Белкин с полной рюмкой в руке замер у стола, свирепым взглядом глядя на отверстие.

— Ставлю ультиматум Ирине Гончаровой! — вновь раздался голос. — Ирина Юрьевна, вы должны немедленно отдать распоряжение, чтобы завтра утром в Эсто-Садок был доставлен миллион долларов — ровно столько, сколько вы задолжали вкладчикам «Титаника». Вот список этих людей...

Из отверстия вылетели несколько листов бумаги, скрепленных степлером, и упали на голову Пирогову. Он подобрал их и протянул Ирине.

— Все ваши одноклассники, Ирина Юрьевна, будут находиться здесь до тех пор, пока вы не выполните мое требование. Никто не уйдет за часокол. Но хочу предупредить: через каждые четыре часа я буду казнить одного из вас. Ирина Юрьевна, подумайте хорошенько, прежде чем возразить мне. Я требую только то, что вы обязаны были сделать еще несколько лет назад...

— Вы в своем уме?! — выкрикнула Ирина. — Какой миллион? Откуда у меня такие деньги? Вы хоть газеты читаете? Мою фирму ограбили! Сейфы очистили до последнего доллара! У полиции требуйте свои деньги!

— Вы как всегда лжете, Ирина Юрьевна, но в дискуссию с вами я вступать не буду, — предупредил голос. — Итак, время пошло. У вас есть четыре часа на то, чтобы решить проблему бескровно.

— Эй, лицо покажи! — потребовал Вешний.

— Особенно ретивым объясняю: со мной действует вооруженный сообщник. И он находится среди вас.

Ствол исчез. Отверстие закрылось обрывком тряпки. И наступила гробовая тишина.

Первым нарушил молчание Белкин. Он оглядел присутствующих и пробормотал:

— Если я правильно понял, это новая игра Земцова?

— Лично мне такие игры не нравятся, — признался Пирогов, торопясь отойти от стены. Ему было стыдно за свою трусость. — Держи, — подал

он Ирине листы со списком фамилий. — Я как чувствовал, что сверху что-то свалится, и вовремя подошел...

— Шуточки у него, конечно, глупые, — сказал Вешний, через плечо Ирины глядя на список. — Я сразу понял, что это Земцов. Слышали, как я ему сказал: «Морду покажи!»

Люда встала с пуфика. Ей было жарко, и она сняла куртку и положила ее на диван.

— Во-первых, — сказала она, двумя пальцами приподнимая с блюдца дольку лимона, присыпанную сахаром, и отправляя ее в рот, — ты сказал не «морду покажи», а «лицо покажи». А во-вторых, что-то не очень этот голос был похож на голос Земцова.

Ирина листала список и покусывала губы. Фамилии были расположены в алфавитном порядке, и она быстро нашла фамилию Курги. Напротив значилось: «\$ 35 000».

— Вот что, мои дорогие, — произнесла она, продолжая нервно шуршать листами. — Это не шутка. Вполне возможно, что это действительно был Земцов, тем не менее, к ультиматуму надо относиться серьезно.

— Ты с такой легкостью ставишь под сомнение порядочность нашего друга? — с мягкой улыбкой произнесла Люда. — Интересно, чем Земцов тебе не угодил?

— Не тем, чем тебе, — усмехнувшись, ответила Ирина. — Можно сказать, даже наоборот.

Она подошла к камину и кинула список в огонь. Это выглядело очень эффектно.

— Ты всерьез считаешь, что... этот... — начал говорить Пирогов, но осекся, не зная, как назвать человека, который стрелял из ружья и ставил ультиматум.

— Абсолютно серьезно, — ответила Ирина, не дожидаясь, когда Пирогов подберет нужные слова. — Хочу всех предупредить: в списке все фамилии реальные. Эти люди действительно когда-то были моими вкладчиками.

— Но-о... — протянул Вешний, и на его лице отразилось недоумение. — Но при чем здесь мы? Откуда у нас миллион баксов?

Трудно было понять, кого он подразумевает под словом «мы» — всех, включая Ирину, или же всех, кроме нее?

— О тебе речи не было, — ответила Ирина и села на диван, приняв свою любимую позу — нога за ногу, руки на груди кренделем. — Я уже устала объяснять, что денег вкладчиков у меня давно нет. Три следственные бригады полгода пытались шить мне уголовное дело, но зубы обломали! Я чиста перед законом и теми несчастными, которые доверили мне свои деньги. Я сама жертва!

Вешний припомнил, что очень похоже Ирина выступала несколько лет назад по телевидению. И говорила приблизительно те же слова.

— Тогда в чем же дело?! — вспыхнул он. Решительно подойдя к столу, схватил пустую бутылку и, широко расставив ноги, швырнул ее в отверстие в стене, но промазал, бутылка с грохотом разбилась о стену. — Эй, кукушка часовая! — крикнул Андрей. — Высунь рыло! Мы с первого раза не въехали, ты про какие бабки говорил?

Тряпка, которой была заткнута дыра, вылетела от удара, словно пыж из ствола ружья, и вслед за этим прогремел выстрел. Вешний, стоявший ближе всех к стене, моментально повалился на пол, увлекая за собой несколько тарелок и рюмок. Пирогов, пытаясь реабилитироваться перед одноклассниками, кинулся прикрывать собой Ирину, но на это ему не хватило то ли роста, то ли храбрости, и он по-собачьи присел у ее ног. Белкин от выстрела вздрогнул и зачем-то схватил со стола бутылку. Люда шепотом вспомнила мамочку.

— Ну, как, теперь въехали? — спросил голос.

Все подумали, что Вешний ранен. Он сидел на полу и вытирал выпачканную в вишневом варенье ладонь о край скатерти. Варенье очень напоминало кровь.

— Ты как, дружище, ты как? — повторял Белкин, опустившись перед ним на корточки и обнимая одной рукой.

Вешний не отвечал на вопросы. Он прислушивался к себе, но не находил никаких болевых ощущений.

— Черт его знает, — пробормотал он, внимательно рассматривая руки. — Кажется, чуть-чуть задело...

— Не надо его злить! — шепотом посоветовал Пирогов и покосился на отверстие в стене.

— Да, лучше помалкивать, — согласился Белкин. — А то он нам все бутылки перебьет.

— Хорошо, если ограничится только бутылками, — заметила Люда, возвращаясь на свой пуфик. — Осталось три часа сорок минут.

— До чего осталось? — не понял Пирогов.

Все поняли, кроме него, но никто не захотел говорить об этом вслух. Ирина принялась нервно ходить по комнате, изредка кидая взгляды на черное отверстие. Вешний, выкарабкавшись из-под стола, тотчас налил себе полный фужер водки и излишне торжественно произнес:

— Ну, за мое второе рождение! А первый раз, должно быть, я в рубашке родился...

Кроме Белкина, никто не поддержал этот тост.

— В самом деле, — произнесла Ирина, оглядывая одноклассников. — Шутки шутками, но где Земцов?

— Я его видел во дворе, — сказал Белкин. — Недалеко от ворот. Он стоял и курил.

— Ты про мои деньги ему напомнил? — тотчас проявил обеспокоенность Пирогов.

Этот вопрос остался без ответа.

— Такого я от него не ожидала, — прошептала Ирина.

— Какого — такого? — уточнила Люда.

— Не надо, милочка, делать вид, словно ты не понимаешь, о чем я говорю, — едва разжимая зубы, ответила Ирина.

— Предлагаю говорить тише, — вмешался Вешний. — Нас тут могут подслушать.

— Да какая теперь разница! — отмахнулась Ирина.

— Надо что-то делать, — предложил Пирогов.

— В самом деле, Ириша, — сладким голосом произнесла Люда. — Надо что-то делать.

— А что, по-твоему, я должна делать?! Отдать свою шубу? Или косметичку? Или раздеться догола?

— Хотел бы я знать, — пробормотал Вешний, гоня вилкой по тарелке красную икринку. — Земцов сам додумался до этого, или ему кто-то подсказал?

— Мне кажется, что он с хозяином этого дома давно снюхался, — высказался Пирогов.

— А что это вы все на Земцова накинулись? — возмутилась Люда. — Может, человек уснул на кухне или в бане, а мы уже кости ему перемывать начали.

— Ну да, уснул, — усмехнулась Ирина. — Скажи еще, что ты его сама убаюкала. Все видели, что ты общалась с ним, и если выяснится, что всю эту мерзость задумал он, то меня очень сложно будет убедить в том, что ты к этому не причастна.

— В тебя, между прочим, не стреляли, — добавил Вешний, стараясь на всякий случай держаться от Люды на безопасном расстоянии. — Ты даже не вздрогнула.

— Вы что, спятили? — возмущенно проговорила она. — Вы что, родные мои?

— Что-то нас не в ту степь понесло, — покачал головой Белкин. — Люд-ка здесь ни при чем. А стреляли, по-моему, холостыми.

— А тебя не спрашивают! — огрызнулась Ирина. — У тебя уже глаза в разные стороны смотрят от водки. — И решительно добавила, хлопнув в ладоши: — В общем, так, я хочу выслушать Земцова. Если все это шутка, то я пойду спать, потому что вставать мне рано, а дорога дальняя. А если это серьезно, тогда... тогда будем принимать адекватные меры.

— А я спать не пойду! — решительным голосом объявил Вешний. — Я сначала Земцову в морду дам. Он испортил нам вечер! Он держит нас за баранов!

— За ослов, — уточнил Пирогов.

— Хорошо, если это окажется шуткой, — произнесла Люда. — Только Ира уже призналась, что это не шутка...

— А нам разрешено выходить на улицу? — то ли к одноклассникам, то ли к дырке в стене обратился Пирогов.

— Разрешено все, что не запрещено! — тоном опытного правозащитника заявил Вешний.

— В конце концов, я могу сходить в туалет? — сказала Ирина и посмотрела на Белкина и Пирогова: — Что вы сидите? Выходим все!

Мужчины не заставили себя долго упрашивать и стали одеваться.

— А давайте его тоже разыграем, — негромко произнес Белкин таким тоном, словно был полностью уверен, что выстрелы и ультиматум — это шутка. — Скажем, что мы позвонили в РУБОП Новикову и пожаловались.

— А что такое РУБОП? А кто такой Новиков? — почти одновременно спросили Пирогов и Вешний.

— Управление по организованной преступности, — ответил Белкин. — А Новиков — это его начальник.

— Чей начальник? — спросила Ирина, остановившись на пороге и обернувшись.

— Земцова начальник, — заикаясь, пояснил Белкин. Он почему-то испугался такой резкой реакции Ирины.

— А разве Земцов работает в полиции? — удивился Вешний.

— Конечно. Он мне лично удостоверение показывал, — соврал Белкин, чтобы не признаваться, как шарил по карманам его куртки.

— Вот что делается! — посетовал Пирогов, не вполне отчетливо понимая, что же на самом деле делается.

— Замечательно, — проворчала Ирина, перешагивая через порог. — А мне он говорил, что работает в какой-то охранной структуре... Хорош работник полиции! Обратите внимание — из-за таких работничков, как Земцов, мои вкладчики как раз и не получили денег!

Одеваясь на ходу, Пирогов суетился за спинами одноклассников, не зная, с кем встать рядом.

— Только дурить нас может, — поддержал он общую тему, но его голос заглушил скрип снега под каблуками туфель и ботинок.

Когда голоса одноклассников стихли, Люда, оставшись одна, приблизилась к столу, склонилась над тарелкой, которую Пирогов час назад до блеска вытер хлебным мякишем, и осторожно взяла свинцовую дробинку.

Минуту она рассматривала ее, перекатывая, как жемчужину, по ладони. Затем, подняв голову, посмотрела на черную дыру в стене и произнесла: — Отпусти меня. Пожалуйста! Мне к мужу надо...

Не дождавшись ответа, взяла с дивана куртку и вышла в прихожую. Стоя у зеркала, причесалась, стянула волосы на затылке красной резинкой и стала рассматривать багровый синяк на шее.

«Господи, зачем я это сделала?» — подумала она и закрыла лицо ладонями.

Глава 20

Они шли гуськом по тропе. Вешний впереди, за ним Ирина, затем Белкин и Пирогов.

— Земцов! — кричал Вешний. — Кончай дурить!

— Серега! — вторил Белкин, сложив ладони у рта рупором. — Выходи, мы тебя разоблачили!

— Пошутили, и хватит! — говорил Пирогов, но не столько исчезнувшему Земцову, сколько идущему впереди Белкину. — На фига так шутить, правда?

Вешний прошел ту часть тропы, которая была освещена окнами дома, и первым оказался в полной власти ночного мрака. Сделав еще несколько шагов, он остановился.

— Ну, в чем дело? — спросила Ирина и хлопнула его ладонью по спине.

— Ни хрена не вижу...

Остановился Белкин, а затем и Пирогов. Все четверо стояли под колким звездным небом и слушали тишину. Вскоре Ирине это стояние надоело. Она поняла, что Вешний никак не может решиться пойти дальше.

— Подвинься, я знаю, где он прячется.

— Мне кажется, — негромко произнес Пирогов, — что вот там, за углом, мелькнула чья-то тень.

— Вот иди и проверь, раз тебе кажется, — предложил Белкин. — Лично мне кажется, что эта игра в прятки добром не кончится.

Ирина решительно пошла первой, свернула за угол дома и направилась к светящимся окошкам кухни.

— Ну что? — издали спросил Пирогов, когда она подошла к двери и запахнула ее настежь.

По тому, с какой злостью Ирина захлопнула дверь, все поняли, что на кухне никого нет.

— В бане! — уверенно произнесла она и уже поставила ногу в глубокий сугроб, но тут же подалась назад и, обернувшись, крикнула: — Черт вас возьми! Здесь есть мужчины или нет? Почему я должна все проверять?

Вешний понял, что недовольство Ирины вызвано его нерешительностью, неуверенно шагнул с тропы в сугроб и схватил Пирогова за рукав:

— Пошли со мной, а то заснешь, как суслик в Антарктиде!

Тем временем Люда вышла из дома и зашагала по тропе, оглядываясь по сторонам. Она видела, как топчутся на снегу ее одноклассники, слышала обрывки фраз, но приблизиться к группе не спешила. «Надо уносить отсюда ноги, пока не поздно, — крутилось у нее в голове. — Но этот проклятый частокол! Где-то должна быть лестница. На крайний случай, веревка...»

Она свернула за угол к сараю и, очутившись в полной темноте, выставила руки вперед. «Здесь должна быть лестница...» Нащупала сложенные друг на друга тугие мешки с цементом, провела рукой по полке, заставленной липкими, пахнущими краской банками... И вдруг чья-то горячая ладонь зажала ей рот и толкнула спиной к стене. Люда попыталась крикнуть, оттолкнуть от себя навалившегося на нее человека, но ей в щеку уперлось что-то металлическое, очень холодное, и она услышала сдавленный шепот:

— Не вздумай пикнуть...

— А вам не кажется, — сказал Вешний, выходя из бани, — что Земцов сидит сейчас где-нибудь на чердаке, смотрит на нас через окно, лакает коньяк и громко хохочет?

— Мне кажется, — глухим голосом ответила Ирина, поднимая воротник шубки, — что я буду очень рада, если никогда больше не встречу с ним... Короче, милые мои одноклассники, мое терпение лопнуло, и я намерена вас покинуть. Ты умеешь управлять снегоходом? — обратилась она к Вешнему.

— Снегоходом? — зачем-то переспросил он.

— Ну, не ступой же с метлой!

Вместо ответа Вешний произвел свой любимый жест, который можно было растолковать как угодно.

— Прекрасно! — удовлетворилась этим Ирина. — Тогда не будем медлить... Эй, кто тут с напильником ходил?

— Я! — тотчас отозвался Пирогов. Он был польщен тем, что его, наконец, заметили и идею с напильником оценили. — Сейчас! Я его в носок засунул... Вот же гад, не вылезает... Айн момент...

— Немедленно уезжаем! Немедленно! — решительно повторяла Ирина и кидала взгляд на ворота, которые отбрасывали ступенчатую тень от луны. — Сейчас я позвоню водителю, чтобы подъехал к «Ковчегу»... Все, я сыта по горло шалостями своих милых одноклассников...

— Вот! — известил Пирогов, поднимая над головой напильник. — Сейчас мы замочек спилим... Послушайте, может, вы прихватите меня с собой? — добавил он, не теряя надежды на приход своего «звездного часа», и бодро зашагал по тропе к забору с напильником в руке.

Падающий из кухонного окна свет разлился на сугробах желтым квадратом, и из темноты в квадрат вошла Люда, словно актриса на освещенную прожектором сцену. Она балансировала руками, сохраняя равновесие на узкой тропе, и создавалось впечатление, что она совершенно пьяна.

— Идите сюда! — вдруг негромко позвал Пирогов. Голос его был странным, будто он готовился рассказать о себе нечто постыдное.

Белкин тотчас поспешил к нему.

— Ну, что там еще? — нарочито устало спросил Вешний, желая показать, как ему надоело опекать беспомощных людей, и тоже двинулся к воротам. Он приблизился к Пирогову и Белкину, посмотрел им под ноги и застыл, словно превратился в ледяную статую. Ирина шла все медленнее — то ли ее утомила ходьба по рыхлому снегу, то ли насторожило необычное поведение одноклассников. Люда вынуждена была останавливаться, чтобы не наступать ей на пятки.

— Только, пожалуйста, не надо кричать, — хрипло попросил Пирогов и закашлялся.

Подойдя к ним, Ирина присела, чтобы лучше разглядеть продолговатый предмет на снегу, ахнула, прижала руку в белой перчатке к губам и прошептала:

— Боже мой!

Первый красавец класса Земцов лежал на боку, согнув ноги в коленях. Его обнаженная голова была мокрой от темной крови, которая глубоко пропитала сугроб и уже начала выкристаллизовываться на морозе, а тусклые глаза смотрели прямо перед собой, на монтировку, воткнутую в снег.

Белкин поднес пламя зажигалки к его лицу.

— Хотел бы ошибиться, но мне кажется, что он мертв...

Глава 21

Никто не мог произнести ни слова. Пять человек обступили коченеющее тело. Пар от дыхания струился над их головами.

— Начинается, — первой заговорила Ирина. — Было бы странно, если бы ничего подобного не произошло...

— Полагаю, что мы вляпались по-крупному, — добавил Белкин.

— А чего мы стоим? — громче всех произнес Пирогов. — Давайте что-нибудь делать! Может, попробовать искусственное дыхание? Или массаж сердца?

Никто не шелохнулся. Все понимали, что Пирогов сказал глупость. И он сам знал об этом, но очень хотелось выделиться.

— Мне становится дурно, — прошептала Ирина и отошла на шаг.

— Вот до чего пьянство доводит, — морализаторским тоном сказал из-за ее плеча Вешний. — Выпившему человеку лучше дома сидеть, а не шататься где попало... Наверное, он поскользнулся...

— Если ты считаешь, что он поскользнулся и ударился башкой о монтировку, тогда так и говори! — начал распалять сам себя Белкин. — А то за такие намеки можно и по физиономии схлопотать.

— А чего ты ерепенишься? — удивился Вешний. — Что я такое сказал?

— Хватит вам кричать, и без вас тошно! — оборвала их Ирина.

Белкин снова стал светить зажигалкой.

— Монтировка тоже вся в крови... Смотрите, конверт валяется!

Все склонились над трупом.

— Дай сюда! — потребовала Ирина.

Белкин не сразу и с явным неудовольствием взял конверт, лежащий на снегу рядом с трупом, и протянул его Ирине.

— Пусто, — объявила она, заглянув в конверт, усмехнулась и кинула вопросительный взгляд на Вешнего.

— Ерунда какая-то получается, — пробормотал Пирогов. — Хренотень, одним словом...

— Мать моя женщина! — вдруг воскликнул Вешний и весь аж задергался. — Да ты посмотри, который час! Обрати на это внимание!

— А при чем здесь час? — спросила Ирина, опуская конверт на грудь покойнику.

— При том, что этот козел из дупла, — кивнул он на дом, — не шутил, когда грозился убивать нас по одному.

— Он нам дал четыре часа на раздумья, — напомнил Белкин. — А прошло всего два.

— Два, четыре... Вы что, с ума сошли?! — выкрикнул Вешний. — Вы сомневаетесь, что Земцова прибил этот маньяк?

— Не ори! — поморщилась Ирина.

— А мы на Земцова бочку катили, — пробормотал Пирогов и шмыгнул мокрым носом. — А он, получается, вовсе ни при чем... Надо сваливать. И вызвать полицию.

— Да подожди ты со своей полицией! — буркнул Белкин. — Дай самим сначала разобраться.

— К тому же полиция нас сразу всех упрячет в «обезьянник», — подержал его Вешний, — это как пить дать.

Ирина оглядела одноклассников.

— Какие еще будут соображения? — спросила она, и тут ее взгляд остановился на лице Люды. — А ты что притихла, как мышка?

— А что мне сказать? — поводя плечом, ответила та.

— Что, по-твоему, нам надо делать?

— Пилить замок и уходить отсюда как можно дальше и быстрее, — спокойно произнесла Люда, будто предлагала одноклассникам прогуляться перед сном по лесу.

— Правильно! — поддержал ее Пирогов. — Иначе нас тут всех, как куропаток...

Он шагнул к воротам, взял в руки замок и провел по его ушку напильником. Раздался противный скрип.

— А может, монтировкой? — предложил Вешний и, нагнувшись над трупом, взялся за орудие убийства, чтобы выдернуть его из снега. Но тут вдруг Ирина властно крикнула:

— Стойте все! Неужели вы не понимаете, что все это значит? Хозяин убил Земцова потому, что тот пытался выйти за ворота! Это предупреждение всем нам: кто тронет замок, тот будет убит. Нам надо себя спасать!

— Постойте! — перебил ее Пирогов. — У меня идея! Если Земцов пытался открыть ворота, значит, у него что-то было! Не голыми же руками он хотел сорвать замок!

— Соображает! — польстил ему Вешний, но таким тоном, каким хвалят дауна, правильно сложившего кубики. — Скорее всего, у Земцова был ключ. Надо искать!

Вспыхнули две зажигалки. Белкин и Вешний, опустившись на корточки, принялись осматривать утопанный снег.

— Посмотрите в карманах, — посоветовала Ирина. — Может, он не успел его вынуть...

— Вряд ли, — поспешил высказать сомнение Белкин, чтобы не обыскивать труп.

— Давай, давай! — охотно поддержал Ирину Пирогов. — Боишься, что ли?

— Я не боюсь! — неожиданно проговорил Вешний. — Чего тут бояться? Я к крови равнодушен... Так, проверим сначала куртку...

Затаив дыхание, все смотрели, как Вешний обыскивает карманы мертвеца.

— Здесь пусто... И здесь тоже... — Он стал расстегивать «молнию», чтобы проверить пиджак, и вдруг воскликнул: — Мать моя женщина! Да у него здесь пистолет!.. — Медленно извлек сверкающий черным металлом пистолет и приподнял его над головой, чтобы всем было видно.

— Дай сюда! — сказал Белкин, схватив оружие. Он поднес его к глазам, покрутил в руке и заметил: — Ничего удивительного, у ментов должен быть пистолет.

— Странно, что он им не воспользовался, — произнес Пирогов и тоже потянулся за пистолетом, чтобы его рассмотреть вблизи. — Будь у меня такая «пушка», я бы не позволил раскроить себе череп.

— Газовый, — уверенно произнесла Люда и взяла пистолет из руки Пирогова. — У моего соседа такой же есть.

— Не надо говорить о том, чего не знаешь! — с иронией заметил Вешний. — Настоящее боевое оружие! Я этой ерунды вдоволь насмотрелся, когда в Чечне был.

— А вам не кажется, что эта штука может пригодиться нам? — спросил Белкин.

— Зря вы этот пистолет лапаете, — покачала головой Ирина. — Как дети, ей-богу!

— Почему зря? — спросил Пирогов.

— Узнаешь, когда трупом займется следственно-оперативная группа. Очень долго потом придется объяснять, почему на пистолете оказались твои отпечатки пальцев.

— Блин! — испугался Пирогов и схватился за голову. — Как же мы об этом сразу не подумали?

— Надо его платком протереть и положить, где был, — посоветовал Вешний.

— Давайте его лучше водкой протрем, — предложил Пирогов. — Для гарантии.

— Возьмите, — сказала Люда, протягивая сложенный вчетверо белый платок. — Он чистый.

— Давайте я протру, — решил Белкин, полагая, что с водкой лучше всего управится сам.

— Дайте ему пистолет, — одобрила Ирина.

Белкин присел на корточки с протянутой рукой.

— Ну? Что там? — поторопил он, когда возникла пауза.

— У кого пистолет? — спросила Люда, оглядывая одноклассников.

— У меня нет, — ответил Вешний. — Я его отдал.

— Кому?

— Кому-то...

— Кончай шутить, братцы, — произнес Белкин, выпрямляясь. — «Пушка» у кого?

— Последним ты ее держал, — сказала Ирина. — Люда тебе его дала.

— Вы что, обалдели? — пожал он плечами. — Нет его у меня! Все его руками лапали... Я могу карманы показать!

— Это уже не смешно, — произнесла Люда и многозначительно посмотрела на Пирогова.

— А чего ты на меня бочку катишь? — вспыхнул тот, часто моргая. — На фига мне этот пистолет сдался?

— Тихо! — прервала спор Ирина и подняла руку. — Мы орем, как ненормальные, нас, наверное, за километр слышно... Быстро проверьте свои карманы!

— Может, он под ногами у нас валяется? — предположил Белкин и протянул зажигалку Пирогову. — Давай, свети!

— А почему я? — Пирогов вдруг проявил нехарактерное для него упрямство и, сунув руки в карманы, попятился.

— Идиоты! — прошипела Ирина. — Рядом с нами лежит труп Земцова! И мы все сейчас, может быть, на прицеле у маньяка!

— А ты чего волнуешься? — усмехнулась Люда. — Тебя он точно убьет последней... Если, конечно, вообще убьет.

— Вот-вот, — кивнула Ирина. — Я именно об этом и говорю... И вообще, вы как хотите, а у меня замерзли ноги. — Она резко повернулась и пошла к дому.

— Правильно! — поддержал Пирогов и двинулся за Ириной следом.

Вешний и Белкин кинули взгляд на дом с желтыми квадратами окон, на кухню и сарай, и оба подумали о том, как теперь уйти, чтобы не показать свою трусость. Белкин с презрением буркнул: «Связался же я с вами!» — и неторопливо зашагал по тропе, увязая в снегу.

— Замерзнешь, — изобразила заботу Люда и, не дождавшись от Вешнего слов возражения или согласия, вздохнула, покачала головой и пошла за Белкиным.

Вешний провожал глазами темные фигуры до тех пор, пока они не скрылись за углом дома, затем приблизился к трупу, присел на корточки.

— Спи спокойно, дорогой товарищ, — прошептал он и вынул из кармана невостребованный платок. Разложив его на ладони, взялся за конец монтировки, торчащий из снега, выдернул ее, все еще липкую, и закинул за частокол.

Глава 22

В жаркой прихожей шуба Ирины вмиг покрылась каплями растаявших снежинок. Она морщилась, расстегивая пуговицы, ей было неприятно от мокрого воротника. Расталкивая всех, Пирогов протиснулся к ней, бормоча:

— Вот же... Три мужика, а раздеть некому...

Он принялся неумело стаскивать с Ирины шубу, наступая на ее полы. Ирина дергала плечом, крутила головой, когда мокрый воротник елозил по ее шее, но от усердия Пирогова не отказывалась.

Вешний тем временем скинул ботинки и в носках и куртке прошел в гостиную. Приблизившись к камину, в котором еще было достаточно углей, присел перед решеткой и стал делать вид, что греет руки. Убедившись, что Ирина и Пирогов надолго застряли в прихожей, а Белкин ничего не видит кроме бутылок на столе, он вынул из кармана куртки нечто завернутое в газетную бумагу и кинул сверток в самый жар. Бумага тотчас ярко вспыхнула, в вытяжную трубу потянулся удушливый запах горячей пластмассы. Беспokoясь, чтобы все сгорело дотла, Вешний пошевелил вязкий комок кочергой. «Вот и все! — с удовлетворением подумал он, закапывая конец кочерги в угли. — И никаких следов!»

Пирогов, производя много ненужных движений и создавая много шума, вошел в гостиную, на несколько шагов опередив Ирину. Кресло, вполне уютно стоявшее в углу, он зачем-то вытащил на середину комнаты и обратился к ней:

— Прошу! Что будешь пить? Чай, кофе?

Ирина, поблагодарив его кивком головы, села в кресло и поставила на колени саквояж. Подкинув в камин дров и глядя на разгорающееся пламя, Вешний задумчиво проговорил:

— Однако уже одиннадцатый час. Остался один час и сорок минут.

— Чепуха! — махнул рукой Пирогов. — Достаточно одного Земцова.

— Кому достаточно? — уточнил Вешний.

— Что за вопросы? Что за намеки? Если ты хочешь сказать что-нибудь умное, то говори прямо!

— Прямее некуда, — ответил Вешний. — Только ты не волнуйся так сильно, не надо, а то бородку подпалишь.

— Как я от вас устала! — возмущенно протянула Ирина. — Помолчите немного! вспомните, что мы все под прицелом, что жизнь каждого из нас висит на волоске!

Вытянув ноги, она расслабилась и закрыла глаза. Ее руки лежали на крышке саквояжа. «Надо звонить. Леша сделает все быстро и через два-три часа отправит на мой ноутбук факс... И все-таки, как скучно, господа, скучно. Я думала, что Курга — личность. А он оказался заурядной серой мышью. И ничего у него нет за душой. Дурак дураком. Создал «Союз обманутых вкладчиков» — три тысячи человек верили в него, как в Бога, готовы были по его приказу идти и крушить все на своем пути. Да на этой толпе можно было бы сколотить целое состояние... Ну что с него взять? Сядет в тюрьму по двум статьям. Захват заложника с применением оружия и в отношении нескольких человек — пятнадцать. Убийство, сопряженное с захватом заложника, — минимум двадцать пять. По совокупности дадут «вышку». По мораторию заменят пожизненным заключением. И будет Курга до

конца своих дней молиться в сырой камере перед самодельными иконами, пока не закопают его без гроба, могильного холма и креста на тюремном погосте...»

Белкин обошел стол, наполняя рюмки. Затем придвинул к себе блюдо с хлебной нарезкой и стал делать бутерброды с кусочками селедочного филе и колечками лука. Он любил процедуру организации выпивки: наполнять посуду, готовить закусок, произносить тосты. Рюмку Земцова он поставил на чистую тарелку и накрыл сверху тонким ломтем черного хлеба.

— Ну что, братцы? Помянем Серегу?

Никто не шелохнулся. Только Пирогов, купая в чашке с кипятком пакетик с заваркой, дурным взглядом посмотрел на рюмку, прикрытую хлебом, и произнес:

— Так что же это получается? Значит, сообщник хозяина все еще среди нас?

То, что он сказал, было равносильно оскорблению. Все встрепенулись. Оцепенение спало даже с Ирины, которая, казалось, дремала в кресле. Она открыла глаза и, скривив губы, взглянула на Пирогова.

— С чего ты взял? — насмешливо спросил Вешний.

— А с того, — ответил Пирогов и обвел всех взглядом, — что хозяин не мог убить своего сообщника.

— Почему ты уверен, что хозяин не пошутил, когда говорил о сообщнике? — спросил Белкин и добавил: — Бери рюмку, хватит болтать!

— А зачем ему шутить? Какой смысл ему шутить? — убеждал Пирогов, вытягивая шею вперед, как рассерженный гусак.

— Не вижу никакого толка от сообщника, — сказала Люда. Она стояла у окна, так как это было единственное место, не попадающее в поле зрения Ирины. — Если бы сообщник в чем-нибудь себя проявил. Но ведь ничего похожего...

— И я в это не верю, — поддержал ее Вешний.

— А я верю, — настаивал на своем Пирогов.

— Значит, ты и есть сообщник. С тебя все началось. Ты вызвал нас всех сюда...

— В самом деле, — пробормотал Белкин, с удивлением взглянув на Пирогова. — Это ведь ты разослал нам письма.

— Во-первых, — потускневшим голосом произнес Пирогов, покрываясь пунцовыми пятнами, — собрать нас в этом месте придумал Войтенко, а я лишь вложил письма в конверты. А во-вторых...

— Ну, все, хватит! — перебила его Ирина. — Милые мои, это так сильно смахивает на игру в Агату Кристи, что просто тошнит. Я не хочу обидеть Сашу, но он менее всего похож на сообщника террориста.

— Почему же менее всего? — возразила Люда, заставив Ирину повернуться к ней лицом. — Это раньше он был маленьким и забитым. А сейчас, когда не стало Земцова, он стал храбрым и грозным.

Пирогов хотел возмутиться, но не нашелся, что сказать. Воспользовавшись его замешательством, Вешний послал очередной снаряд:

— Согласитесь, друзья, это очень странно: вместо того чтобы попросить у Пирогова адреса и самому отправить приглашения, Войтенко отправляет чистые бланки Пирогову, чтобы тот вписал фамилии и вложил в конверты...

— Ничего странного! — взвился Пирогов. — Из зимовки намного проще отправить нарочным одно письмо для меня, чем десять — для вас.

— Не вижу разницы, — покачала головой Люда. — Саша темнит. Если бы я получила отпечатанное на принтере письмо от Войтенко, которого не видела пятнадцать лет, то сначала бы выяснила, действительно ли его написал Войтенко.

— В этом есть логика, — задумчиво произнес Белкин.

— Так что сознавайся, — повернулся к Пирогову Вешний. — не то мы тебя за каминную решетку посадим.

— Да вы что?! — выкрикнул Пирогов и сделал движение, словно хотел порвать ворот свитера. — В своем уме?! Я этого Кургу первый раз в жизни увидел вместе с вами!

— А откуда тебе известна его фамилия? — тотчас спросила Люда.

— Опа! — хлопнул в ладоши Вешний. — Ну-ка, отвечай!

Пирогов уже собрался, было, сказать, что фамилию хозяина услышал от Ирины, но вовремя прикусил язык. Чувствуя себя загнанным в угол, он поднял тяжелый взгляд на Вешнего и глухим голосом произнес:

— Знаешь что... Кто больше всех орет... Думаешь, я не заметил, там у забора... Ты первым схватился голый рукой за монтировку.

— Ах, какой ужас! — взвыл Вешний и закрыл ладонями лицо.

— Не корчи из себя идиота! — выдавливал из себя Пирогов. — Ты сделал это для того, чтобы потом, если спросят, откуда на монтировке твои отпечатки, сказать: а я за нее хватался при всех, все видели, все свидетели...

— М-да, придумал очередную ересь, — скривился Вешний. Очень умное замечание, ничего не скажешь. С таким же успехом я могу объявить всем, что ты последним держал в руках пистолет Земцова.

— Между прочим, замечание Пирогова в самом деле неглупое, — заметила Ирина.

— Ой! — замахал руками Вешний. — И ты сюда же лезешь, главная умница класса! Лучше расскажи всем, что ты говорила мне о Земцове там, наверху? Если забыла, могу напомнить.

— Сделай милость, дорогой мой! — рассмеялась Ирина.

— Ты сказала, что Земцова на дух не переносишь. Не по твоей ли наводке хозяин его прибил?

— Правильно! — с серьезным видом кивнула Ирина. — Признаю, грешна: не переношу Земцова на дух. Тем не менее, я просила тебя передать ему деньги на оплату дома. Они были в беленьком почтовом конверте. Никто, кроме тебя, не знал про эти деньги. А потом они вдруг пропали.

— Кроме меня о деньгах знала еще ты! — выкрикнул Вешний, выставив в ее сторону указательный палец.

— Еще хочу напомнить, — вставил Пирогов, — что пропали и мои сто баксов, которые я выиграл. И они тоже исчезли из карманов Земцова!

— Похоже на то, — сказала Люда, — что Саша более всего озабочен исчезновением этих ста долларов.

Пирогов круто повернулся и сжал кулаки.

— Кстати, Пирогов! — вклинился в перепалку Белкин. — А ведь ты подходил к воротам перед тем, как там оказался Земцов. Помнишь, когда мы все вышли гулять?

— Я ходил туда, чтобы посмотреть замок! — огрызнулся тот. — А ты лучше расскажи, почему приехал в «Ковчег» на сутки раньше всех.

— Это правда? — спросила Ирина и посмотрела на Белкина. — И что ты делал там целые сутки?

— Я просто перепутал даты, — буркнул он.

— А где ты ночевал?

— Я могу сказать, где ночевал. На турбазе. И, между прочим, видел там Вешнего. Теперь пусть он скажет, зачем приехал в поселок на сутки раньше и где ночевал.

Никто сразу не заметил, что Люда, опустив лицо, беззвучно смеется.

— Смотреть на вас и вспоминать... — с трудом произнесла она наконец. Смех все еще душил ее. — Мы самый дружный класс... Нам все завидовали... Вы помните, как мы клялись на рассвете после выпускного бала — помнить и любить... А сейчас...

— У нашей святоши началась истерика, — усмехнулась Ирина. — Ее тонкая и легкоранимая душа, напоенная возвышенными чувствами литературных героев, не вынесла нашего цинизма. Ох и ах!

Люда поправила волосы, подошла к ней и влепила звонкую пощечину.

— Спасибо, — сказала Ирина, не поднимая глаз. — Теперь мне будет легче.

Глава 23

Ирина поднялась наверх, прошла в самый конец коридора и остановилась перед бревенчатой стеной. Провела рукой по ее шершавой поверх-

ности, выдернула клочок пеньковой пакли, скомкала в ладонях и кинула под ноги.

— Курга! — негромко позвала она и прижалась к стене щекой. Потом взяла стоящий в углу металлический совок, постучала им по бревнам и позвала уже громче: — Курга, вы слышите меня?

— Да, — наконец отозвался он из-за стены.

— Это Ирина... Мне надо поговорить с вами с глазу на глаз.

— Говорите, Ирина, я слушаю.

Она обернулась, посмотрела в конец коридора и снова прижалась щекой к бревнам.

— Я согласна на ваши условия. Как передать вам деньги?

Возникла пауза. Ирина представляла, какое замешательство вызвали ее слова. Наверное, Курга был вне себя от счастья.

— Вы меня слышите? — спросила она.

— Да, да! — торопливо отозвался Курга. — Сейчас... Я думаю... Завтра. Завтра вы сможете?

— Не я, разумеется, а мой человек, — уточнила Ирина.

— Ну да, конечно... Тогда запомните: пусть ваш человек упакует деньги в небольшой рюкзак и купит букет цветов. Завтра в восемь утра он должен подняться на «вышку» с рюкзаком и букетом...

— Куда он должен подняться? — перебила его Ирина.

— Вверх по канатно-кресельной дороге. Поднимаясь, он должен все время смотреть вниз. Когда увидит под собой лыжника в красном комбинезоне со скрещенными над головой палками, пусть сбросит ему рюкзак с деньгами. Если все будет в порядке, через час вы все будете освобождены.

— Какие цветы должен держать мой человек?

— Не имеет значения. Любые... Ошибиться невозможно. Горнолыжники никогда не поднимаются на трассу с цветами, это нонсенс...

— Хорошо. Но вы должны дать мне слово, что больше никого не убьете.

— Я никого не убивал! Это страшное недоразумение...

— Вы зря пытаетесь убедить меня в этом, — оборвала его Ирина. — Я ведь не следователь.

— Будьте осторожны! Среди вас убийца... — продолжал бормотать из своей норы Курга, но Ирина уже не слушала его. Она быстро зашла в свою комнату, заперлась на замок, достала мобильный телефон и, набрав номер телохранилителя, тихо спросила:

— Леша, рбята подъехали?

— Да, Ирина Юрьевна. Они давно здесь. Девчонку все время держим в поле зрения.

— Пожалуйста, не испугайте ее. Пусть спокойно ходит, где хочет. Завтра в восемь утра она должна беспрепятственно уйти на «вышку».

— Нет проблем, Ирина Юрьевна!

— А теперь о самом главном. Слушай внимательно. Позвони мужу Людмилы, которой ты давал пользоваться телефоном, представься террористом Кургой и потребуй... ну, скажем, двести тысяч долларов за освобождение его жены. Если для него это непосильная сумма, и он начнет торговаться, соглашайся на меньшую. Предел — пятьдесят тысяч, иначе игра не будет стоить свеч... Пусть он упакует деньги в маленький рюкзачок и прихватит с собой букет цветов. Завтра в восемь утра он должен подняться на «вышку» с рюкзаком и букетом...

— Я понял... Он должен сбросить рюкзак лыжнику в красном комбинезоне со скрещенными над головой палками... Запомнил!

— Имей в виду, тем лыжником наверняка будет девчонка, которую вы пасете.

— Да я догадался, Ирина Юрьевна! Не debil...

— Подожди, это не все! Ты на горных лыжах катаешься?

— На всех видах автомобилей и мотоциклов, серфингов и яхт, Ирина Юрьевна, но только не на горных лыжах. С моими ста пятьюдесятью килограммами только лавины сбрасывать...

— Это плохо. А кто у нас горнолыжник?

— Марат два раза в год в Андорру мотается.

— Значит, Марат... Передай ему, пусть немедленно позвонит мне. Я объясню, что завтра нужно будет сделать.

Глава 24

А что ему еще оставалось? Администратор сказала: «Ждите до двенадцати ночи, и если никто не приедет, я сниму бронь и поселю вас». Вот он и коротал время в уютном закутке ресторана, закусывая водку остывшим борщом.

Рюкзак да помповое охотничье ружье в чехле — вот все его вещи.

Кирилл задержали неотложные дела, и он вылетел в Краснодар вечерним рейсом, а до «Ковчега» добрался лишь затемно. Был уверен, что веселье в самом разгаре, но в гостинице его обескуражили новостью: свободных мест нет, а группа молодых людей, помаявшись здесь около часа, удалилась в неизвестном направлении.

— Вам еще чего-нибудь? — спросила рыжеволосая официантка.

— Я бы, конечно, еще посидел...

— Нет-нет, сидите! — ответила официантка, как только Вацура начал вставать из-за стола. — Вы никому не мешаете. — Поставив перед ним чашечку кофе и присев за столик, она поинтересовалась: — Вы остановились в гостинице?

— Хотел бы там остановиться. Но пока жду, когда освободится хоть один номер.

— В «Ковчеге» всегда бывают свободные места, — сказала девушка. — А сегодня прямо столпотворение какое-то. Днем сюда приехала целая группа — тоже хотели устроиться. Ничего не получилось, ушли...

— А куда эта группа ушла? — спросил Кирилл.

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Наверное, в поселок. Там всегда можно снять угол. А почему вы спрашиваете? Вам не все равно?

— Это мои одноклассники, — вздохнув, ответил Вацура. — Я опоздал на встречу.

— О-о-о! — протянула девушка. — Вам не повезло. А меня, кстати, зовут Вера... Знаете, вы лучше спуститесь в поселок, может, найдете, где переночевать.

— Я все-таки попробую устроиться в гостинице, — отказался Кирилл, сам не зная почему.

— Как хотите, — не скрывая сожаления, ответила девушка и встала из-за стола. — Хорошего вам отдыха. До свидания!

Кирилл тоже поднялся, закинул за спину ружье и рюкзак и вышел в гардеробную. Решил перед уходом зайти в туалет, толкнул дверь и вдруг услышал глухой удар. Кажется, он двинул по лбу рослого человека, которого принял за сантехника. Тот стоял за дверью в полной темноте и при появлении Кирилла прижался к стене.

— Извините, — сказал Кирилл и нащупал на стене выключатель. Вспыхнул свет. Человек, стоящий у стены, прикрыл глаза ладонью. Он совсем не был похож на сантехника. Мощные плечи, короткая, почти под «ноль» стрижка, темный костюм, тяжелые надбровные дуги.

— Ничего, — сказал незнакомец, потирая лоб. — У меня броня крепкая. — Он сложил на груди руки и, глядя, как Кирилл открывает воду и умывает лицо, с сочувствием спросил:

— Перебрал?

— Ага, — ответил Кирилл, вытер лицо платком, взялся за дверную ручку и обратил внимание, что дверь прилегает не плотно, и через щель хорошо виден зал.

«Следит за кем-то», — подумал он, выходя из туалетной комнаты, и сразу забыл о незнакомце.

Было около одиннадцати. Администратор гостиницы, склонив голову над настольной лампой, то ли читала, то ли дремала над книгой.

— Вы поймите меня, — сказала она, едва Кирилл зашел в холл. — До двенадцати часов я не имею права снимать бронь. А вдруг они с минуты на минуту приедут?.. Хотите, посидите на диване.

«Здесь я точно усну», — подумал Кирилл и снова вышел. Постоял некоторое время на крыльце, глядя на призрачно-синюю гору с черными пятнами теней, которая подпирала собой полную луну. Вокруг царила тишина. На душе у него почему-то стало тревожно.

Распахнулась стеклянная дверь ресторана, и из нее вышла Вера. Кирилл не сразу узнал ее. Девушка была в приталенной дубленке и высоких сапожках. Рыжие волосы, освобожденные из плена кокошника, были распущены и волнами лежали на воротнике. Она прошла мимо, не заметив Кирилла, и ему показалось, что лицо девушки чрезвычайно встревожено. Не успела она скрыться за гостиничным корпусом, как из ресторана бесшумно вышел тот самый детина, которого он нечаянно огрел дверью. Застегивая на ходу пуговицы длиннополого пальто, мужчина медленно дошел до угла ресторана и выглянул за него. Похоже, он следил за Верой.

«Не нравится мне все это», — подумал Кирилл и кинулся догонять девушку, которая уже спускалась по тропе вниз к поселку.

— Это вы? — с облегчением произнесла она, когда он приблизился к ней. — Вы меня напугали. Я подумала, что за мной кто-то крадется.

Кирилл снова заметил тревогу в ее глазах и напрямую спросил:

— Вы чего-то боитесь?

— Н-н-нет, — неуверенно ответила Вера, — но хорошо, что вы меня догнали, а то у нас всякие слухи ходят про медведя-убийцу. Все-таки немного страшновато.

Они спустились к поселку, теперь тропа пошла между ветхих сарайчиков, огражденных изгородью из обрезков проволоки и сушняка. Когда вышли на освещенную фонарями улицу, Вера неожиданно протянула Кириллу руку:

— До свидания, я уже пришла, а вы идите по улице и в каждом дворе спрашивайте комнату.

. Кириллу ничего не оставалось, как в одиночестве пойти вдоль кемпингов. Он стучался в те редкие дома, в которых еще горел свет, и очень скоро понял, что оптимизм Веры был несколько завышен — свободных комнат не было. Пик горнолыжного сезона!

Пройдя еще несколько метров, он повернул в обратную сторону, миновал калитку, где несколько минут назад расстался с Верой, как вдруг услышал ее голос:

— Почему вы вернулись? Ничего не нашли?

Кирилл обернулся. Вера шла к нему из темноты двора. Она была без дубленки, в белом свитере с воротником под горло.

— Я решил все-таки заночевать в «Ковчеге», — ответил он. — Не волнуйтесь, дорогу найду.

— Нет-нет, подождите! Как неудобно получается, это ведь я уговорила вас пойти в поселок... Сейчас что-нибудь придумаю. Вот что. — Она подняла крючок, отворила калитку и настойчиво притянула Кирилла к себе. — Переночуете у меня. Только, пожалуйста, говорите шепотом.

— А почему шепотом?

— Потому что хозяева уже спят.

— А разве... — Кирилл хотел спросить: «А разве не вы хозяйка дома?», но Вера прижала ладонь к его губам.

Она провела его в темный коридор, а оттуда — на скрипучую деревянную лестницу. Когда они поднялись на второй этаж, в сумочке Веры записал сигнал мобильного. Звеня ключами, она открыла дверь и, раздраженно буркнув «Подождите!», захлопнула ее перед носом Кирилла.

Он сел на ступеньку, рассматривая убогое убранство лестничной площадки, и не собирался подслушивать, но из-за картонной двери нервный голос Веры был слышен достаточно отчетливо:

— ...Не кричи на меня!.. Да, не могла... Хорошо, я поняла... Да, поняла... Не надо по сто раз повторять одно и то же... Можно подумать, у меня сто рук, чтобы все сразу унести с собой...

Потом за дверью все стихло, и она неожиданно открылась.

— Зайди! — переходя на «ты», каким-то бесцветным голосом бросила Вера.

В крохотной комнате с низким потолком из мебели стояли лишь допотопная кровать с выпуклым полосатым матрасом, шкаф, да миниатюрный столик с плиткой и кое-какой кухонной утварью.

Вера, ни слова не говоря, принялась греметь кружками и чайником, но Кирилл остановил ее:

— Спасибо, мне ничего не надо. И чая, кстати, тоже... Покажи, пожалуйста, где мне лечь.

— Как хочешь, — буркнула она и вышла в другую комнату через дверной проем, закрытый занавеской на веревке. Через минуту там погас свет.

Кирилл не стал стелить постельное белье, которое лежало в изголовье кровати крепкой накрахмаленной стопкой, и лег, не раздеваясь, поверх одеяла. Думал, что сразу уснет, но сон вдруг начисто отшибло. Он лежал, глядя в потолок, по которому скользили световые блики, вспоминал сегодняшний день, думал об одноклассниках. Внизу скрипели полы, кто-то

покашливал; с улицы доносился гул автомобилей, где-то недалеко с пронзительным свистом взмыла петарда... Не выдержав, он поднялся и подошел к окну. Поросших лесом гор, окружающих поселок, не было видно, улица была пустынна и темна, лишь под густой елью стоял черный «лексус», и через ветровое стекло был виден малиновый огонек сигареты. Кирилл отошел от окна, снова рухнул на кровать и не заметил, как погрузился в сон.

Глава 25

Спал он так крепко, что его не разбудил ни свист вскипевшего чайника, ни звон ложечки, которой Вера размешивала сахар. И только когда девушка надела горнолыжные ботинки и с гулким стуком прошла в них по комнате, он открыл глаза.

Склонившись над подоконником, Вера что-то писала на обрывке бумаги простым карандашом. Она была в пламенно-красном лыжном комбинезоне, который подчеркивал стройность ее фигуры, сдвинутые на лоб горные очки, словно кокошник, поддерживали роскошные волосы, на карабине, пристегнутом к поясному ремню, висели пронзительно-зеленые перчатки.

Кирилл продолжал притворяться спящим и исподтишка следил за ней.

Вера перестала писать, положила обрывок бумаги на чайник — так, что его нельзя было не заметить, и, стараясь аккуратно ступать тяжелыми пластиковыми ботинками, тихо вышла из комнаты. Едва дверь за ней закрылась, он вскочил с кровати и схватил записку.

«Кирилл, очень прошу тебя, спустись на первый этаж и скажи хозяевам, что мы освобождаем комнаты и больше сюда не вернемся. За все заплачено, вся мебель и постель в целости, никаких претензий быть не может. Прости, если ты ожидал от меня чего-то другого, но так получилось. Ты мне очень понравился. Вера».

Натягивая свитер, Кирилл подошел к окну. Вера вышла из калитки на улицу с горными лыжами на плечах и, встав на краю тротуара, стала голосовать. Укатанный крутыми горками «жигуленок» тормознул перед ней, хлопнули дверки, и машина медленно тронулась, со свистом шлифуя задними колесами лед.

Кирилл уже собрался отойти от окна, как вдруг увидел рослого человека в длинном черном пальто, который, провожая взглядом машину, торопливо шел по тротуару. Да это тот самый тип, который следил за Верой в ресторане! Человек в черном пальто подошел к «лексусу», который по-

прежнему стоял под елью, сел за руль, развернулся и поехал вслед за «жигуленком».

Кирилл быстро надел куртку, подхватил рюкзак и ружье и выбежал из дома.

Остановить машину в этом поселке, по-видимому, не составляло большого труда. Едва он поднял руку, рядом затормозила бортовая «Газель».

— Где у вас тут все на лыжах катаются? — спросил он у водителя.

— На «вышке», — кивнув, ответил водитель. — Садись!

«Газель» столь резво помчалась по шоссе, что через несколько минут обогнала крадущийся за «жигуленком» «лексус», а потом и сам «жигуленок».

— Какие у тебя лыжи маленькие, — заметил водитель, кивнув на чехол с ружьем.

— Это сноуборд, — ответил Кирилл, осторожно приподнимая голову и заглядывая в окно. — Швейцарский. Новейшая модель. С залповым ускорителем...

Он успел рассчитаться с водителем и спрятаться за палаткой, торгующей чебуреками, когда «жигуленок» подрулил к станции канатной дороги. «Лексус» где-то отстал по дороге, и его нигде не было видно. Вера, очень торопясь, купила билет и встала в очередь на посадку. Впереди нее толпилось не меньше полусотни горнолыжников. Девушка все время поглядывала на часы, озиралась и становилась на цыпочки, глядя на очередь поверх голов.

«Сейчас она сядет в кресло, и я ее потеряю», — понял Кирилл и короткими перебежками пробрался к кассе, а оттуда — к очереди, не сводя глаз с Веры.

— Вы крайний? — спросил его невысокий молодой человек с крупной головой, которую украшала аккуратная, волосок к волоску, прическа. Лицо незнакомца было гладко выбритым со свежими следами порезов. Он был одет не для гор — в джинсы и кожаную куртку, а к груди крепко прижимал букет тюльпанов и небольшой подростковый рюкзачок с рисунком легкомысленного зайца на верхнем клапане.

— Я, — ответил Кирилл. — Только за мной еще человек десять заняли. Сейчас подойдут.

Наконец очередь дошла до Веры. Она кинула на снег лыжи, наступила на крепления, и автоматика намертво прищелкнула лыжи к ее ботинкам. Кресло подлетело к ней сзади, подхватило, и девушка, словно на дельта-плане, воспарила над склоном.

Очередь быстро таяла перед Кириллом. Он вышел на посадочную площадку и, путаясь в лямках рюкзака и чехла, взгромоздился на подплывшее

сзади кресло. Канатка тащила его вверх, под ним беззвучно проплывали накатанная просека трассы, верхушки деревьев, журчащие по камням ручьи. Веру он хорошо видел благодаря ее ярко-красному комбинезону. Она покачивала лыжами, словно при помощи них управляла своим полетом, и смотрела вниз. Рельеф под креслами все время менялся, и глубокие провалы, увеличивающие высоту до холодка в животе, резко сменяли отшлифованные лыжниками бугры, до которых, казалось, можно было дотянуться лыжной палкой.

Вдруг, когда высота от кресла до земли стала сравнительно небольшой, Вера отстегнула предохранительную цепочку и спрыгнула вниз. Кирилл увидел, как она упала на крутой склон, покрытый глубоким девственным снегом, но тотчас встала на лыжи и, оттолкнувшись палками, зигзагом покатила вниз.

«Упустил!» — подумал он, уже готовый повторить ее рискованный трюк, и, отстегнув цепочку, с рюкзаком и ружьем в охапке, повалился в пустоту, словно выпрыгнул из самолета с парашютом.

Шум ветра в ушах, чувствительный удар, и он с головой зарылся в сугроб.

Разлепив глаза, Кирилл посмотрел по сторонам, но Веры уже и след простыл. Закинув на плечи лямки, он сдвинул на затылок свою волчью шапку и, увязая в снегу, пошел к лесу, где, по его мнению, сугробы были не столь глубоки. Оказавшись в царстве деревьев, которые служили ему превосходной опорой, стал спускаться и тут увидел ее. Девушка стояла к нему спиной и пристраивала на лице большие зеркальные очки. Затем выскользнула из леса на склон, под канатную дорогу, и стала смотреть на проплывающих вверху лыжников. Кирилл, из последних сил вытаскивая увязающие в сугробах ноги, пошел к ней, понимая, что это последний шанс выяснить, что означает вся эта ошеломляющая акробатика и ее слова на бумаге: «Ты мне очень понравился».

— Вера! — позвал он, обнимая ствол сосны, стоящей на самом краю просеки.

Она молниеносно обернулась и негромко вскрикнула:

— Ты?! Умоляю тебя!! Уходи отсюда!! Уходи!!

Опешив от столь странной реакции, Кирилл остановился и оглянулся по сторонам. Ни на просеке, ни среди деревьев он не увидел, от чего, по мнению Веры, ему следовало бы немедленно уйти.

Тем временем Вера, казалось, забыла о нем. Поставив лыжи «плугом», чтобы удержаться на склоне и не покатиться вниз, она подняла палки вверх и скрестила их над головой. Не успел Кирилл подумать о том, что может означать этот знак, как в снег упал небольшой рюкзак, а следом спикировал букет тюльпанов.

В первое мгновение ему показалось, что между двумя событиями — скрещенными палками и падением на снег различных предметов, нет никакой связи, и что рюкзак с нарисованным на нем зайцем и цветы какой-то недотепа уронил нечаянно, однако, подняв голову, он увидел медленно уплывающего в кресле большеголового молодого человека. Взявшись рукой за штангу, человек повернулся, насколько мог это сделать в тесном кресле, и полными отчаяния глазами посмотрел на Веру.

Переставляя лыжи, девушка приблизилась к рюкзаку, ловко подцепила его палкой и подняла. Затем открыла рюкзачок, заглянула внутрь, и по тому, с какой торопливостью она сунула рюкзачок за пазуху и оттолкнулась палками, Кирилл понял, что девушка получила то, что хотела. Несколько сильных взмахов палками — и Вера, со свистом разрезая лыжами снежный наст, понеслась вниз.

Не ожидая больше ничего интересного, Кирилл сел на снег, задрал голову и посмотрел на кроны сосен. На короткое время им овладели одиночество и скука. Можно сказать, что на очень короткое, потому что мимо него вдруг пролетело нечто напоминающее реактивный снаряд. Всего секунду или две стремительный объект был в поле зрения Кирилла, а затем, взмыв в воздух на естественном трамплине, словно в пропасть провалился.

Кирилл успел рассмотреть, что это был мужчина в белом комбинезоне на сноуборде. Взяв ружье двумя руками и орудуя им, как веслом, Кирилл ринулся вниз по склону. Через несколько десятков метров он оказался на краю крутого обрыва и отсюда, с головокружительной высоты, увидел, как фигура Веры уходила влево, удалялась от маркированной трассы, а мужчина в белом постепенно догонял ее.. Оба лыжника ухнули вниз с очередного обрыва и на некоторое время исчезли из виду.

Сев на снег, Кирилл скинул рюкзак и вытащил из него бинокль. Пятидесятикратная оптика позволила ему отчетливо рассмотреть, как сноубордист догнал Веру и поравнялся с ней. Несколько сотен метров они мчались рядом друг с другом, оставляя за собой веера снежной пыли. Можно было предположить, что мужчина что-то кричит Вере. Амортизируя ногами на кочках, она ушла от него в сторону, пронеслась между прозрачных кустов, но сноубордист снова догнал ее и на вираже сбил с ног. Они оба упали в снег. Лыжи Веры, словно лопасти разбившегося вертолета, разлетелись в стороны, красной птицей мелькнула в снежном вихре ее косынка. Перекувырнувшись несколько раз через голову, девушка осталась неподвижно лежать на снегу. Сноубордист, освободившись от доски, приблизился к ней, склонился, расстегнул «молнию» на ее комбинезоне, вытащил из-под него рюкзачок, спокойно сел рядом на снег и прижал руку к своему уху. Похоже, он говорил по мобильнику.

Прошло несколько минут. Вера зашевелилась, приподняла голову. Сноубордист, казалось, не обращал на нее никакого внимания, будто девушка уже не представляла для него интереса. Напротив, на шоссе, остановился черный «лексус», из него вышел мужчина в длинном пальто. Оглядевшись по сторонам, он направился к лыжникам. Сноубордист заставил девушку подняться на ноги и встал за ее спиной. Мужчина в пальто (тот самый, который следил за Верой в ресторане!) приблизился к ней, что-то сказал и хлестким движением ударил ее рукой в перчатке по лицу. «Пропала девчонка!» — подумал Кирилл. Подняв Веру под мышки, мужчины потащили ее к машине. Она старалась идти сама, но не успевала переставлять ноги в тяжелых лыжных ботинках, часто спотыкалась и повисала на руках «джентльменов».

Сноубордист усадил Веру на заднее сиденье, дверцы захлопнулись, и машина, рванув с места, быстро скрылась за конусом лавинного языка.

Глава 26

Люда проснулась от запаха сигареты. Она ненавидела этот запах, особенно если курили там, где она спала, и недовольным голосом пробормотала:

— Ты можешь покурить на улице?

— Можно, — буркнул Белкин, кидая окурок в камин. — Но сейчас я тебе такое скажу, что сама закуришь...

Люда сразу поднялась с дивана, опустила ноги на пол, убрала волосы с лица.

— Что? — глухим голосом спросила она, глядя на Белкина со слабой надеждой, что он скажет ей совсем не то, о чем она думала.

— Вешний пропал.

— Как пропал? Ты наверху смотрел?

— Смотрел... Да нет его в доме.

— Может, он вышел в туалет?

— Может, — кивнул Белкин, — только я не знаю, что там можно делать два часа. Я слышал, как он уходил, еще темно было, и тоже подумал, что он пошел в туалет. А вот сейчас проснулся, посмотрел на часы — блин горелый! Два часа прошло, а Андрюха не вернулся!..

— А где Пирогов? — спросила Люда.

— Наверху. Он вытащил в коридор раскладушку и спит под дверью комнаты Ирины.

— И сейчас спит?

— Сейчас, может быть, уже не спит... Взгляд у тебя какой-то странный.

— Нормальный взгляд. А ты хочешь, чтобы я сияла от счастья?

Она встала, чтобы подняться на второй этаж и убедиться, что Пирогов и Ирина находятся там, но тут ступени дружно заскрипели, и по лестнице с сияющей улыбкой спустилась Ирина. За ней скакал взлохмаченный Пирогов.

— Доброе утро! — поздоровалась она со всеми.

— Не уверена, что оно доброе, — буркнула Люда.

— Почему? — продолжала улыбаться Ирина. — Солнышко...

— Вешний пропал, — перебила ее Люда.

— Пропал? — поморщилась Ирина.

— Ничего себе! — схватился за голову Пирогов. Опять все та же хреновень!

— Он ушел два часа назад и не вернулся, — гробовым голосом пояснил Белкин.

Улыбку с лица Ирины как ветром сдуло.

— Как же так? — пробормотала она. — Не может быть... Этого не должно было случиться... Вы видели труп?

— Пока нет, — ответил Белкин.

Ирина машинально опустилась в кресло, некоторое время молчала с задумчивым видом, а потом решительно проговорила:

— В общем, так. Мы имеем дело с полным идиотом... Или же это кто-то очень хитрый... Хотя, может, не столько хитрый, сколько больной... Одеваемся и выходим, все вместе. Надо найти Вешнего... Тогда многое прояснится.

— Заодно и пистолет у ворот поищем, — оживился Пирогов.

— Стоит ли прикидываться дурачками друг перед другом? — усмехнулась Ирина. — По-моему, уже давно ясно, что пистолет у кого-то из нас. И если сейчас мы увидим, каким способом убит Вешний...

Она не договорила, встала из-за стола и решительно направилась в прихожую. Пирогов, не забывая о своих новых обязанностях, покатился за хозяйкой. Белкин, предусмотрительно затолкав в карман недопитую бутылку, кивнул Люде:

— Пойдем отсюда.

Они вдоль и поперек обошли весь двор, заглянули в баню, на кухню, в сарай, но Вешнего — ни живого, ни мертвого — не нашли. Молча стояли под теплым солнцем и смотрели по сторонам. Белкин, со скрипом трамбуга мокрый снег, ходил взад-вперед по тропе и, часто затягиваясь, курил.

Пирогов грыз ногти и мысленно молил Бога, чтобы Ирина не приказала ему проверить кирпичную пристройку, в которой прятался Курга. Но его хозяйка думала о другом: «Если Курга узнает, что его сестра попала к моим людям, как он себя поведет? Неужели начнет убивать всех подряд?»

Пожалуй, только Люда ничем не выдавала своей озабоченности и, стоя на некотором отдалении от одноклассников, срывала с крыши мокрые сосульки.

— Хотел бы я знать, — произнес Пирогов, глядя в сторону ворот, — кто накрыл Земцова тряпкой?

— Пойду посмотрю, — сказал Белкин.

— И мы тоже! — тотчас ответил Пирогов, испугавшись, что останется один с девчонками, которых, не дай бог, придется защищать.

Он сошел с тропы и сделал жест рукой, великодушно уступая Ирине дорогу. «Какой же он, однако, дегенерат!» — подумала она, не скрывая брезгливого выражения на лице, но не стала объяснять, что даме не следует уступать дорогу, ведущую к мертвецу, и скомандовала:

— Вперед!

— Понял, — пробормотал Пирогов и побрел дальше.

Тем временем Белкин уже приблизился к труп, откинул ногой край армейской накидки, но тотчас поморщился и крикнул девчонкам:

— Блин горелый! Вам лучше не подходить.

Пирогов несмело приблизился к труп и стал осматривать истоптанный снег.

— Ничего себе! — вдруг воскликнул он. — Смотрите! Кусок мяса... Наверное, он его расчленил...

— Кто — он? — потребовала уточнения Ирина.

— Ну, этот... — начал Пирогов, но сразу осекся и просительно взглянул на Белкина.

— Ни хрена я не знаю, — отмахнулся тот от него. — И вообще, надоела мне вся эта фигня. Надо что-то делать.

— Что-то! — передразнила Ирина. — И при этом, конечно, ты имеешь в виду меня. Только я должна что-то делать! Ты будешь жрать водку, Людочка будет улыбаться, как больная, Пирогов будет подобострастно выдавливать из себя глаза, а я должна решать нашу общую проблему.

— Заплати ему, а? — мягко попросила Люда. — Отдай человеку его деньги. Сними грех с души.

Вне себя от бешенства Ирина повернулась к однокласснице и процедила сквозь зубы:

— Если я ему заплачу, то только для того, чтобы он продержал тебя здесь как можно дольше... Видеть вас всех не могу! Сборище дегенератов! Повезло мне с одноклассниками, ничего не скажешь!

С этими словами она решительно направилась к дому, по пути задев плечом Люду, отчего та потеряла равновесие и села на снег.

— Какого черта ты на нее накинулась! — возмутился Пирогов, как только Ирина скрылась за углом. — Сейчас все от нее зависит! Если мы в самом деле ни на что не способны, то должны помалкивать.

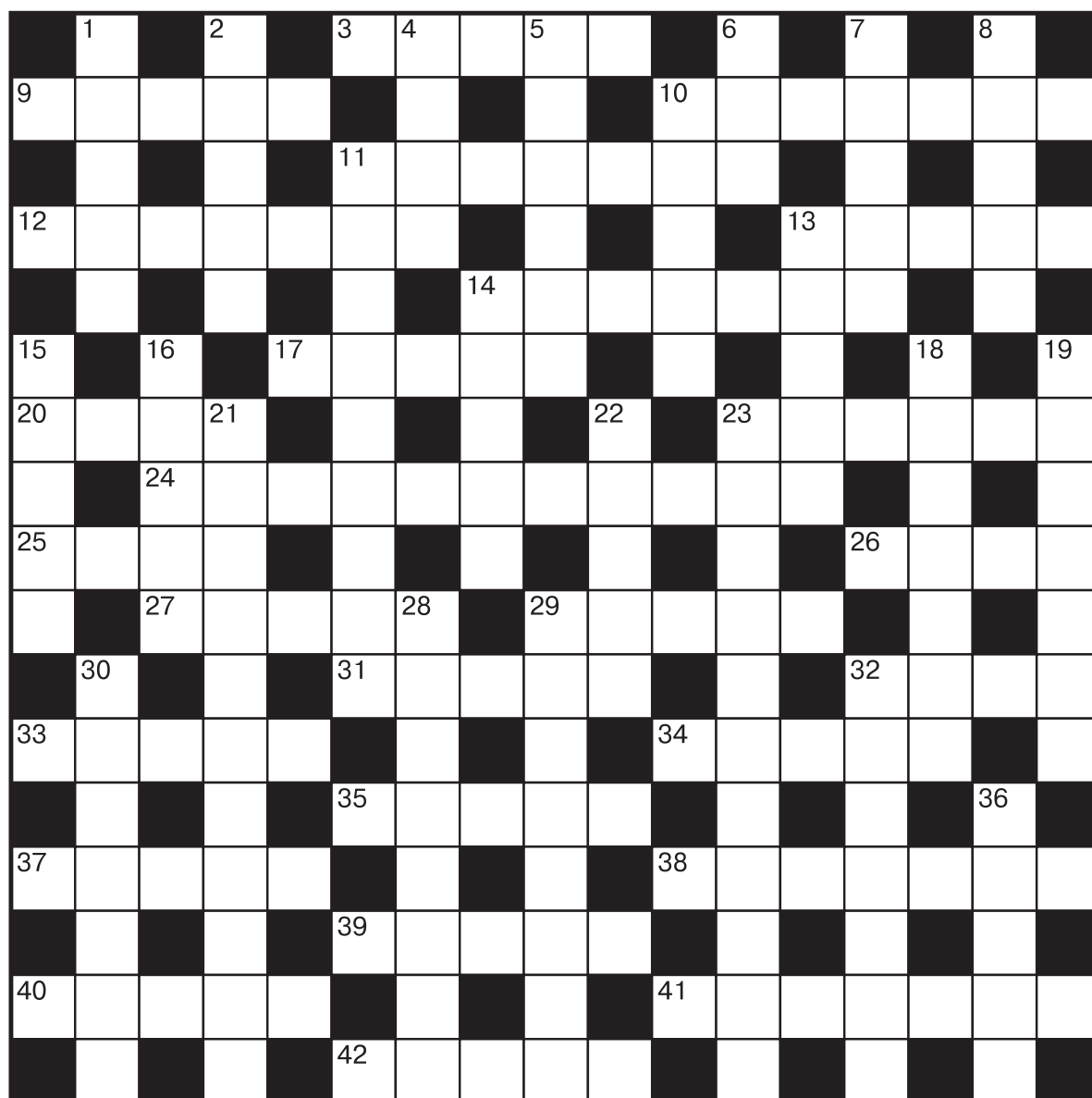
— Ой, Пирогов! — простонала Люда, поднявшись со снега и отряхивая джинсы. — Заткнулся бы ты лучше!

— Она правильно говорит, — опустил руку на плечо Пирогову Белкин. — Тебе лучше заткнуться.

— Да идите вы все! — вяло ответил Пирогов и, сбросив с плеча его руку, двинулся по следам Ирины к дому. □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто из морских монстров может достигать двадцати трех метров? **9.** Заморская отбивная. **10.** «Формула-1 на льду». **11.** Где именно музыковед Святослав Бэлза пил водку с певцом Вадимом Козиным? **12.** Буфет, где продают отвары. **13.** Русский шнапс. **14.** Худрук МХТа, доводивший когда-то своими шутивными импрови-

зациями во время драматических монологов Михаила Козакова до состояния истерики от смеха прямо на сцене. **17.** Заначка на «всякий военный случай». **20.** Официально оформленное желание президента. **23.** «Силиконовая ...» **24.** Чьи игры описаны у Юрия Полякова в повести «Апофегей»? **25.** Представитель народа, подарившего миру свои циф-

ры. **26.** ... с огнем. **27.** Какое вино помогло Христофору Колумбу и его команде достичь берегов Америки? **29.** Какой игрой увлекался Уинстон Черчилль? **31.** «Ранняя пташка ... прочищает, а поздняя глаза продирает» (русская пословица). **32.** Лента из марли. **33.** Кто «зарабатывает» исключительно на карманных деньгах? **34.** Цементный раствор. **35.** Из-за какой собаки в 1960 году вынуждены были построить «Великую австралийскую стену»? **37.** Какая пряная трава унимает боль в желудке и побеждает бессонницу? **38.** «Главное достоинство речи». **39.** Практически чистый ... используют для производства лучших духов. **40.** Домашнее имя последней русской императрицы. **41.** Для какой игры нужен кий? **42.** Откуп от наказания.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Выживающий любой ценой. **2.** «Яблочный» гаджет. **4.** Чем в США занято в три раза больше людей нежели журналистикой? **5.** Что, как полагают ученые, скрывается за большим красным пятном на Юпитере? **6.** Что мож-

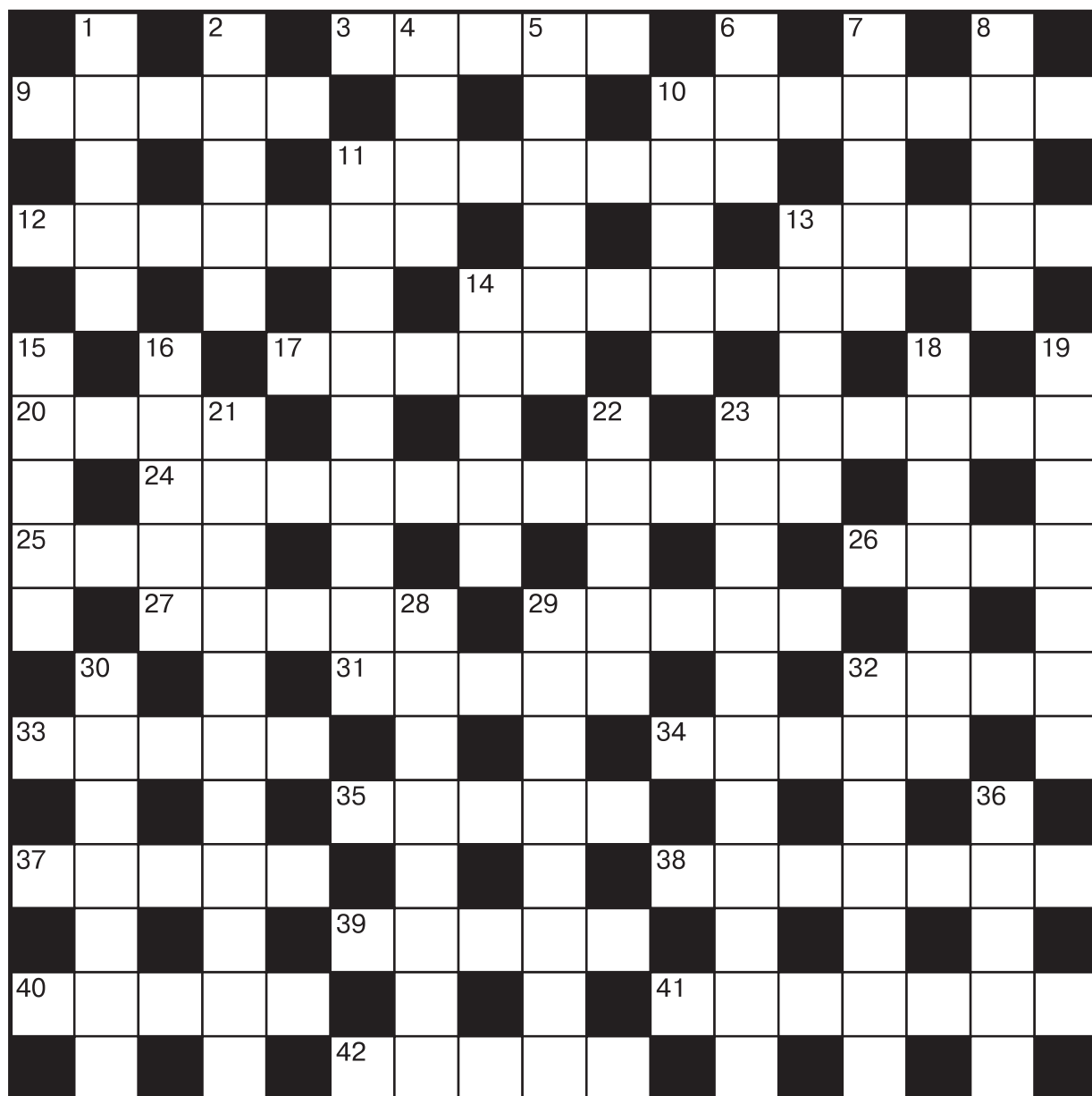
но увидеть с закрытыми глазами? **7.** Какой город освободил Александр Невский в битве на Чудском озере? **8.** «Крутиться как ... в колесе». **10.** Потерявшийся ... пассажира. **11.** С какого острова началась история Нью-Йорка? **13.** Подъемник колодца. **14.** «Самая ужасная ..., которую можно себе представить, состояла бы из одних знакомых». **15.** Свой супружеский дневник этот немецкий композитор начал словами: «Событий мало, счастья в избытке». **16.** Для обороны от других зверей у бегемота есть безотказное оружие — ужасающий ... изо рта. **18.** Птаха во «фраке». **19.** Внезапные беды. **21.** В какой кафешке обычно не рассиживаются? **22.** Латиноамериканская актриса Сальма ... происходит из семьи оперной дивы. **23.** Русский писатель в ближайших друзьях Николая Гоголя. **28.** Кто остальных избегает? **29.** Ручная циркулярная пила. **30.** «Увижу сей дворец, где ... зодчего, палитра и резец ученой прихоти твоей повиновались». **32.** «Город святого Петрония» на карте Италии. **36.** «Апофеоз наступления».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Борщ. **6.** Суфлер. **10.** Перепуг. **11.** Бизнес. **12.** Мавлид. **13.** Хьюстон. **14.** Техас. **17.** Вор. **18.** Солнцеворот. **21.** Живописец. **22.** Антимир. **25.** Вальс. **26.** Пластин. **27.** Обол. **29.** Сюрприз. **30.** Идеал. **31.** Данзас. **33.** Армстронг. **36.** Таиров. **38.** Гини. **39.** Ненависть. **40.** «Реал». **41.** Осот.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бобр. **2.** Размер. **3.** Бес. **4.** Сельсовет. **5.** Курсант. **7.** Уран. **8.** Лель. **9.** Роды. **10.** Пегас. **12.** Модернист. **14.** Торий. **15.** Бодибилдинг. **16.** Политикан. **19.** Вокал. **20.** Вильнюс. **23.** Ильинский. **24.** Кондитер. **25.** Военщина. **28.** «Спартак». **29.** Салон. **32.** Прыть. **34.** Гипс. **35.** Лист. **37.** Вес.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Какое понятие из индийской философии практически копирует «мировая воля» у Артура Шопенгауэра? **9.** Плетение в скатертях. **10.** Модная полька XIX века. **11.** Киносценарист, которого Владимир Высоцкий называл в числе своих самых близких друзей. **12.** «Звуковой наркотик». **13.** Гоночный швертбот. **14.** При каком дирек-

торе Эрмитажа «Мадонна Бенуа» кисти Леонардо да Винчи попала в коллекцию музея? **17.** Соцветия папоротника. **20.** Месяц еврейского календаря. **23.** Белорусская молочная подливка. **24.** Имперский рыцарь «с железной рукой», обязанный своей литературной славой великому Иоганну Гете. **25.** Кто руководил самой жестокой волной рас-

кулачивания русской деревни в 1929–30 годах? **26.** Тын поперек реки, чтобы рыбу ловить. **27.** Танцевальная драма из Индонезии. **29.** Индийский сыр из буйволиного молока. **31.** В каком местечке штата Огайо родился голливудский актер Кларк Гейбл? **32.** Одежда героя пушкинского «Ариона». **33.** Гостиница первого класса в дореволюционные времена. **34.** Зеленый чай высшего сорта прежде на Руси. **35.** Самый ценный лазурит. **37.** «Я очень люблю родину! Хоть есть в ней грусти ивовая ...» **38.** Какая пляда после смерти превратилась в зимородка? **39.** Латиноамериканский танец в основе самой популярной на Кубе песни «Guantanamo». **40.** Какая Луиза стала королевой «американских арреарс»? **41.** Самая безопасная страна в Европе, где нет ни одной тюрьмы. **42.** «Средство борьбы с преступностью» из культового боевика «13-й район».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Резкое падение цен. **2.** Какая компания подарила миру «лайкру»? **4.** В какой месяц начали строить храм Соломона? **5.**

Церковный столик, напрямую с которым связано выражение «окрутили молодца». **6.** Первый русский патриарх. **7.** Кого дважды удостоили Сталинской премии за роль Сталина в кино? **8.** Голубая рыбка из аквариума. **10.** Мадагаскарская кошка. **11.** «Гений из Гента». **13.** Последний царь для Николая Римского-Корсакова. **14.** Шелковый шарф в наряде палестинцев. **15.** Расчет границ страхового покрытия. **16.** Кто убил русского императора Павла I золотой табакеркой? **18.** Какому капитану установлен памятник на Васильевском острове в Санкт-Петербурге? **19.** Главный архитектор ОГПУ, а затем и НКВД. **21.** Форвард «Баварии», забивший пять голов за девять минут в ворота «Вольфсбурга». **22.** Стрекало для слонов. **23.** Состязания среди собак по перетаскиванию тяжестей. **28.** Смесь вина с колой. **29.** Королевский десерт викторианской эпохи. **30.** Кто вручил «Оскар» «за уникальную артистичность» легендарному Фреду Астеру? **32.** Майонез с зеленью. **36.** Герой оscarоносной драмы «Одержимость».

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Шарп». **6.** Якулов. **10.** Бобышев. **11.** bezoar. **12.** Кианит. **13.** Гарольд. **14.** Фаяль. **17.** Нун. **18.** Кайттрекинг. **21.** Гаммодоки. **22.** Зерцало. **25.** Луксо. **26.** Риболлита. **27.** Асар. **29.** «Ренегат». **30.** Асеев. **31.** Грозей. **33.** Херсифрон. **36.** Астрал. **38.** Рати. **39.** Тосканини. **40.** Дыня. **41.** Шило.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Шабр. **2.** «Раздан». **3.** Бор. **4.** Вытарашка. **5.** Менотти. **7.** Книд. **8.** Линц. **9.** Витт. **10.** Байле. **12.** Кьеркегор. **14.** Фураж. **15.** Эксцельсиор. **16.** Анклитцен. **19.** Амчур. **20.** Одиссей. **23.** Випассана. **24.** Гаргуайд. **25.** Лафонтен. **28.** Зеленко. **29.** Регат. **32.** «Афоня». **34.** Нави. **35.** Жиго. **37.** Лох.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

